

РАССКАЗЫ О ПУШКИНЕ

ЗАПИСАННЫЕ
СО СЛОВ ЕГО ДРУЗЕЙ
П. И. БАРТЕНЕВЫМ
в 1851—1860 годах

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
М. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1925

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко.

Ленинградский Гублит № 6971 9. — 2100 экз.
Российская Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12
Ленинград.

Публикуемые записи Петра Ивановича Бартенева рассказов о Пушкине, относящиеся к 1850-ым годам, обращают нас к начальным временам пушкиноведения, к его, так сказать, истокам, превратившимся за протекшие с тех пор семьдесят лет в такую широкую, полноводную реку...

В сороковые годы к изучению биографии великого поэта, можно сказать, еще и не приступали. Если в знаменитых статьях Белинского о Пушкине были даны и общая оценка значения его творчества в истории русской литературы, и критический разбор с эстетической точки зрения всех его произведений, то в области изучения биографии Пушкина в первое десятилетие после его смерти почти ничего не было сделано. Лучшие в то время биографические очерки, написанные П. А. Плетневым¹ и Д. Н. Бантыш-Каменским², кратки, скудны фактическим материалом и полны самых грубых ошибок. Так же бедна была и мемуарная литература. Никто из лиц, наиболее близких к Пушкину, не поделился с читателями воспоминаниями о нем. Появившиеся в 1837—1850 годах воспоминания Грена, Рудыковского, Макарова, Фукс, бар. Розена, Стурдзы, Гоголя, Горчакова и Шевырева касаются отдельных, зачастую имеющих второстепенное значение, эпизодов из жизни поэта, часто анекдотичны и иногда (Грен, Макаров) недостоверны.

Из писем поэта были опубликованы за это время лишь письма к Погодину (большую часть в отрывках), Н. А. Полевому и А. А. Фукс и несколько отрывков из писем к П. А. Плетневу. Такова была пушкиниана, когда П. И. Бартенева начал собирать материалы для биографии великого поэта.

¹ П. А. Плетнев „Александр Сергеевич Пушкин“ — „Современник“ 1838, т. 10; перепечатано в „Сочинениях и переписки“ П. А. Плетнева, 1885, т. I, стр. 364—386.

² Бантыш-Каменский „Словарь достопамятных людей“. Спб. 1847, ч. II.

Будущему биографу Пушкина шел восьмой год (р. 1 октября 1829 г.), когда в Липецк, где жили Бартеневы, пришло известие о смерти поэта. Петр Иванович до старости помнил, как все в доме надели траур, и как плакала его мать¹.

Поступив в 1847 году, по окончании курса в Рязанском благородном пансионе, на историко-филологический факультет Московского университета, Бартенев, в качестве слушателя, знакомится с профессорами Буслаевым, Грановским и Шевыревым. Рассказы последнего о великом поэте производят сильное впечатление на Петра Ивановича, горячего поклонника поэзии Пушкина; Шевырев заражает своего ученика культом поэта, и с этого уже времени собрание сведений о Пушкине станет одним из главных дел жизни Бартенева. Вместе с Я. К. Гротом (1812—1893) и П. В. Анненковым (1812—1887) он становится основоположником науки о Пушкине. Главная заслуга Бартенева перед пушкиноведением, это — собрание и публикация материалов по биографии поэта. В этом отношении не было и, конечно, не будет среди пушкинистов ему равного. Лиц, знавших Пушкина, с которыми общался за свою долгую жизнь Петр Иванович, нужно считать десятками, и можно быть уверенным, что ни одного из них неутомимый летописец не позабыл расспросить о великом поэте. Мы, „внуки“ Бартенева, лишены этого счастья: „составитель“ „Русского Архива“ был последним из хранителей живой, устной традиции о Пушкине.

Первыми по времени поступления в распоряжение Бартенева материалами о Пушкине были, надо думать, воспоминания о нем С. П. Шевырева, написанные в декабре 1850 — январе 1851 г.², позднее, в копии имевшиеся у П. В. Анненкова³.

Еще будучи студентом Бартенев познакомился с М. П. Погодиным и в июне 1851 года обращался к нему за сведениями о Пушкине. В дневнике Погодина (под 12 июня) записано „Молодому Бартеневу сообщил о Пушкине“. Вероятно, через Погодина же осенью этого года свел знакомство Петр Иванович с П. В. Нащокиным. При первых своих посещениях Павла Вои-

¹ Мать Бартенева — Аполинария Петровна, рожденная Бурцева — сестра знаменитого Алексея Петровича Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым.

² См. стр. 44 тетради Бартенева и прим. к ней.

³ См. Майков „Пушкин“. Спб. 1899, стр. 322. Воспоминания Шевырева были впервые напечатаны лишь в 1892 году в „Русском Обозрении“ (№ 4) Л. Н. Майковым.

новича Бартенев имел весьма неясное представление о том, с кем он беседует. В скудной, как мы знаем, литературе о Пушкине, молодой биограф не мог встретить даже упоминания имени Нащокина. Этим и объясняются слова в бартеневской записи второй беседы с Нащокиным: „...степень доверия к показаниям Нащокина во мне все увеличивается, и теперь доверие мое переходит в уверенность“.

В течение октября и ноября 1851 г. Бартенев был у Нащокина, жившего тогда в бедности у церкви Неопалимой Купины (близ Девичьего Поля), восемь раз и все слышанное от него о Пушкине записал в особую тетрадь.

Получив место наставника сыновей дочери гр. Д. Н. Блудова Л. Д. Шевич и заручившись рекомендательными письмами Шевырева и Погодина к П. А. Плетневу и С. А. Соболевскому, Бартенев во второй половине декабря 1851 г. едет в Петербург. Плетневу Шевырёв писал: „Бартенев влюблен в поэзию Пушкина и в память об нем. Он собирает все материалы для его биографии. Я уверен, что Вы не откажете ему в этом. Вы сами храните столько живых преданий о нашем незабвенном поэте“. Об этом же писал Плетневу и Погодин: „Бартенев несколько лет уже собирает материалы для биографии Пушкина с любовью и всеми качествами, коих требует это дело. Скажите ему, чтоб он показал Вам свой скарб, и вы удостоверитесь в истине моих слов. Это настоящий биограф — и смею сказать, что наша обязанность общая доставлять ему материалы. Лучших рук предположить нельзя. У г. Анненкова будет биография, вероятно, на первый случай, хотя и ему, разумеется, всякое содействие желательно“¹.

Что в настоящее время сохранилось, кроме публикуемой тетради, из бартеневского „скарба“, о котором пишет Погодин, нам неизвестно², как неизвестны и записи рассказов о Пушкине, Плетнева, с которым познакомился в Петербурге Бартенев. Здесь же было положено начало знакомству Петра Ивановича с С. А. Соболевским, который 15 января 1852 г. писал Погодину: „Любезное письмо ваше я получил чрез Бартенева. Постараюсь быть ему полезным“³.

¹ См. „Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым“, т. III, стр. 756—757.

² О другой „пушкинской“ тетради Бартенева см. „Гол. Мин.“ 1920—21 гг., стр. 119.

³ См. Барсуков „Жизнь и труды Погодина“. XI, стр. 318.

Вероятно, в это же время Петр Иванович давал Соболевскому свою тетрадь с записями рассказов Нащокина, и Соболевский, читая их, на полях сделал свои замечания.

В сентябре 1852 г. Бартенев пробыл 2 суток в Москве и два раза навещал Нащокина, записав, по своему всегдашнему обыкновению, и эти беседы¹.

Наконец, последняя запись рассказов Нащокина, имеющаяся в публикуемой тетради, датирована 8 марта 1853 г.².

К этому же году относится знакомство Бартенева с семьей Киреевских и Елагиных. „Сближение с Хомяковым, братьями Киреевскими, Елагиными и семьею Аксаковых, — писал он, — почитаю счастьем своей литературной и общественной жизни“. Это знакомство дает Бартеневу новые материалы о Пушкине, лишь некоторая часть которых, надо думать, попала в публикуемую тетрадь.

Обращаемся теперь к последней.

Тетрадь в четвертку в картонном переплете, оклеенном зеленоватой бумагой; корешок кожаный. Бумага белая, пожелтевшая от времени, без линеек и без водяных знаков³.

Обследование тетради обнаружило, что в ней сначала было 140 страниц (70 листов), из которых затем вырвано 30 страниц (15 лист.), теперь утраченных, так что в настоящее время в тетради 110 страниц (55 лист.). Недостаёт следующих тридцати вырванных страниц — 7; 8, 73, 74, 91—94, 107—110, 115—122, 125—126 и 133—140.

Страницы не были нумерованы, вырванные листы были вложены в тетрадь, как попало, и настоящее местоположение их в тетради пришлось устанавливать по ряду признаков — содержанию записей, цвету чернил и т. п.

Страницы с 15-ой по 84-ую имеют широкие поля (в 6 сант.), в большинстве не записанные основным текстом и оставленные для позднейших заметок, каковые и сделаны во многих местах как самим Бартеневым, так и другими лицами, которым Бартенев давал читать свою тетрадь.

¹ См. стр. 81—84 тетради Бартенева.

² После этого Бартенев бывал у Нащокина, когда последний жил в богатом доме на Плющихе. Скончался Павел Воинович 6 ноября 1854 г. Похоронен на Даниловском кладбище.

³ Тетрадь принадлежит Л. Э. Бухгейм, с любезного разрешения которого мы и печатаем ее содержание.

Основной текст написан черными чернилами, от времени выцветшими, заметки же на полях сделаны частью чернилами, частью карандашом.

Страницы тетради заполнялись не подряд, при чем двадцать две, а именно — 3—6, 10, 14, 25, 26, 36, 54, 60, 68, 80, 86, 88, 96, 102, 104, 112, 124, 128 и 130 — остались совершенно чистыми.

Со стороны содержания, тетрадь включает в себе записи четырех родов. Первыми по времени, важности содержания и размерам являются записи бесед П. И. Бартенева о Пушкине с Павлом Воиновичем Нащокиным (в большей части) и его женой Верой Александровной. Записями двенадцати бесед — 1, 7, 8, 10, 16 и 17 октября, 4, 23 и 24 ноября 1851 года, две беседы в сентябре 1852 г. и одна 8 марта 1853 г. — заняты страницы с 15-ой по 89-ую.

Вторую беседу (7 октября 1851 г.) в этом ряду нужно выделить. Она происходила не у Нащокина, а у Погодина, пригласившего к себе П. В. Нащокина для П. В. Анненкова, в то время приступавшего к работам над текстами и биографией Пушкина. Кроме самого хозяина и Нащокина, о поэте рассказывал бывший лицеист А. А. Мей. В запись об этом собрании Бартенев вставил слышанный им раньше рассказ о Пушкине Т. Н. Грановского и указания на сообщения С. П. Шевырева, А. С. Хомякова и преподавателя Рязанской гимназии Н. Н. Титова.

Кроме этих вставок, Петр Иванович вписал в запись беседы с Нащокиным 10 октября рассказ А. И. Васильчиковой о предъдуэльной истории; 16 октября Нащокины передавали рассказ К. К. Данзаса о дуэли (тут же приводится и одно сообщение Анненкова), на следующий день Павел Воинович рассказывал о „Гавриилиаде“ со слов Н. А. Муханова.

Текст записей бесед с Нащокиным в тетради представляет собою переписанные записи, делавшиеся Бартеневым во время самых бесед. На это указывает замечание Бартенева на странице 32-ой о том, что он одну эпиграмму, сообщенную Меем, „не записал“. В черновых записях иногда не были указаны фамилии упоминаемых лиц, и при переписывании Бартенев оставлял пробелы для вписывания этих фамилий, что он и делал карандашом в следующее свидание, переспрашивая Нащокина, вероятно, при прочтении ему всей за-

писи¹. Затем Бартенов по этим карандашным вставкам вписывал их чернилами.

Свои записи бесед с Нащокиным Бартенов давал читать С. А. Соболевскому и М. Н. Лонгинову. Первый сделал на полях страниц 19—70 ряд заметок карандашом и чернилами, на основании чего можно думать, что Соболевский прочитывал бартеновские записи дважды. Когда это было, сказать трудно; возможно, что первое чтение происходило еще в Петербурге, в первой половине 1852 г.

Что касается М. Н. Лонгинова, то мы не уверены, все ли карандашные пометы на страницах 21, 22, 24, 29 и 45 сделаны его рукой. Особенно вызывает сомнение помета на стр. 45-ой. Время написания этих замечаний неизвестно, но не раньше октября 1854 г.²

Второй цикл рассказов о Пушкине, записанных Бартеновым, это — рассказы Н. А. Елагина, И. Ф. Мойера, П. и И. Киреевских и А. П. Елагиной-Киреевской, передававших, кроме своих личных воспоминаний о поэте, рассказы о нем Е. А. Боратынского, В. А. Жуковского и Е. А. Протасовой. Кроме этого, в запись рассказа А. П. Елагиной-Киреевской Бартенов вставил рассказ Ф. Ф. Вигеля о встрече его с Пушкиным в 1827 г.

Эти записи (на стр. 103—129) сделаны летом 1853 г. (рассказ Мойера датирован 11-м июля 1853 г., село Бунино)³, когда Бартенов гостил в имениях Мойера, Киреевских и Елагиных.

Третью группу записей составляют выписки из „Московского Телеграфа“ за 1827 г., „Современника“ и „Москвитянина“ за 1853 г. мест, представлявших для Бартенева интерес, как материал для биографии Пушкина.

Наконец, особняком стоят: рассказ (датирован 30 октября 1853 г., Москва) О. М. Бодянского о посещении Пушкиным Московского Университета в 1832 г. (стр. 90), рассказы (дата записи — 17 января 1860 г.) о Пушкине В. И. Даля (стр. 1—2) и запись слов о Пушкине архимандрита Макария Болховского (стр. 9).

Таким образом, в тетради Бартенева мы имеем записи рассказов о Пушкине следующих двадцати одного лица, лично

¹ См. стр. 22, 41—42, 52 тетради Бартенева.

² См. прим. к стр. 21 (о пожаре Лицея).

³ См. еще прим. к стр. 113 (об епископе Евгении Казанцеве).

знавших поэта: 1) П. В. Нащокина, 2) В. А. Нащокиной, 3) М. П. Погодина, 4) Т. Н. Грановского, 5) С. П. Шевырева, 6) А. С. Хомякова, 7) А. И. Васильчиковой, 8) С. А. Соболевского, 9) Н. А. Елагина, 10) И. Ф. Мойера, 11) П. В. Киреевского, 12) И. В. Киреевского, 13) А. П. Елагиной-Киреевской, 14) Ф. Ф. Вигеля, 15) О. М. Бодянского, 16) В. И. Даля, 17) К. К. Данзаса, 18) Н. А. Муханова, 19) Е. А. Протасовой, 20) В. А. Жуковского и 21) Е. А. Боратынского.

Рассказы последних пяти лиц записаны не непосредственно с их слов, а в передаче других лиц, а заметки С. А. Соболевского сделаны им лично.

Кроме этого, в тетради имеются сообщения о Пушкине А. А. Мея, П. В. Анненкова, М. Н. Лонгинова и Н. Н. Титова, лично поэта не знавших.

Как уже сказано, наиболее ценными являются рассказы П. В. Нащокина, друга Пушкина, может быть, в последние годы жизни поэта самого близкого к нему человека. Прекрасная характеристика этой глубоко оригинальной личности дана М. О. Гершензоном в его статье „Пушкин и Нащокин“ (первоначально напечатана под заглавием „Друг Пушкина Нащокин“ в „Русской Мысли“, 1904, № 4, затем в V т. собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, и в книгах: „Образы прошлого“, М. 1912 и „Мудрость Пушкина“, М. 1919)¹.

¹ Литература о П. В. Нащокине невелика. Кроме указанного в статье Гершензона, нам известны письма Нащокина: к Пушкину в журн. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 315—316; заемное письмо Нащокина с распиской Пушкина, *ibid.*, стр. 313—314; к Н. М. Коншину о смерти Е. А. Боратынского (в письме приводятся слова Пушкина по поводу смерти Дельвига) в „Русск. Стар.“, 1908, XII, стр. 762—3; к М. П. Погодину у Барсукова „Жизнь и труды Погодина“, кн. X, стр. 428 и кн. XI, стр. 312—315; к Н. В. Гоголю в журн. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 330—1. Письма к Нащокину: В. А. Жуковского в кн. П. Загарина „Жуковский и его произведения“, М. 1883, приложение V-ое и в журн. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 333—4; Н. Н. Пушкиной в „Русск. Арх.“, 1904, XII, стр. 602 и в журн. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 326—8; Л. С. Пушкина, *ibid.*, стр. 329; Н. В. Гоголя, *ibid.*, стр. 329—331 и А. Н. Верстовского, „Ежегодник импер. театров“. Сезон 1896/97 г. прил. кн. 2, стр. 101. Неопубликованные письма к П. В. Нащокину, А. Ф. и Е. И. Вельтман, гр. М. Ю. Вильгельм-Горского, кн. П. А. Вяземского, А. Катенина, С. П. Шевырева и С. А. Соболевского хранятся в Росс. Публ. Библиотеке в Ленинграде (О письмах Соболевского см. биографический очерк Соболевского, составленный В. И. Саятовым (в кн. „Соболевский, друг Пушкина“, 1922, стр. 6 и 15). Заметки Бартењева о Нащокине в „Русск. Арх.“: 1878, I, стр. 76; 1904, № 11, стр. 433 и 1908,

Достаточно прочесть переписку Нащокина с Пушкиным, чтобы убедиться, какая глубокая, нежная дружба соединяла их. Павел Воинович буквально обожал поэта, благоговел перед ним („любит меня один Нащокин“, — писал Пушкин жене 14 мая 1836 г.) и Пушкин ценил это и в свою очередь питал к Нащокину чувство самой искренней привязанности.

Дорожа священной для него памятью друга, Нащокин, как отметил Бартенева, „сообщал свои сведения осторожно, боясь ошибиться, всегда оговариваясь, если он нетвердо помнил что-либо“. Произведенная нами проверка рассказов Нащокина подтверждает эти слова Бартенева.

Конечно, при всем желании быть точным в своих показаниях, Павел Воинович иногда кое-что путал. Эти ошибки памяти вполне понятны, они — обычное, нормальное явление всех воспоминаний, и было бы странно, если бы рассказы Нащокина были абсолютно безупречны в этом отношении. Кроме этого, нужно заметить, что, как ни близок был к Пушкину Нащокин, многое из того, что мы теперь знаем о поэте, Павел Воинович не мог знать. Напомним, что познакомился поэт с Нащокиным еще во время своего пребывания в Лицее, затем знакомство продолжалось в Петербурге в 1817—1820 гг. Ссылка Пушкина на юг и в Михайловское разлучила их на шесть лет; снова встречаются они уже в Москве осенью 1826 г. и с этого времени видятся друг с другом во время приездов Пушкина в Москву и во время недолгого пребывания Нащокина летом 1833 г. в Пе-

№ 4 обл. и в сб. „Деятнадцатый век“, кн. I, стр. 383. См. еще о Нащокине в кн. М. П. Погодина „Простая речь о мудреных вещах“, изд. 2-ое, М. 1874, стр. 41—42; у Барсукова „Жизнь и труды Погодина“ по указателю; „Русск. Арх.“, 1899, № 6, стр. 349; „Русск. Вестник“, 1888, сент., стр. 426—430; полн. собр. соч. Б. М. Маркевича, т. XI, стр. 131—9; „Русск. Стар.“, 1889, № 10, стр. 129; Рамазанов, „Материалы для истории художеств в России“, кн. I, 1863 г., стр. 16; кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, „Русская родословная книга“, 1895, т. II, стр. 27 и 465. О В. А. Нащокиной и ее рассказах о Пушкине, кроме указанных М. О. Гершензоном воспоминаний, см. ст. Н. Ежова, „У современницы Пушкина“ в „Нов. Времени“ 1899, № 8343. Письма (3) к мей А. Н. Верстовского в „Ежегоднике императ. театров“. Сезон 1896/97 г., прил. 2, стр. 101. О семье Нащокина после его смерти в сб. „Старина и Новизна“, кн. IV, стр. 65—66 и в собр. соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 319—320.

Очень ценны сводки сведений о Нащокине Б. Л. Модзалевского в ленинградском и М. Н. Сперанского в московском изданиях 1923 г. дневника Пушкина.

тербурге. Таким образом, непосредственным свидетелем жизни Пушкина в Петербурге с 1831 года Нащокин не был и знал о ней по рассказам и письмам поэта и общих знакомых. И тем не менее сообщенное Бартеневу о Пушкине Нащокиным полно интереса, смеем думать, не только для специалистов¹.

М. Цявловский.

28 января 1925 г.

¹ Текст записей Бартенева воспроизводится нами с сохранением орфографии и характерных особенностей пунктуации подлинника. Скобки Бартенева передаются круглыми скобками; в прямых скобках — наши пояснения; в ломаных — зачеркнутое у Бартенева.

РАССКАЗЫ О ПУШКИНЕ

1

I

ТЕТРАДЬ 1851—1860 гг.

[1]¹ Рассказы В. И. Даля о Пушкинѣ.

17 января 1860.

Даль познакомился съ Пушкинымъ 1832 въ Спб. Жуковскій долго хотѣлъ поѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Пушкину, но ему было все некогда. Даль взялъ новую свою книжку и пошелъ самъ представиться.

Пушкинѣ живо интересовался изученіемъ народнаго языка, и это их сблизило. За словарь свой Даль принялся по настоянію Пушкина. 1833 году П—нѣ пріѣхалъ въ Оренбургѣ, гдѣ тогда Даль служилъ при Перовскомъ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ Нижняго-Новгорода отъ тамошняго губернатора Бутурлина пришла къ Перовскому бумага съ извѣщеніемъ о путешествіи Пушкина, который состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Съ Перовскимъ Пушкинѣ былъ на ты и пріѣхалъ прямо къ нему; но въ домѣ генераль-губернатора поэту было не совсѣмъ ловко, и онъ перешелъ къ Далю; обѣдать они ходили вмѣстѣ къ Перовскому. Впрочемъ Пушкинѣ оставался въ Оренбургѣ нѣсколько дней, собирая рассказы о Пугачевѣ. Они ѣздили вмѣстѣ съ Далемъ въ Берды. Пушкина очень забавлялъ и смѣшилъ рассказъ о томъ, какъ разъ Пугачевъ пришелъ въ Бердахъ в церковь и при всей толпѣ народа сѣлъ на престолъ, промолвивъ: „Давненько я не сидѣлъ на престолѣ“. Даль помнитъ, какъ ѣдучи въ Берды, Пушкинѣ говорилъ ему, что у него на умѣ большой

¹ На этой страницѣ первоначально было написано рукой Бартенева только два слова: вверху страницы — „Пушкинѣ“, а внизу (в правом углу) — „1851 года“. Затемъ черезъ девять летъ на этой и следующей страницѣ рукой неизвестнаго были вписаны рассказы В. И. Даля о Пушкинѣ, и Бартеневъ над словомъ „Пушкинѣ“ приписалъ — „Рассказы В. И. Даля о“, исправивъ слово „Пушкинѣ“ на: „Пушкинѣ“ и поставивъ дату: „17 января 1860“.

романъ, но онъ не [2] соберется сладить съ нимъ. „Погодите, прибавиль онъ, я еще много сдѣлаю; я теперь перебѣлся“. Въ Оренбургѣ былъ инженерный маіоръ какой-то ¹, необыкновенный балагуръ, самый веселый разсказчикъ и охотникъ. У него была отличная баня, куда Даль и повель Пушкина. Послѣ мытья, въ роскошный предбанникъ явился самъ хозяинъ и сталъ потѣшать гостя своими розсказнями и прибаутками.

„Вы стрѣляете утокъ?“ спросилъ его Пушкинъ. — „Какъ утокъ!“ воскликнулъ съ притворнымъ гнѣвомъ маіоръ, „чтобы я сталъ охотиться за такой дрянью! Утку убьешь, она такъ и шлепнется прямо въ грязь. Нѣтъ, мы ходимъ за востроносыми; того подстрѣлишь, онъ распластаетъ крылья и умираетъ на воздухѣ какъ Брутъ“. Пушкинъ очень хохоталъ этому, и въ послѣдствіи, посылая Перовскому экземпляры Пугачевского бунта и, смѣшавъ собственное имя писалъ: „Отдайте одинъ экземпляръ маіору, который смѣшиваетъ Валенштейна съ вальдшнепомъ“ ².

[3-я—6-я страницы — чистые; 7-я и 8-я — вырваны. На 9-й:]

[9] „Мы успокоились, мы воздремали на лаврахъ, и подъ пѣснями очаровательнаго стихотворца погрузились въ сонъ; и наши юноши, въ бреду усыпленія и безопасности, наизусть произносили стихи пѣвца, слова часто гнилыя, но для ветхаго человѣка чрѣзвычайно сладостныя“ ³. (Слова Макарія Болховского).

[10-я страница — чистая]

[Из статьи Гаевского о Дельвиге]

[11] Пушкинъ подвергался вступительному испытанію въ Лицеѣ 12 августа 1811 года. (Готовился у дяди, который привезъ его изъ Москвы.)

Преподаваніе началось съ 23 октября, въ Понедѣльникъ.

Въ вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ по части Географіи, всеобщей и Россійской исторіи, съ 1 ноября 1812 по 1 января 1814 г., представленной въ Конференцію Лицея И. Кайдановымъ о Пушкинѣ, было сказано: „При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи и

¹ Оставлено место для фамилии.

² Кончая этим словом с начала написано рукой неизвестного.

³ После слова „сладостныя“ первоначально была запятая, после которой было написано еще слов 10—12, потом так старательно зачеркнутых, что их невозможно прочесть.

сіе должно приписатьъ однимъ только его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго“. По степени успѣховъ въ этой вѣдомости Пушкинъ показанъ 17-мъ.

Изъ такой же вѣдомости и за то же время, по части логики и нравственной философіи, которыя преподавалъ Куницынъ: „Весьма понятень, замысловать и остроумень, но крайне не прилежень. Онъ способенъ тольکو къ такимъ предметамъ, которыя требуютъ малаго напряженія; а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части логики“. Показанъ 20-мъ.

Въ Литературныхъ трудахъ особенно участвовали: П. Д. Илличевскій, Корсаковъ, кн. А. М. Горчаковъ, баронъ [12] М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Ржевскій, М. Л. Яковлевъ и нѣкоторые другіе. Въ первомъ курсѣ Лицея издавалось четыре журнала: „Лицейскій Мудрецъ“, „Для удовольствія и пользы“, „Неопытное перо“ и „Пловецъ“. Первый изъ нихъ пропалъ во Флоренціи вмѣстѣ съ бумагами Николая Корсакова, умершаго тамъ отъ чахотки въ 1820 г. (За часъ до смерти онъ сочинилъ себѣ эпитафію, и когда ему сказали, что во Флоренціи не съумѣютъ вырѣзать русскія буквы, онъ самъ начертилъ её русскими буквами и велѣлъ скопировать на надгробномъ камнѣ: „Прохожій, постѣши къ странѣ родной своей! Ахъ! грустно умирать далеко отъ друзей!“). Остальные журналы доселѣ существуютъ (но не показываются) у брата одного изъ лицейстовъ.—Изданіе ж—овъ было прекращено въ 1813 г., такъ какъ они отвлекали нѣкоторыхъ воспитанниковъ отъ обязательныхъ занятій. Начали печатать въ журналахъ.

Въ началѣ 1814 г. умеръ В. Ѡ. Малиновскій. Исправлялъ должность директора сперва Кошанскій, потомъ (съ 28 сентября 1814 по 11 января 1816 г.) Гауеншильдъ. За нимъ поступилъ на должность директора Е. А. Энгельгардтъ.

[13] По внушенію Дельвига и Пушкинъ сталъ заниматься нѣмецкимъ языкомъ и, сдѣлавъ подъ руководствомъ Д—га нѣкоторые успѣхи, ходилъ вмѣстѣ съ нимъ къ Энгельгардту для чтенія у него германскихъ авторовъ. Разумовскій подтвердилъ, чтобы воспитанники говорили между собою по-французски и по-нѣмецки, чего до того времени не наблюдалось относительно нѣмецкаго языка.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ (ч. LXXVI, Іюль 1814, № 13) явилось первое стихотвореніе Пушкина: „*Къ другу Стихотворцу*“ съ подписью *Александръ Н. к. ш. п.*—Въ слѣдующемъ № *Кольна*

съ тою же подписью. Въ 1814 г. онъ печаталъ свои стихи еще съ псевдонимомъ: 1...14—16 (т.е. А . Н-П.). Въ 1815 г. 4 и 8 января было первое публичное испытаніе, на которомъ былъ Державинъ.

Дельвигъ вызвалъ на дуэль одного улана, бывшаго въ Бородинской битвѣ (И. А. Б—на), о чемъ рассказываетъ Пушкинъ, т. XI, стр. 173.

Прощальную пѣснь при выпускѣ изъ Лицея поручилъ Энгельгардтъ сочинить Пушкину; но онъ медлилъ и потомъ отказался. Пѣсню сочинилъ Дельвигъ.

[14-я страница — чистая]

[Рассказы П. В. и В. А. Нащокиных]

[15] Первая беседа 1 Октября 1851 года.

Постановленіе о Лицѣй высочайше утверждено 19 Августа 1810 года.

(Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія 1812, № XXXII.)¹

Лицей помѣщался въ Царскосельскомъ дворцѣ. Въ одномъ корпусѣ зданія помѣщалось заведеніе, въ другомъ жило царское семейство: ихъ соединяла церковь, находившаяся въ срединѣ дворца; здѣсь сходились, на хорахъ, воспитанники и члены императорской фамиліи, и Александръ нерѣдко становился на стѣрону, гдѣ стаивали воспитанники, обходясь съ ними очень ласково. Сначала заведеніе открыто было только на 30 человекъ, но такъ какъ это число не было формально объявлено, то родители навезли отовсюду дѣтей, и число желавшихъ поступленія [16] далеко превышало 30. Не поступившіе въ Лицей сначала размѣстились пансіонерами у профессоровъ, и одинъ изъ послѣднихъ, Гауеншильдъ, преподававшій Нѣмецкій языкъ, составилъ изъ нихъ цѣлый пансіонъ, который обратилъ на себя вниманіе императора, былъ имъ утвержденъ и причисленъ къ Лицею, подъ названіемъ Лицейскаго пансіона (*). Года черезъ 2 или 3 эти заведенія пришли въ такое отношеніе. Изъ воспитанниковъ Лицея (число ихъ уменьшилось до 28, ибо одинъ умеръ, другой, Гурьевъ, не желая быть сѣченымъ, былъ исключенъ) составили высшій, второй курсъ, воспитанники же Пансіона — низшій, первый. Каждый пробывалъ въ обоихъ курсахъ по 3 года и, стало быть, учился 6 лѣтъ. Высшій курсъ носилъ золотыя петлицы, [17] низшій серебряныя (первоначально же

(*) Переводъ Исторія Карамзина на нѣмецкій языкъ начатъ былъ при дѣятельномъ подкрѣпленіи Государственнаго Канцлера Графа Румянцева Директоромъ Благороднаго Пансіона Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Колесникомъ Совѣтникомъ Гауеншильдомъ; съ седьмого тома продолжалъ оный, подъ смотрѣніемъ и съ участіемъ Карамзина, Докторъ Философіи и Кавалеръ Эртель.

¹ Эта приписка сделана другими чернилами позднее. См. комментарий.

всѣ ходили просто въ сѣренъкихъ курточкахъ). Заведеніе содержалось богато. Для каждаго лицеиста была особенная комната, что составляло рядъ номеровъ, раздѣляемыхъ коридоромъ, по концамъ котораго стояли двѣ умывальницы. Въ одной изъ комнатъ тутъ же жилъ надзиратель, совершавшій между прочимъ и ночные дозоры. Часовъ въ 7 звонокъ будилъ воспитанниковъ, они умывались, другой звонокъ звалъ ихъ въ нижній этажъ здания, гдѣ поочередно читались молитвы и воспитанники пили чай. Отъ 10 до 12 классы, — два предмета, два профессора. Въ часть обѣда, затѣмъ отъ 2 до 5 опять классы, и остальное [18] время было свободное, т. е. предоставлялось дѣлать, что угодно. Стѣсненій никакихъ не было. Хотя изъ Лицея никого никогда не пускали домой, однако, обращеніе было до того свободно, что въ саду лицеисты безъ опасенія курили въ присутствіи надзирателя, должность котораго исправлялъ до послѣдняго времени¹ Чириковъ, учитель рисованія. Послѣ, по присоединеніи Гауеншильдовскаго пансіона, былъ еще надзиратель — Калиничъ.

Директоръ Лицея былъ Малиновскій, братъ Алексѣя Федоровича, извѣстнаго начальника Московскаго Архива.

При Лицеѣ была библіотека, знаменитая тѣмъ, что принадлежала Вольтеру, у котораго куплена Екатериною. Многія книги носятъ отмѣтки знаменитаго владѣльца. Воспитанники свободно могли ею пользоваться. „Основаніемъ² нашей Библіотеки (говоритъ профессоръ Я. Ханыковъ въ отчетѣ о состояніи императорскаго Александровскаго Лицея, читанномъ на актѣ Лицея 12 іюня 1850 (стр. 22) послужило, какъ извѣстно, драгоценное собраніе книгъ, подаренное Лицею его августѣйшимъ учредителемъ; нѣкоторыя изъ нихъ находились въ личномъ употребленіи самого государя с его собственноручными замѣчаніями и отмѣтками. Въ настоящее время библіотека содержитъ въ себѣ 5,756 сочиненій.

[19] Ученье было довольно легкое, энциклопедическое; особенной любви къ наукамъ въ Лицеѣ не оказывалось, хотя воспитанники уважали преподаваніе и преподавателей.

¹ Слова: „до послѣдняго времени“ написаны сверху зачеркнутыхъ: „и доселѣ исправляетъ“.

² Начиная с этого слова и кончая последними словами на этой (18) страницѣ: „5756 сочиненій“ вписано другими чернилами позднее. См. комментарий.

Прозвѣтъ ученія въ Лицеѣ былъ данъ на разсмотрѣніе знаменитому графу (*) Местру, бывшему Сардинскому посланнику, сочинителю „Du rare“, „Les soirées de St.-Petersbourg“ и пр. Местръ написалъ по сему случаю письмо ко графу Рау-мовскому, въ концѣ напалъ жестоко (а часто и справедливо)

на предположенное
учение. [Соб.]

(*) Его не должно
смѣшивать съ бра-
томъ, сочинителемъ
„Voyage autour de
ma chambre“ и „Le
Lépreux de la cité
d'Aoste“. [Соб.]

Профессора Закона Божія и Богословія: сначала *Музовскій*,
отправленный послѣ въ Пруссію для обученія Александры *Ое-*
доровны; потомъ *Мансветовъ*, человекъ строгій. Русской сло-
весности *Кошанскій*, воспитанникъ Московскаго Университет-
скаго пансіона.

Онъ же и профессоръ Латинскаго языка.

Греческій языкъ не преподавался.

Психологіи — *Куницынъ*, послѣ него Логики и Нравственной
Философіи — *Галичь*.

Математическихъ наукъ — *Карцевъ*. Нѣмецкаго языка —
Гауеншильдъ. Французскаго — *Будри*; человекъ пожилыхъ
лѣтъ, братъ знаменитаго Марата, очень [20] на него похожій
лицомъ; онъ, съ соизволенія Екатерины II, перемѣнилъ фамилію
страшную въ лѣтописяхъ исторіи и назвался Будри, по мѣстечку,
гдѣ онъ родился. Его классъ былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ;
переводилъ съ воспитанниками Недоросля Фон-Визина, переводя,
пригаль, поддувалъ перушкомъ, подобно Митрофанушкѣ.

Особеннаго расположенія къ кому-нибудь изъ профессоровъ
не было. Профессора не акуратно пріѣзжали на лекціи, за тѣмъ,
между прочимъ, что нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Будри,
преподававшій во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, жилъ въ Петер-
бургѣ.

[Приписка карандашемъ:] Въ Лицеѣ и Пансіонѣ воспитанники
устраивали театр и играли, но Пушкинъ ни Дельвигъ никогда
не играли. Играли Новаго Стерна, Чудаки.

[21] Пушкинъ поступилъ в Лицей при самомъ его основаніи.
Нащокинъ (который былъ однимъ годомъ его моложе) былъ въ
Пансіонѣ Гауеншильда. Они часто видались и скоро подружи-
лись. Пушкинъ полюбилъ его за живость и остроту характера.
Вообще Пушкинъ любилъ всѣхъ товарищей, враговъ у него не
было. Хотя у Пушкина въ Пансіонѣ былъ братъ (Левъ), но онъ
хаживалъ въ Пансіонъ болѣе для свиданія съ Нащокинымъ, чѣмъ
съ братомъ (Глупый Нащокинъ, умный К.).

Экзаментъ, который (одинъ разъ) посѣтилъ Державинъ,
былъ одинъ изъ обыкновенныхъ годовичныхъ, а не выпускной.
Объ ласкѣ Державина къ Пушкину не было особенно говорено
тогда.

Въ 1816 г. Лицей и церковь сгорѣли, и тотчасъ за этимъ
выпустили воспитанниковъ, въ томъ числѣ и Пушкина, который,
стало быть, не пробылъ урочныхъ 6 лѣтъ.

Неправда Пуш-
кинъ вышелъ въ юнѣ
1817 г.; пожаръ Лицея
и Дворца былъ въ
1820 году. [Кар.
Лонг.]

Нащокинъ вышелъ раньше Пушкина, не кончивъ курса, ещё не переведенный изъ Пансіона въ Лицей. Съ тѣхъ поръ [22] долго прекратились его сношенія съ Пушкинымъ, до самаго 1828 г.¹, когда въ Москвѣ началась самая тѣсная дружба.

Пріѣзжая въ Москву, Пушкинъ всегда останавливался у Нащокина и всегда радовался, что извозчики изъ почтамта умѣли найти его квартиру и привезти его къ нему, несмотря на то, что онъ мѣнялъ квартиры. Всего дольше онъ жилъ у стараго Пимена, въ домѣ².

Когда онъ пріѣзжалъ къ нему, они тотчасъ отправлялись въ бани (Лепехинскія, что были у Смоленскаго рынка) и тамъ вдоволь наговаривались, такъ что имъ послѣ не нужно было много говорить: въ обществѣ они уже вполне понимали другъ друга. Вставалъ Пушкинъ довольно рано, никуда не выходилъ, покуда не встанетъ Нащокинъ, просыпавшійся довольно поздно, потому что засиживался въ Англійскомъ клубѣ, куда Пушкинъ не ѣздилъ. [23] Питая особенную къ нему нѣжность, онъ укутывалъ его, отправляя въ клубъ, крестилъ.

Писать стихи Пушкинъ любилъ на отличной бумагѣ, въ большомъ альбомѣ, который у него былъ съ замкомъ; ключъ отъ него онъ носилъ при часахъ, на цѣпочкѣ. Стиховъ своихъ насколько не скрывалъ отъ Нащокина.

Романъ „Дубровскій“ внушенъ былъ Нащокинымъ. Онъ рассказывалъ Пушкину про одного бѣлорускаго небогатаго дворянина, по фамиліи Островскій (какъ и назывался сперва романъ), который имѣлъ процессъ съ, сосьдомъ за землю, былъ вытѣсненъ изъ имѣнья и, оставшись съ одними крестьянами, сталъ грабить, сначала подъячихъ, потомъ и другихъ. Нащокинъ видѣлъ этого Островскаго въ острогѣ³.

Сказку о Царѣ Салтанѣ Пушкинъ написалъ въ дилижансѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Москву.

Распорядителемъ суммы, вырученной за продажу сочиненій Пушкина, былъ графъ Строгановъ, одинъ изъ душеприкащиковъ, поручившій [24] это дѣло какому-то Отрѣшкову (изъ 250—только 30 т.). Послѣ Пушкина осталось только 75 рублей денегъ и 60 ты-

Пушкинъ былъ членомъ Московскаго Англійскаго клуба; выбранъ въ 1829 году въ одинъ день съ Боратынскимъ; но послѣ выбылъ изъ членовъ. [Кар. Лонг.]

Это вздоръ; книга была такая у Пушкина только до отсылки въ изгнаніе. [Кар. Соболевскаго]

Наркизу Горосенко-Отрѣшкову [Кар. Соболю], который надуль опеку и за одну перевозку экземплярровъ съ мѣста въ мѣсто показавъ въ счетъ 5 тысячъ рублей. Изданіе (въ 11 том.) Сочиненій Пушкина оквернено милости Атрѣшк ле. [Кар. Лонг.]

¹ Первоначально было написано: „1826 г.“, потомъ цифра 6 переправлена в 8.

² Оставлено место для фамилии.

³ Этотъ абзацъ (со словъ „Романъ Дубровскій“) зачеркнутъ синимъ карандашомъ. См. комментарий.

у которого [?] у
главу бородавка.

сячь долгу, уплаченного государемъ. Изъ 75 на память взяли себѣ по 25 — Жуковский, Вельегорскій¹ и Нащокинъ. Послѣднему же достался бумажникъ, архалукъ (подаренные въ собраніе Погодина), маска, отданная Сухотину, и часы, которые онъ уступилъ Гоголю.

Это натяжка! [Соб.]

Пушкинъ не любилъ Вяземскаго, хотя не выражалъ того явно; онъ видѣлъ въ немъ человѣка безирравственнаго, ему досадно было, что тотъ волочился за его женою, впрочемъ волочился просто изъ привычки свѣтскаго человѣка отдавать долгъ красавицѣ. Напротивъ, Вяземскую Пушкинъ любилъ.

Это суицидальная клевета.
С. Соболевскій.

Боратынскій не былъ съ нимъ искрененъ, завидовалъ ему, радовался клеветѣ на него, думалъ ставить себя выше его глубокомысліемъ, чего Пушкинъ въ простотѣ и высотѣ своей не замѣчалъ.

[25-я и 26-я страницы чистые]

[27] Октябрь 7. [1851 г.]

У М. П. Погодина было нѣчто въ родѣ литературнаго вечера. Отъ своихъ многочисленныхъ занятій Погодинъ хотѣлъ на нѣсколько часовъ оторваться и посвятить эти часы воспоминаніямъ о Пушкинѣ. Такова была собственно цѣль собранія. Приглашены были издатель Пушкина, П. В. Анненковъ, которому именно Погодинъ хотѣлъ доставить случай узнать что-нибудь новое о покойномъ, ближайшій другъ послѣдняго Нащокинъ, далѣе одинъ изъ позднѣйшихъ лицестовъ Мей³, я и еще кое-кто, въ томъ числѣ Г. Эрастъ Благодѣловъ, который въ началѣ вечера читалъ свою статью на Петербургскіе журналы — нѣчто талантливое, но нѣсколько тривиальное. — Погодинъ, кажется, не достигъ своей цѣли. Хотя и много было говорено о Пушкинѣ, но мало новаго, дѣло шло какъ-то вяло. Вотъ все, что мною было узнано тамъ. Нащокинъ и другіе сообщили [28] свои догадки о лицахъ, къ которымъ есть обращенія въ стихотвореніи: 19 октября 1825 г. (т. III, стр. 16): „Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ“ относится къ молодому товарищу Пушкина по Лицею, *Корсакову*, брату извѣстнаго президента Академіи *Дондукова* (прибавлено отъ жениной фамиліи) *Корсакова*, который по выходѣ изъ Лицея уѣхалъ въ Италію и тамъ умеръ.

да. [Кар. Соболев-
скаго.]

¹ Слово „Вельегорскій“ написано сверху зачеркнутого: „Плетневъ“.

² Скобка сделана Соболевскимъ же.

³ Слово „Мей“ написано сверху зачеркнутыхъ: „(фамиліи не знаю)“.

Слѣдующія за тѣмъ двѣ строфы относятся къ моряку, тоже товарищу Пушкина по Лицею — теперь Контръ-Адмиралу *Матюшкину*. да. [Кар. Соболевского.]

Далѣе въ 9-й строфѣ стихи:

„О....мой...
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ“,

по догадкѣ *Нащокина*, должны относиться къ *Гревницу*.

Слѣдующая за тѣмъ строфа обращена къ *Горчакову*, какъ говорилъ мнѣ прежде и *Шевыревъ*. да. [Кар. Соболевского.]

[28] Дальнѣйшее обращеніе относится къ *Дельвигу*.

Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ — *Вильгельмъ* (*Кюхельбекеръ*).

Въ поэмѣ: *Домикъ* въ *Коломнѣ* (т. II, стр. 340) есть одно обращеніе, относящееся къ г-жѣ *Зуровой*, которая прежде была за графомъ *Страйновскимъ*, а урожденная *Буткевичъ* (сообщилъ *Нащокинъ*).

Отвѣтъ *Θ. Т**** (*Туманскому*), т. III, 59. Здѣсь говорится о г-жѣ *Паниной*, урожденной *Пушкиной*, сестрѣ г-жи *Зубковой*¹, въ которую *Пушкинъ* былъ влюбленъ. Стихотвореніе написано въ *Москвѣ*. *Нащокинъ* замѣчалъ *Пушкину*, что стихъ: „Нѣтъ, не агать въ глазахъ у ней“ можетъ означать, что у нея нѣтъ на глазахъ бѣльмъ. Не Тютчеву ли? [Кар. Лонг.] да. [Кар. Соболевского.]

То *Dawe esq.* (стр. 72): „*Рисуй Олениной черты*“, по словамъ *Погодина*. да. [Кар. Соболевского.]

Превосходное стихотвореніе, начинающееся: „Когда твои младыя лѣта“ (стр. 83), по словамъ *Нащокина*, обращено къ теперешней графинѣ *Закревской*.

Мадона, написанная рукою *Пушкина* въ альбомѣ *Юрья Никитича Бартенева*, по общему отзыву, относится къ *Наташѣ Николаевнѣ*, женѣ поэта.

[30] На стр. 121 третьяго тома, посланіе къ *Ш. .ву* есть посланіе къ извѣстному князю *Шаликову*. Приведу здѣсь другое

¹ Слова „урожденной“ (написано поверхъ зачеркнутого: „Бывшей“) и „сестрѣ г-жи *Зубковой*“ написаны рукою *С. А. Соболевского*.

стихотвореніе Пушкина, относящееся къ тому же лицу, которое я слышалъ отъ покойнаго учителя Рязанской Гимназіи Н. Н. Титова (впослѣдствіи Инспектора Владимирской Гимназіи):

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальной
Елегіи семьѣ своей читаль,
А казачокъ огарокъ сальной
Предъ нимъ со трепетомъ держаль.
Вдругъ онъ заплакаль, зарыдалъ.
„Вотъ вы съ него примѣръ берите, дуры!“
Князь дочерямъ своимъ сказалъ.
„Почто, о милое дитя природы
„Слезой наполнился твой взоръ?“
(А мальчикъ отвѣчалъ),
„— Мнѣ хочется на дворъ!“

На стр. 123: вѣроятно, къ *Пушину*, лицейскому товарищу.

На стр. 131: къ *Всеволожскому*¹.

На стр. 136: къ графу *Самойлову* (по свидѣтельству Нащокина).

На стр. 138: къ *Чадаеву*.

[31] На стр. 151: Гони ты *Шеппина* отъ нашего порога.

На стр. 154: къ *Давыдову* Александру² Львовичу, одному изъ трехъ братьевъ. Въ ихъ семействѣ, въ селѣ Каменкѣ, Пушкинъ гащиваль. Тотъ же *Давыдовъ* есть и Фальстафъ, см. т. XI.

На стр. 156: къ *Языкову*.

Черепъ къ *Дельвигу*.

Подражанія *Корану* посвящены П. А. *Осиповой*, сосѣдкѣ Пушкина по Псковской деревнѣ (сообщилъ *Погодинъ*).

¹ Первоначально было написано: „*Вяземскому*“, но другими чернилами зачеркнуто и сверху написано: „*Всеволожскому*“.

² Карандашомъ рукой неизвестнаго (можетъ быть, *Лонгинова*) сверху слова „*Александру*“ написано „*Василью*“.

Окончаніе Пророка: (219)

Возстанъ, возстанъ пророкъ Россіи,
Въ позорны ризы облекись,
Иди, и съ вервиемъ вкругъ шеи (выи?)¹
Къ У Г. явись (отъ Погодина, тоже сообщилъ и Хомяковъ).

Вотъ Олинъ, божія коровка,
Вотъ Каченовскій, злой паукъ,
Вотъ и Свинынь Россійскій жукъ,
Вотъ Глинка, черная мурашка,
Вотъ Раичъ, мелкая букашка. (242)

[32] Г. Мей, изъ словъ котораго можно было заключить, что онъ лицеистъ, сообщилъ, что, по преданію, на стѣнахъ лицейскаго карцера сохранялось нѣсколько строфъ Руслана и Людмилы. Онъ же прочелъ эпиграмму Пушкина на лицейскаго доктора Пешеля, гдѣ упоминается лакей Сазоновъ, который ходилъ за Пушкинымъ во время его болѣзни (этого не записалъ).

Онъ же прочелъ другую эпиграмму:

„Къ Смирдину какъ не зайдешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль въ Булгарина наступишь“.

(Между прочимъ о Булгаринѣ. Т. Н. Грановскій, познакомившійся съ Пушкинымъ у Плетнева, разъ шелъ съ нимъ пѣшкомъ съ дачи въ Петербургъ. Они говорили, и этотъ разговоръ Грановскій причисляетъ къ пріятнѣйшимъ въ своей жизни. Говоря о Булгаринѣ, Пушкинъ сказалъ, что напрасно его слишкомъ бранятъ, что гдѣ-ни[33]будь въ переулкѣ онъ съ охотою съ нимъ встрѣтится, но чтобъ остановиться и вступить съ нимъ въ разговоръ на улицѣ, на видномъ мѣстѣ, на это онъ — Пушкинъ — никакъ не рѣшится).

Еще эпиграмма, сообщенная тѣмъ же:

Поэтъ Невѣдомскій, невѣдомый никѣмъ
Поэтъ невѣдомо зачѣмъ.

Невѣдомскій послѣ этого оставилъ стихи, сталъ писать прозою и помѣщалъ статьи свои впослѣдствіи у Пушкина въ „Современникъ“.

¹ Слово „выи?“ в скобках приписано, кажется, рукой Соболевского.

Никогда не слы-
халъ [Кар. Соболев-
ского.]

По словамъ того же, Татьяна въ высшемъ обществѣ срисо-
вана съ графини Строгановой, урожденной Кочубей.

Никогда не видѣлъ.
[Кар. Соболевского.]

Погодинъ говорить, что о первыхъ годахъ литературной
дѣятельности Пушкина многое можно узнать отъ Долгорукова,
что женатъ на Шатиловой, и отъ Мазуриныхъ.

Г. Мей говорить, что собраніе ненапечатанныхъ стиховъ
Пушкина есть у Г. Тинькова, что живетъ въ Орловской губер-
ніи. — *Демонъ* относится къ А. Раевскому, котораго сестра за
М. Ѡ. Орловымъ.

Поэму La Toliade
[Соболевскій.]

[34] Нащокинъ сказалъ, что первые стихи Пушкинъ написалъ
на французскомъ языкѣ еще будучи 8 лѣтъ. Пушкинъ, по его же
словамъ, пользовался царскою милостью на пользу другимъ.
Такъ, когда умеръ Н. Н. Раевскій, Пушкинъ выпросилъ его
вловѣ (внукѣ знаменитаго Ломоносова, какъ замѣтилъ Пого-
динъ) пенсіонъ: Государь ей назначилъ 12.000 пенсіону. Еще
выпросилъ прощеніе одному офицеру, который за то, что выпу-
стилъ изъ подъ надзору кн. Оболенскаго, былъ разжалованъ
въ солдаты и встрѣтился съ Пушкинымъ во время его путеше-
ствія въ Арзрумъ.

Не самъ. [Соболев-
скій.]

Пушкинъ ввелъ въ обычай, обращаясь съ царственными ли-
цами, употреблять просто одно слово: государь. Когда наслѣд-
никъ заметилъ ему, что онъ не государь, Пушкинъ отвѣчалъ:
Вы г. наслѣдникъ, а отецъ вашъ г. императоръ. Его высочество
Михаилъ Павловичъ любилъ шутить съ Пушкинымъ, они говари-
вали о старинномъ оружіи, объ военномъ уставѣ, объ *Арти-
кулѣ*. Государыню Пушкинъ очень любилъ, благоговѣлъ передъ
нею. Когда Пушкина перевезли изъ [35] Псковской деревни
въ Москву, прямо въ кабинетъ государя, было очень холодно.
Въ кабинетѣ топился каминъ. Пушкинъ обратился спиною къ ка-
мину и говорилъ съ государемъ, отогрѣвая себѣ ноги; но вышелъ
оттуда со слезами на глазахъ и былъ до конца признателенъ
къ государю¹.

[36-я страница — чистая]

¹ Начиная со слов: „но вышелъ оттуда“ приписано другими чернилами
позднее.

На письмѣ Нащокина къ Пушкину, писанномъ въ Тулѣ 1834 года и находившемся въ бумагахъ Пушкина, но по смерти его возвращенныхъ Натальею Николаевною къ Нащокину, рукою Пушкина, на оборотѣ, написано:

Настойчка травная,
Настойчка тройная,
На зелья составная!
Удивительная!...

Въ присядку при народѣ
Тряхнулъ бы въ хороводѣ
Подъ: *Збранный Воеводе*
Побѣдительная!...

Стихи Мятлева, котораго произведенія Пушкинъ очень любилъ и безпрестанно твердилъ [Кар. Соболевского.]

Нащокинъ и жена его съ восторгомъ вспоминаютъ о томъ удовольствіи, какое они испытывали въ сообществѣ и въ бесѣдахъ Пушкина. Онъ былъ душа, оживитель всякаго разговора. Они вспоминаютъ, какъ любилъ домосѣдничать, проводилъ цѣлые часы на диванѣ между ними; какъ они учили его играть въ вистъ, и какъ просиживали за вистомъ по цѣлымъ днямъ; четвер [38] тымъ партнеромъ была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; надъ ней Пушкинъ любилъ подшучивать. Любя тихую домашнюю жизнь, Пушкинъ неохотно принималъ приглашенія, неохотно ѣздилъ на такъ называемые литературные вечера. Нащокинъ самъ уговаривалъ его ѣздить на нихъ, не желая, чтобы про него говорили, будто онъ его у себя удерживаетъ. Въ примѣръ милой веселости Пушкина Нащокинъ разсказалъ слѣдующій случай. Они жили у Старога Пимена, въ домѣ Иванова. Напротивъ ихъ квартиры жилъ какой-то чиновникъ рыжій и кривой, жена у этого чиновника была тоже рыжая и кривая, сынишка — рыжій и кривой. Пушкинъ для шутокъ вздумалъ волочиться за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать будто дѣйствительно ему нравится и начала кокетничать. Начались пересылки: кривой мальчикъ прихаживалъ отъ матушки узнать у Александра Сергѣевича который часъ и пр. Сама матушка съ жеманствомъ и принарядившись прохаживала [39] мимо оконъ, давая знаки Пушкину, на которые тотъ отвѣчалъ преуморительными знаками. Случилось, что пріѣхалъ съ Кавказа Левъ Сергѣевичъ и привезъ съ собою красивый порошокъ, которымъ можно было совсѣмъ перекра-

последній разъ Пушкинъ былъ у Нащока. [кар. Бартенева. Зачеркнуто.]

силье волосы. Разъ почтенные супруги куда-то отправились; остался одинъ рыжій мальчикъ. Пушкинъ вздумалъ зазвать его и перекрасить. Нащокинъ, какъ сосѣдъ, которому за это пришлось бы имѣть неприятности, уговорилъ удовольствоваться однимъ смѣхомъ.—

Въ этотъ же разъ Павелъ Войновичъ разсказалъ мнѣ подробности о возвращеніи Пушкина из Михайловскаго въ 1826 г. Посланъ былъ нарочный сперва къ Псковскому Губернатору съ приказомъ отпустить Пушкина. Съ письмомъ Губернатора этотъ нарочный прискакалъ къ Пушкину. Онъ въ это время сидѣлъ передъ печкою, подбрасывалъ дровъ, грѣлся. Ему сказываютъ о прїѣздѣ фельдъегеря. Встревоженный этимъ и никакъ не ожидавшій чего-либо благопріятнаго, онъ тотчасъ схватилъ свои бумаги и бросилъ въ печь: тутъ погибли его записки (см. XI т.) и нѣкоторыя стихотворныя піесы, между прочимъ стихотвореніе *Пророкъ*, гдѣ предсказывались соверши [40] вшіяся уже событія 14 декабря. Получивъ неожиданное прощеніе и лестное приглашеніе явиться прямо къ императору, онъ поѣхалъ тотчасъ съ этимъ нарочнымъ и привезенъ былъ прямо въ кабинетъ государя. Каминъ. О разговорѣ съ государемъ Нащокинъ не помнитъ. Я было думалъ, что онъ скрываетъ отъ меня его, но онъ божится, что дѣйствительно не знаетъ.

Пророкъ прїѣхалъ въ Москву въ бумажникъ Пушкина. [Собол.]

Въ это посѣщеніе Нащокинъ сообщилъ мнѣ автографы писемъ Пушкина къ нему и драгоценныя письма, касающіяся послѣднихъ дней поэта. Многого мы не говорили. Жена Нащокина между прочимъ сказывала, что много писемъ у нихъ пропало, раздарено и пр. Одно письмо она даже разъ встрѣтила на сальной свѣчкѣ: таково было небреженіе, о которомъ теперь сами они вспоминаютъ съ горестью. Она же говоритъ, что недавно въ одномъ журналѣ было напечатано извѣстіе: нѣкто продалъ другому письмо Пушкина къ Нащокину за 50 р. серебромъ, и содержаніе письма тоже напечатано.—

Екат. Николаевна вынѣ Наумова. [Соболевскій.]

Стихотвореніе: Е. Н. У —... ковой, III, 168, написано къ Ушаковой, въ которую Пушкинъ былъ влюбленъ; у нихъ былъ тогда домъ свой [41] на Прѣснѣ. Теперь она за Наумовымъ.

Нащокинъ съ умиленіемъ, чуть не со слезами вспоминаетъ о дружбѣ, которую онъ имѣлъ съ Пушкинымъ. Онъ увѣренъ, что такой близости Пушкинъ не имѣлъ болѣе ни съ кѣмъ, увѣ-

рень также, что ни тогда, ни теперь не понимают и не понимали, до какой степени была высока душа у Пушкина; говоритъ, что Пушкинъ любилъ и еще болѣе уважалъ его, слѣдоваль его совѣтамъ, какъ совѣтамъ человека больше него опытнаго въ житейскомъ дѣлѣ. Горько пѣняетъ онъ на себя, что, будучи такъ близокъ къ великому человеку, онъ не помнилъ каждаго слова его. Вообще степень довѣрія къ показаніямъ Нащокина во мнѣ все увеличивается и теперь довѣріе мое переходитъ въ увѣренность. Онъ дорожитъ священной памятью и сообщаетъ свои свѣдѣнія осторожно, боясь ошибиться, всегда оговариваясь, если онъ нетвердо помнить что-либо.

Свѣдѣнія о прошедшей жизни Булгарина, которыми Пушкинъ такъ искусно воспользовался въ статьѣ о Мизинчикѣ, были получены имъ случайно. У Нащокина разъ обѣдали князь Дадьянъ и полковникъ [42] Владиміръ Николаевичъ Специнскій¹, который въ бытность свою въ Остзейскихъ провинціяхъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ пакостей Булгарина, тогда еще ничтожнаго негодяя, и, услышавъ его имя у Нащокина, разсказалъ его исторію. Нащокинъ послѣ просилъ Специнскаго повторить свой разсказъ въ присутствіи Пушкина. У Нащокина обо всемъ этомъ написана коротенькая статейка.

Пушкину все хотѣлось написать большой романъ. Разъ онъ откровенно сказалъ Нащокину: Погоди, дай мнѣ собраться, я за поясъ заткну Вальтеръ Скотта!

Пушкинъ, хотя и весьма уважалъ Вальтеръ Скотта, но ставилъ *Promessi sposi* выше всѣхъ его произведеній. [Соболевскій.]

[43]

10 Октября.

Вотъ воспоминаніе самого Пушкина о своемъ дѣтствѣ, переданное Нащокину имъ самимъ. Семейство Пушкиныхъ жило въ деревнѣ. Съ ними жила одна родственница, какая-то двоюродная или троюродная сестра Пушкина, дѣвушка молодая и сумасшедшая. Ее держали въ особой комнатѣ. Пушкинымъ присовѣтали, что её можно вылечить испугомъ. Разъ Пушкинъ-ребенокъ гулялъ по рошѣ. Онъ любилъ гулять, воображалъ себя богатыремъ, расхаживалъ по рошѣ и палкою сбивалъ верхушки и головки растений. Возвращаясь домой послѣ одной изъ прогулокъ, на дворѣ онъ встрѣчаетъ свою сумасшедшую сестру,

¹ Начиная со слова: „князь“ вписано потом (другими чернилами), при чем слово „полковникъ“ написано сверху зачеркнутого „генералъ“.

растрепанную, въ бѣломъ платьѣ, взволнованную. Она выбѣжала изъ своей комнаты. Увидя Пушкина, она подбѣгаетъ къ нему и кричитъ: *Mon frère, on me prend pour un incendie.*

Дѣло въ томъ, что для испуга къ ней въ окошко провели кишку пожарной трубы [44] и стали поливать ее водою. Пушкинъ, видно знавшій это, спокойно и съ любезностью началъ увѣрять ее, что еѣ сочли не за пожаръ, а за цвѣтокъ, что цвѣты также поливають.

У Пушкина былъ еще, кромѣ Льва, братъ, который умеръ въ малолѣтствѣ. Пушкинъ вспоминалъ, что онъ передъ смертью показаль ему языкъ. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболѣлъ, Пушкину стало его жаль, онъ подошелъ къ кроваткѣ съ участіемъ; больной братецъ, чтобы подразнить его, показаль ему языкъ и вскорѣ затѣмъ умеръ (См. разсказъ Шевырева; вѣроятно, это тотъ самый братъ).

Слѣдующій разсказъ относится уже къ совершенно другой эпохѣ жизни Пушкина. Пушкинъ сообщаль его за тайну Нащокину и даже не хотѣлъ на первый разъ сказать имени дѣйствующаго лица, обѣщаль открыть его послѣ. — Уже въ нынѣшнее царствованіе, въ Петербургѣ, при дворѣ была [45] одна дама, другъ императрицы, стоявшая на высокой степени придворнаго и свѣтскаго значенія. Мужъ ея былъ гораздо старше ея, и, не смотря на то, ея младыя лѣта не были опозорены молвою (не было челоувѣка, къ которому бы она питала)¹; она была безукоризненна въ общемъ мнѣніи любящаго сплетни и интриги свѣта. Пушкинъ разсказаль Нащокину свои отношенія къ ней по случаю ихъ разговора о силѣ воли. Пушкинъ увѣрять, что (въ) при необходимости можно удержаться отъ обморока и изнеможенія, отложить ихъ до другого времени. Эта блистательная, безукоризненная дама, наконецъ, поддавалась обаяніямъ поэта и назначила ему свиданіе въ своемъ домѣ. Вечеромъ Пушкину удалось пробраться въ ея великолѣпный дворецъ; по условію онъ легъ подъ диваномъ въ гостиной и долженъ былъ дожидаться ея пріѣзда домой. Долго лежалъ онъ, терялъ терпѣніе, но оставить дѣло было (нев) уже невозможно, воротиться назадъ — опасно. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій онъ слышитъ подвѣхала карета. Въ домѣ

Графиня Фикельмонгъ, ур. Хитрово.
[каръ Лонгинова?]

Ожиданія Германа
въ Пиковой дамѣ.

¹ Здесь и дальше в ломанных скобках зачеркнутое в оригинале.

засуетились. Двое лакеевъ внесли канделябры и [46] освѣтили гостиную. Вошла хозяйка въ сопровожденіи какой-то фрейлины: онѣ возвращались изъ театра или изъ дворца. Черезъ нѣсколько минутъ разговора фрейлина уѣхала въ той же каретѣ. Хозяйка осталась одна. „Etes-vous la?“ и Пушкинъ былъ передъ нею. Они перешли въ спальню. Дверь была заперта; густыя, роскошныя гардины задернуты. Начались восторги сладострастія. Они играли, веселились. Предъ каминомъ была разслана пышная полость изъ медвѣжьяго мѣха. Они раздѣлись до-нага, вылили на себя всѣ духи, какіе были въ комнатѣ, ложились на мѣхъ. . . . Быстро проходило время въ наслажденіяхъ. Наконецъ, Пушкинъ какъ-то случайно подошелъ къ окну, отдернулъ занавѣсъ и съ ужасомъ видитъ, что уже совсѣмъ разсвѣло, уже бѣлый день. Какъ быть? Онъ наскоро, кое-какъ одѣлся (смущенная хоз), поспѣшая выбраться. Смущенная хозяйка ведетъ его къ стекляннымъ дверямъ выхода, [47] но люди уже встали. У самыхъ дверей они встрѣчаютъ дворецкаго, Итальянца (печки уже топять). Эта встрѣча до того поразила хозяйку, что (она) ей сдѣлалось дурно; она готова была лишиться чувствъ, но Пушкинъ, сжавъ ей крѣпко руку, умолялъ еѣ отложить обморокъ до другаго времени, а теперь выпустить его какъ для него, такъ и для себя самой. Женщина преодолѣла себя. Въ своемъ критическомъ положеніи они рѣшились прибѣгнуть къ посредству третьяго. Хозяйка позвала свою служанку, старую, чопорную Француженку, уже давно одѣтую, и (спо) ловкую въ подобныхъ случаяхъ. Къ ней-то обратились съ просьбою провести изъ дому. Француженка взялась. Она свела Пушкина внизъ, прямо въ комнаты мужа. Тотъ еще спалъ. Шумъ шаговъ его разбудилъ. Его кровать была за ширмами. Изъ-за ширмъ онъ спросилъ: „кто здѣсь?“ — „Это — я“, отвѣчала ловкая наперсница и провела Пушкина въ сѣни, откуда онъ свободно вышелъ: если бъ кто его здѣсь и встрѣтилъ, то здѣсь его появленіе уже не могло быть предосудительнымъ. [48] На другой же день Пушкинъ предложилъ Итальянцу - дворецкому золотомъ 1000 руб., чтобы онъ молчалъ, и хотя онъ отказывался отъ платы, но Пушкинъ принудилъ его взять. — Такимъ образомъ все дѣло осталось тайною. Но блистательная дама въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ не могла безъ дурноты вспомнить объ этомъ происшествіи.

Внучка Кутузова, урожден. Тизенгаузенъ (или Хитрово, не помню), за мужемъ за Австр. Посланникомъ. [вар.]
 - Р> < Пикль Могиъ >
 Фикель Могиъ [кар]
 Мать ея, Лиавъ Мих Хитрово, обожала Пушкина и только къ концу немнога сердилась на него за Полководца и за излишнія похвалы Барклаю И она неумышленно доставила поѣзу записку о Сосиъ.

Пушкину черевыч-айно нравился Дантесъ за его дѣтскія шалости. [Соболевский.]

Вотъ, по разказу и увѣренію Нащокина, самыя вѣрныя обстоятельства, бывшія причиною дуэли Пушкина. Дантесъ, красавецъ собою, ловкій юноша, чуть не дитя, пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ прямо офицеромъ въ лейбъ-гвардію — почетъ почти безпримѣрный и для людей самыхъ лучшихъ русскихъ фамилій. Уже и это не нравилось Пушкину. Дантесъ былъ принятъ въ лучшее общество, гдѣ на него смотрѣли, какъ на дитя, и потому многое ему позволяли, на примѣръ, онъ прыгалъ на столъ, на диваны, облакачивался головою на плеча дамъ и пр. Домъ Пушкина, гдѣ жило три [49] красавицы: ема хозяйка и двѣ сестры ея, Катерина и Александра¹, понравился Дантесу, онъ любилъ бывать въ немъ. Но это очень не нравилось старику, его усыновителю, барону Гекерну, посланнику Голландскому. Подлый старикъ былъ педерастъ и началъ ревновать красавца Дантеса къ Пушкинымъ. Чтобы развести их, онъ выдумалъ, будто Дантесъ волочится за женою Пушкина. Послѣ объясненія Пушкина съ Дантесомъ, послѣдній женился на Катеринѣ Николаевнѣ. Кажись бы дѣло кончено. Но Гекернъ продолжалъ сплетничать, руководилъ поступками Дантеса, объяснял ихъ по-своему и, наконецъ, пустилъ въ ходъ анонимныя письма. Исходъ извѣстенъ. Такимъ образомъ, несчастный убійца былъ убійцею невольнымъ. Когда кровавое дѣло совершилось, онъ говорилъ, что готовъ собственною кровью смыть преступленіе, просилъ, чтобъ его разжаловали въ солдаты, послали на Кавказъ. Государь императоръ, не желая слушать [50] никакихъ объясненій, приказалъ ему немедленно выѣхать. Жена его, умершая недавно, уѣхала съ нимъ. Самъ Дантесъ теперь въ Парижѣ. Онъ принадлежитъ партіи легитимистовъ <Гекернъ умеръ, оставивъ ему свое наслѣдство>.

Геккернъ живеть понынѣ въ Вѣнѣ посланникомъ. [Соболевский.]

(А. И. Васильчикова, свидѣтельница всѣхъ этихъ событій, сообщаетъ еще слѣдующее: Жена Пушкина, безвинная вполнѣ, имѣла неосторожность обо всемъ сообщать мужу и только бѣсила его. Разъ они возвращались изъ театра. Старикъ Гекернъ, идя позади, шепнулъ ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна поблѣднѣла, задрожала. Пушкинъ смутился; на его вопросъ она ему передала слова, ее поразившія. На другой же день онъ написалъ къ Гекерну свое рѣзкое

¹ Слова: „жило три красавицы, сама хозяйка и двѣ сестры ея“ и „Александра“ зачеркнуты карандашом и сверху их карандашом (рукой Бартенева) написано: „жила красавица жена его и сестра ея“.

и дерзкое письмо. Дантесъ, который послѣ этого долженъ былъ <драться за> защищать себя и своего усыновителя, отправился къ графу [51] Строганову (отцу Сергѣя Григ.); этотъ Строгановъ былъ старикъ, пользовавшійся между аристократами особ.[енным] уваженіемъ, отличавшійся отличнымъ знаніемъ всѣхъ правилъ аристократической чести, однимъ словомъ, былъ органомъ общественнаго мнѣнія въ большомъ свѣтѣ. Этотъ-то старецъ объявилъ Дантесу рѣшительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться, и дѣло было рѣшено. — Въ анонимныхъ письмахъ участвовалъ еще и *Гагаринъ*, удалившійся послѣ на Западъ и перешедшій въ Іезуиты).

Твердо увѣренъ, что это клевета. Со-болевскій.

Пушкинъ былъ человѣкъ самаго многосторонняго знанія и огромной начитанности. Извѣстный египтологъ Гульяновъ, встрѣ-
тятся съ нимъ у Нащокина, не могъ надивиться, какъ много онъ
зналъ даже по такому предмету, каково языковѣднѣе. Онъ изум-
лялъ Гульянова своими свѣтлыми мыслями, мѣткими, вѣрными
замѣчаніями. Разъ, Нащокинъ помнитъ, у нихъ былъ разговоръ
о всеобщемъ языкѣ. Пушкинъ замѣтилъ между прочимъ, что на
всѣхъ языкахъ въ словахъ, означающихъ *свѣтъ*, *блескъ*, слы-
шится буква л.

Сергѣю Сергѣевичу Мальцову от-
лично знавшему пола-
тнини, Пушкинъ сталъ
объяснять Марціала
и тотъ не могъ надив-
ниться вѣрности и
мѣткости его замѣ-
токъ. Красоты Мар-
ціала ему были по-
няты, чѣмъ Маль-
цову изучавшему по-
эта¹.

[52] Въ этотъ же вечеръ мы перебирали съ Нащокинымъ XI томъ. *Рославлевъ*, какъ говорилъ самъ Пушкинъ, былъ написанъ для того, что Пушкину не нравилса характеръ Полины въ романѣ Загоскина: она казалась ему слишкомъ опошленною; ему хотѣлось представить, какъ онъ изобразилъ бы ее. Весь разговоръ вымышленъ.

(Четыре разсказа Э. . . .) — разсказы Натальи Кириловны Загряжской, старухи, статсъ-дамы.

Фальстафъ (стр. 170) — А. Л. Давыдовъ, <у> къ которому Пушкинъ <гостилъ> ѣздилъ въ его деревню Каменку изъ Одессы, посланный собирать свѣдѣнія о саранчѣ (см. разсказы Горчакова).

Анекдотъ (стр. 173) о Д. и Б. — о Дельвигѣ и Булгаринѣ. Дельвигъ вызвалъ Булгарина на дуэль. <Плетневъ> Рылѣевъ² долженъ былъ быть секундатомъ у Б. Нащокинъ — у Дельвига.

¹ Написано другими чернилами позднее. См. комментарий.

² Слово „Рылѣев“ первоначально было написано карандашомъ над словомъ „Плетневъ“.

Б. отказался. Дел. послалъ ему ругательное письмо за подписание многихъ лицъ.

Стр. 174—100.000 — какой-то тамошній чинов[53]никъ.

Отрывки біографіи*** — самого Нащокина. Онъ показывалъ мнѣ свои записки, которыя Пушкинъ сократилъ и передѣлалъ въ этихъ маленькихъ отрывкахъ.

Стр. 200. *Лейтонъ* придворный лейбъ медикъ, слѣдовательно писано въ Петербургѣ.

[54-я страница — чистая]

[55]

16 Октября.

По словамъ Нащокина и жены его, Пушкинъ былъ исполненъ предразсудковъ суевѣрія, исполненъ вѣры въ разныя примѣты. Засвѣтить три свѣчки, пролить прованское масло (что разъ онъ и сдѣлалъ за объѣдомъ у Нащокина, и послѣ этого) самъ смутился этою дурною примѣтою) и проч. — для него предвѣщало несчастье. Въ Петербургъ разъ пріѣхала гадательница Киргофъ. Никита и Александръ¹ Всеволодскіе и Мансуровъ (Павель), актеръ Сосницкій и Пушкинъ отправились къ ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Всеволодскаго и Сосницкаго. Послѣ нихъ Пушкинъ попросилъ ее загадать и про него. Разложивъ карты, она съ нѣкоторымъ изумленіемъ сказала: О! Это голова важная! Вы человекъ не простой! (т.-е. сказала въ этомъ смыслѣ, потому что, вѣроятно, она не знала порусски. Слова ея поразили Всеволодскаго и Сосницкаго [56], ибо дѣйствительно были справедливы). Она, между прочимъ, предвѣщала ему, что онъ умретъ или отъ бѣлой лошади, или отъ бѣлой головы (*Weisskopf*). Послѣ, Пушкинъ въ Москвѣ передъ женитьбой, думая отправиться въ Польшу, говорилъ, что, вѣрно, его убьетъ Вейскопфъ, одинъ изъ польскихъ мятежниковъ, дѣйствовавшихъ въ тогдашнюю войну. Нащокинъ самъ не менѣе Пушкина мнителенъ и суевѣренъ. Онъ носилъ кольцо съ бирюзой противъ насильственной смерти. Въ послѣднее посѣщеніе Пушкина (весною 1836 г.)² Нащокинъ настоялъ, чтобъ Пушкинъ принялъ отъ него такое же кольцо отъ насильственной смерти. Нарочно

¹ Слова: „и Александр“, и „Мансуров (Павел)“ вписаны на полях чернилами рукой Соболевского, при чем им же слово „Всеволодскій“ переделано на „Всеволодскіе“.

² Надъ словами: „весною 1836 г.“ написано карандашом: „изъ Болдин пріѣзжалъ“.

было заказано оно; его долго дѣлали, и Пушкинъ не уѣхаль, не дождавшись его: оно было принесено в І ночи, передъ самымъ отъѣздомъ Пушкина въ Петербургъ. Но этотъ талисманъ не спасъ поэта: по свидѣтельству Данзаса, онъ не имель его во время дуэли, а на смертномъ одрѣ ска [57] залъ Данзасу, чтобы онъ подалъ ему шкатулку, вынулъ изъ нея это бирюзовое кольцо и отдалъ Данзасу, прибавивши: „оно отъ общаго нашего друга“. Самъ Пушкинъ носилъ сердоликовый перстень. Нащокинъ отвергаетъ показаніе Анненкова, который говорилъ мнѣ, что съ этимъ перстнемъ (доставшимся Далю) Пушкинъ соединялъ свое <вѣрованіе> поэтическое дарованіе: съ утратою его должна была утратиться въ немъ и сила поэзіи¹. —

«у Дала; извѣст-
ный талисманъ».
[Соболевскій.]

никогда не слы-
халь. [кар. Соболев-
ского.]

Нетерпѣливость Пушкина, потребность быстрой смѣны обстоятельствъ, вообще пылкій характеръ его выражается между прочимъ и въ томъ, что онъ было хотѣлъ было совсѣмъ оставить свою женитьбу и уѣхать въ Польшу единственно потому, что свадьба по денежнымъ обстоятельствамъ не могла скоро состояться (НВ. Вѣнчаніе происходило у Стараго Вознесенія на Никитской). Нащокинъ былъ постоянно противъ этого. Онъ даже имѣлъ съ нимъ горячій разговоръ по этому [58] случаю, въ домѣ кн. Вяземскаго. Намѣреваясь отправиться въ Польшу, Пушкинъ все напѣваль Нащокину: „Не женись ты добрый молодець, а на тѣ деньги коня купи“.

Разсказъ Данзаса <женѣ Нащокина>. Отправляясь на дуэль за Новой Деревней на Чорную рѣчку, Пушкинъ встрѣтилъ на Каменномъ мосту Данзаса, посадилъ его къ себѣ въ экипажъ, и на вопросъ: куда? за чѣмъ? отвѣчалъ, что послѣ узнаеть. Данзасъ догадался. Онъ хотѣлъ какъ-нибудь дать знать проходящимъ о цѣли ихъ поѣздки (выронялъ пули, чтобы увидали и остановили). Дорогою они встрѣтили <жену> Наталью Николаевну, которая возвращалась съ гулянья. Всю дорогу Пушкинъ молчалъ. Когда потомъ онъ былъ привезенъ въ каретѣ раненый, Данзасъ тотчасъ прямо пошелъ въ спальню къ женѣ. Та удивилась, что онъ зашелъ къ ней въ эту комнату. „Александръ Сергѣевичъ нездоровъ!“ отвѣчалъ онъ. Жена <готъ> вскрикнула: „вѣрно онъ [59] умеръ!“ и бросилась къ нему.

[60-я стр. — чистая]

¹ До этого слова, начиная со слов: „Послѣ Пушкинъ въ Москвѣ“, зачеркнуто синим карандашомъ.

Вотъ отношенія Пушкина къ царю и ко двору. Кромѣ разговора по прїѣздѣ изъ Михайловскаго (съ царемъ у него было еще слѣдующее столкновеніе), Пушкинъ еще писалъ къ царю. Во время Турецкой кампаніи, когда царя въ Петербургъ не было, кто-то изъ офицеровъ переписалъ и снова пустилъ въ ходъ Гавриліаду. Она попалась въ руки къ какому-то лицу, который донесъ об ней Синоду. Синодъ потребовалъ, чтобъ нашли автора. Петербургскій генераль-губернаторъ послалъ за Пушкинымъ (Эти обстоятельства Нащокинъ слышалъ не отъ самого Пушкина (который не любилъ вспоминать Гавриліаду), а отъ нѣкоего *Муханова*, который былъ адъютантомъ у ген.-губернатора). Сначала Пушкинъ отозвался, что не одинъ онъ писалъ, и чтобъ его не беспокоили. Но губернаторъ послалъ за нимъ вторично. Тутъ Пушкинъ сказалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ допросъ, но такъ какъ государь позволилъ ему писать къ себѣ (стало быть у нихъ были разговоры), то [62] онъ просить, чтобы ему дали объясниться съ самимъ царемъ. Пушкину дали бумаги, и онъ у самого губернатора написалъ письмо къ царю. Вслѣдствіе этого письма государь прислалъ приказъ прекратить преслѣдованіе, ибо онъ самъ знаетъ, кто виновникъ этихъ стиховъ.

Пушкинъ очень любилъ царя и все его семейство. Императрица удивительно какъ ему нравилась; онъ благоговѣлъ передъ нею, даже имѣлъ къ ней какое-то чувственное влеченіе. Но онъ отнюдь не доискивался близости ко двору. Когда онъ прїѣхалъ съ женою въ Петербургъ, то они познакомились со всею знатію (посредницею была Загряцкая). Графиня Нессельроде, жена министра, разъ безъ вѣдома Пушкина взяла жену его и повезла на небольшой (прїдворный) Аничковскій вечеръ: Пушкина очень понравилась императрицѣ. Но самъ Пушкинъ ужасно былъ взбѣшенъ этимъ, наговорилъ грубостей графинѣ и между прочимъ сказалъ: „я не хочу, чтобъ жена [63] моя ѣздила туда, гдѣ я самъ не бываю“. Слова эти были переданы, и Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Но друзья, Вельегорскій и Жуковскій, должны были обливаться холодною водою новаго камеръ-юнкера: до того онъ былъ взволнованъ этимъ пожалованіемъ! Если бъ не они, онъ, будучи внѣ себя, разгорѣвшись, съ пылающимъ лицомъ, хотѣлъ идти во дворецъ и наговорить грубостей

Николая [Кар
Соболевскаго] Со-

Пустяки; Пушкинъ
былъ слишкомъ благо-
говоспитанъ. [Кар.
Соболевскаго]

самому царю. Впослѣдствіи (какъ видно изъ письма къ Нащокину) онъ убѣдился, что царь не хотѣлъ его обидѣть, и успокоился. Но камеръ-юнкерскаго мундира у него не было. Многие его обвиняли въ томъ, будто онъ домогался камеръ-юнкерства. Говоря объ этомъ, онъ сказалъ Нащокину, что могъ ли онъ добиваться, когда три года до этого самъ Бенкендорфъ предлагалъ ему камергера, желая его ближе имѣть къ себѣ, но онъ отказался, замѣтивъ: „Вы хотите, чтобъ меня также упрекали, какъ Вольтера!“ — „Мнѣ не камеръ-юнкерство дорого, говорилъ онъ Нащокину, дорого то, что на всѣхъ балахъ одинъ царь да я ходимъ въ сапогахъ, тогда какъ старики вельможи въ лентахъ и въ мундирахъ“. Пушкину дѣйствительно позволялось являться на [64] балы въ простомъ фракѣ, что, конечно, оскорбляло придворную знать.

былъ [Кар. Соболевского.]

Будучи членомъ Академіи Русской Словесности (жетоны академіи онъ приваживалъ къ Нащокину), Пушкинъ сильно добивался быть членомъ Академіи Наукъ, но Уваровъ не допускалъ его, и это было одною изъ причинъ ихъ неудовольствія.

Великій Гёте, разговорившись съ однимъ путешественникомъ объ Россіи и слыша о Пушкинѣ, сказалъ: „Передайте моему собрату вотъ мое перо“. Перомъ этимъ онъ только-что писалъ Гусиное перо великаго поэта было доставлено Пушкину. Онъ сдѣлалъ для него красный сафьянный футляръ, на которомъ было <надписано> напечатано: Перо Гёте, и дорожилъ имъ.

Не видывал [Кар. Соболевского].

Ни нашихъ Университетовъ, ни нашихъ театровъ, Пушкинъ не любилъ. Не цѣнилъ Каратыгина, ниже Мочалова. Съ Сосницкимъ былъ хорошъ.

[65] Пушкинъ былъ великодушень, щедръ на деньги. Бѣдному онъ не подавалъ меньше 25 рублей. Но онъ какъ будто старался быть скупѣе и любилъ показывать будто онъ скупъ. Передъ свадьбою ему надо было сшить фракъ. Не желая расходоваться, онъ не сшилъ его себѣ, а вѣнчался и ходилъ во фракъ Нащокина. Въ этомъ фракѣ, кажется, онъ и похороненъ¹.

Натура могучая, Пушкинъ и тѣлесно былъ отлично сложенъ, строенъ, крѣпокъ, отличныя ноги. Въ баняхъ, куда ѣзжалъ съ Нащокинымъ тотчасъ по приѣздѣ въ Москву, онъ, выпарившись на

¹ Со словъ „Пушкинъ былъ великодушень“ зачеркнуто синимъ карандашомъ.

полкъ, бросался въ ванну со льдомъ и потомъ уходилъ опять на полкъ. Къ концу жизни у него уже начала показываться лысина, и волосы его переставали виться.

Почти всѣ произведенія Пушкина были слышаны Нащокинымъ отъ него самого, еще до печати. Между прочимъ, читая Бориса Годунова, на сценѣ у фонтана, Пушкинъ сказывалъ ему, что эту сцену онъ сочинилъ, ѣдучи куда-то на лошади верхомъ. Приѣхавъ домой, онъ не нашелъ пера, чернила высохли, это его раздо[66]садовало, и сцена была записана не раньше, какъ недѣли черезъ три; но въ первый разъ сочиненная имъ, она, по собственнымъ его словамъ, была несравненно прекраснѣе. — (И тайные стихи обдумывать люблю .)

Нащокинъ помнитъ также, Пушкинъ говорилъ ему, что ему хотѣлось написать стихотвореніе или поэму, гдѣ выразить это непонятное желаніе челоуѣка, когда онъ стоитъ на высотѣ, броситься внизъ. Это его занимало.

(I, 218): Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St-P... , твои карандаши.

Сень-При, Лейбъ-Гусарскій офицеръ, рисовавшій на всѣхъ каррикатуры (кончилъ самоубійствомъ въ Италіи вслѣдствіе договора съ однимъ Англичаниномъ, который обязывался уплатить всѣ его долги, если онъ застрѣлится).

Въ бытность Пушкина у Нащокина въ Москвѣ, къ нимъ пріѣживалъ Ден. Вас. Давыдовъ. Съ живѣйшимъ любопытствомъ [67] бывало спрашивалъ онъ у Пушкина: „Ну что, Александръ Сергѣевичъ, нѣтъ ли чего новенькаго?“ — „Есть, есть“ привѣтливо говаривалъ на это Пушкинъ и приносилъ тетрадку или читалъ ему что-нибудь наизусть. Но все это безъ всякой натяжки, съ добродушною простотою.

[68-я страница - чистая]

[69]

4 Ноября.

По словамъ Нащокина, Гоголь никогда не былъ близкимъ челоуѣкомъ къ Пушкину. Пушкинъ, радостно и привѣтливо встрѣчавшій всякое молодое дарованіе, принималъ къ себѣ

Гоголя, оказывалъ ему покровительство, заботился о вниманіи къ нему публики, хлопоталъ лично о постановкѣ на сцену Ревизора, однимъ словомъ, выводилъ Гоголя въ люди. — Нащокинъ никакъ не можетъ согласиться, чтобы Гоголь читалъ Пушкину свои *Мертвыя души* (см. Переписку, стр. 145). Онъ говоритъ, что Пушкинъ всегда рассказывалъ ему о всякомъ замѣчательномъ произведеніи. О Мертвыхъ же душахъ не говорилъ. Хвалилъ онъ ему Ревизора, особенно Тараса Бульбу. О сей послѣдней пьесѣ Пушкинъ рассказывалъ Нащокину, что описаніе степей внушилъ онъ. Пушкину *какой-то*¹ знакомый госпо[70]динъ (*) очень живо описывалъ въ разговорѣ степи. Пушкинъ далъ случай Гоголю послушать и внушилъ ему вставить въ Бульбу описаніе степи. Отъ себя прибавлю, что здѣсь вѣрно есть недоразумѣніе и много можнѣ сдѣлать вопросовъ. Иначе, что за агунъ Гоголь передъ публикой. — Нащокинъ, уважая талантъ Гоголя, не уважаетъ его какъ человѣка, противопоставляя его исканіе эффектовъ, самомяніе — простодушію и добротѣ безъизкуственности Пушкина — въ этомъ онъ, конечно, до нѣкоторой степени правъ.

(*) да; это было при мнѣ. С. Соболевскій.
Стражинскій [Соб.]? что въ Житомірѣ.
Портретъ его въ кабинетѣ у Плетнева.

Отношенія *** къ женѣ Пушкина. Самъ Пушкинъ говорилъ Нащокину, что *** какъ офицеришка ухаживаетъ за его женою; нарочно по утрамъ по нѣскольку разъ проѣзжаетъ мимо ея оконъ, а въ [71] вечеру на балахъ, спрашиваетъ, отчего у нея всегда шторы опущены. — Самъ Пушкинъ сообщалъ Нащокину свою совершенную увѣренность въ чистомъ поведеніи Натальи Николаевны. —

[72] Выписки и замѣтки, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать, по прочтеніи писемъ Нащокина къ Пушкину, благосклонно сообщенныхъ мнѣ первымъ. Сіи письма Наталья Николаевна по смерти мужа обратно доставила Нащокину.

Въ письмѣ отъ 9 іюня 1831: „Между прочимъ былъ пріѣзжій изъ провинціи, который сказывалъ, что твои стихи не въ модѣ, а читаютъ новаго поэта, и кого бы ты думалъ, — его зовутъ Евгенийъ Онягинъ“. — „Мое почтеніе Натальи Николаевнѣ. Очень много говорятъ о Вашихъ прогулкахъ по Лѣтнему Саду — я самъ заочно утѣшаюсь и живо представляю себѣ Васъ гуляющихъ — и нечего сказать, очень, очень хорошо. Вамъ скучно

¹ Слово „какой-то“ подчеркнуто Соболевскимъ.

въ Царскомъ Сель; будетъ весело скоро. Прошу всенижайше Наталю Николаевну и тогда для меня оставить уголокъ въ своей памяти“. — „Я точно съ тобой въ кабинетъ, стою и молчу и

[Дальше вырваны стр. 73 и 74]

[75] Это, вѣроятно, брүлліонъ письма Пушкина къ Бенкендорфу при посылкѣ Пугачевского Бунта, но, въ чемъ состояла *requete*, неизвѣстно.

[76] У Пушкина былъ дальній родственникъ, нѣкто Оболенскій, человекъ безъ правилъ, но не безъ ума. Онъ постоянно велъ игру. Разъ Пушкинъ, въ Петербургѣ (жилъ тогда на Черной рѣчкѣ; дочери его Марья тогда было не больше 2 лѣтъ) не имѣлъ вовсе денегъ; онъ пѣшкомъ пришелъ къ Оболенскому просить въ займы. Онъ засталъ его за игрою въ банкъ. Оболенскій предлагаетъ ему играть. Не имѣя денегъ, Пушкинъ отказывается, но принимаетъ вызовъ Оболенскаго играть пополамъ. По окончаніи игры Оболенскій остался въ выигрышѣ большимъ и по уходѣ проигравшаго, отсчитывая Пушкину слѣдующую ему часть, сказалъ: „Каково! Ты не замѣтилъ, вѣдь я игралъ навѣрное!“ Какъ ни нужны были Пушкину деньги, но, услышавъ это, онъ, какъ самъ выразился, до того пришѣлъ внѣ себя, что едва дошелъ до двери и поспѣшилъ домой.

[77] 23 Ноября.

Вѣра Александровна Нащокина рассказала мнѣ еще слѣдующее о Пушкинѣ. Когда Пушкинъ жилъ у нихъ (въ послѣдній прїѣздъ его въ Москву), она часто играла на гитарѣ, пѣла. Къ нимъ ходилъ тогда шутъ Екимъ Кириловичъ Загряцкій. Онъ пѣвалъ пѣсню, которая начиналась такъ:

Двое сани съ подрѣзами,
Одни писанные;
Дай балалайку, дай гудокъ.

Пушкину очень понравилась эта пѣсня; онъ переписалъ ее всю для себя своею рукою, и хотя вообще мало пѣлъ, но эту пѣсню тянулъ съ утра до вечера.

[78] 24 Ноября.

Пиковую даму Пушкинъ самъ читалъ Нащокину и рассказывалъ ему, что главная завязка повѣсти не вымыслена.

Старуха - графиня — это Нат. Петровна * Голицына, мать Дм. Влад-ча, Московскаго Ген.-Губернатора, дѣйствительно жившая въ Парижѣ въ томъ родѣ, какъ описаль Пушкинъ. Внукъ ея, Голицынъ рассказываль Пушкину, что разъ онъ проигрался и пришелъ къ бабкѣ просить денегъ. Денегъ она ему не дала, а сказала три карты, назначенныя ей въ Парижѣ С.-Жерменемъ. „Попробуй“ — сказала бабушка. Внучекъ поставилъ карты и отыгрался. — Дальнѣйшее развитіе повѣсти все вымышлено. Нащокинъ замѣтилъ Пушкину, что графиня не похожа на Голицыну, но что въ ней больше сходства съ Н. Кирил. Загряжскою, другою старухою. [79] Пушкинъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ, что ему легче было изобразить Голицыну¹, чѣмъ Загряжскую², у которой характеръ и привычки были сложнѣе.

[Стр. 80-я — чистая]

[81] Въ Сентябрѣ 1852 г. я пробылъ II сутокъ въ Москвѣ и два раза навѣщаль Нащокина. Какъ ни жалуется онъ на ослабленіе памяти, на трудность припоминать и обращаться къ драгоценнымъ связямъ своимъ съ Пушкинымъ — что всегда <по словамъ> его <вредно для его здо> разстроиваетъ, однако, и этотъ разъ кое-что удалось узнать. Нащокинъ повторяетъ, что покойникъ былъ не только образованнѣйшій, но и начитанный человѣкъ. Такъ, онъ очень хорошо помнитъ, какъ онъ почти постоянно держаль при себѣ въ карманахъ одну или двѣ книги, и въ свободное время, затихнетъ ли разговоръ, разойдется ли общество, послѣ обѣда — [82] принимался за чтеніе. Читая Шекспира, онъ плѣнился его драмой: Мѣра за мѣру, хотѣль сперва перевести ее, но оставилъ это намѣреніе, не надѣясь, чтобы наши актеры, которыми онъ не былъ вообще доволенъ, умѣли разыграть ее. Въмѣсто перевода, подобно своему Фаусту, онъ передалъ Шекспирово созданіе въ своемъ Анджело. Онъ именно говорилъ Нащокину: „Наши критики не обратили вниманія на эту піесу и думаютъ, что это одно изъ слабыхъ моихъ сочиненій, тогда какъ ничего лучше я не написалъ“.

¹ Слово „Голицыну“ написано над зачеркнутымъ: „Загряжскую“.

² Слово „Загряжскую“ написано над зачеркнутымъ: „Голицыну“.

Стихи къ пастырю церкви дѣйствительно написаны были къ Филарету. Нащокинъ полагалъ, не къ Державину ли, оберъ-священни [83] ку, съ которымъ, онъ помнитъ, Пушкинъ былъ въ какихъ-то сношеніяхъ; но въ 1831 году Державина уже не было въ живыхъ. Шевыревъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. Онъ спрашивалъ о томъ у самого высокопреосвященнаго, который подтвердилъ дѣло и ласково улыбнулся, когда Шевыревъ ему сталъ говорить о томъ.

Поэта Державина Пушкинъ не любилъ, какъ чловѣка, точно такъ, какъ онъ не уважалъ нравственныхъ достоинствъ въ Крыловѣ. Пушкинъ рассказывалъ, что знаменитый лирикъ въ Пугачевщину сподличалъ, струсилъ и предалъ на жертву одного коменданта крѣпости, изображеннаго въ Капитанской Дочкѣ подъ именемъ Миронова. Разумѣется, онъ ставилъ высоко талантъ Державина и, какъ помнитъ Павелъ Войновичъ, [84] восхищался особенно его „Вельможею“.

Нащокинъ безпрестанно повторяетъ, что на Пушкина много сочиняютъ и про него выдумываютъ. Такъ, анекдотъ о 1-мъ Апрѣлѣ, рассказанный у Горчакова, сущая выдумка. Нащокину разъ предлагали нарисовать въ альбомъ; онъ поручилъ это сдѣлать своему знакомому и, чтобы не присвоить себѣ чужаго дѣла, подписался: „П. Нащокинъ. 1 Апрѣля“.

Горчаковъ слышалъ о томъ отъ него самого и по забывчивости или иначе какъ-нибудь приписалъ это Пушкину.

[85] Отвѣтъ Филарета былъ напечатанъ въ Звѣздочкѣ (1848, старш. возраста, № 10), разумѣется, безъ обозначенія автора:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ бога мнѣ дана,
Не безъ воли бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ забытый мною,
Просіяй сквозь мрачныхъ думъ,
И, соизидетъ тобою
Сердце чисто, правый умъ!

[Стр. 86-я чистая]

〈Въ Апрѣлѣ〉 Весною 1836 г. Пушкинъ пріѣхаль въ Москву изъ деревни. Нащокина не было дома. Дорогого гостя приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потерѣ своей, Пушкинъ, между прочимъ, сказалъ, что когда рыли могилу для его матери въ Святогорскомъ монастырѣ, онъ смотрѣлъ на работу могильщикѡвъ и, любуясь песчанымъ, сухимъ грунтомъ, вспомнилъ о Войнычѣ (такъ онъ звалъ его иногда): „Если онъ умретъ, непременно его надо похоронить тутъ; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, какъ покойно ему будетъ здѣсь лежать“. — Жена Нащокина очень опечалилась этимъ разсказомъ, такъ что самъ Пушкинъ встревожился и всячески старался ее успокоить, подавалъ воды и пр.

Пушкинъ нѣсколько разъ приглашалъ Нащокина къ себѣ въ Михайловское и имѣлъ твердое намѣреніе совсѣмъ его туда переманить и зажить съ нимъ вмѣстѣ и осѣдло.

[Стр. 88-я чистая]

[89] Жжонку называль Бенкендорфомъ, потому что она, подобно ему, имѣетъ полицейское, усмиряющее и приводящее все въ порядокъ вліяніе на желудокъ.

[Рассказы разныхъ лицъ]

[90]

М. 1853. 30 Окт.

Бодянскій 〈разсказываль〉 передавалъ свое студенческое воспоминаніе. Въ концѣ Сентября 1833 года въ домѣ стараго Университета (гдѣ теперъ въ библіотекѣ читальная зала) былъ на лекціи у Давыдова Пушкинъ (сидѣлъ на креслахъ). По окончаніи ея взошелъ въ аудиторію Каченовскій, и, вѣроятно, по поводу самой лекціи заговорили о Словѣ о полку Игоревѣ. Тогда Давыдовъ заставлялъ студентовъ разбирать древніе памятники. Обращаясь къ Каченовскому, Давыдовъ сказалъ, что ему подано весьма замѣчательное изслѣдованіе и указалъ на Бодянскаго, который, увлеченный Каченовскимъ, доказывалъ тогда подложность Слова. Услыхавши объ этомъ, Пушкинъ съ живостью обратился къ Бодянскому и спросилъ: „А скажите, пожалуйста, что значитъ слово *харалужный*?“ Не могу объяснить. Тотъ же

отвѣтъ на вопросъ о словѣ „стрикусы“. Когда Пушкинъ спросилъ еще о словѣ *кметъ*, Бодянской сказалъ, что, вѣроятно, слово это малоросійское отъ *кметыти* и можетъ значить *примѣта*. „Тотъ же, говорилъ Пушкинъ, никто не можетъ многихъ словъ объяснить, и не скоро еще объяснять“. Черезъ день Пушкинъ обходилъ весь Университетъ вмѣстѣ съ Уваровымъ и потомъ скоро уѣхалъ.

[Стр. 91—94 вырваны]

[95] Въ статьѣ Пушкина о Ломоносовѣ (XI т.) приведенъ Отчетъ о занятіяхъ Ломоносова за нѣсколько лѣтъ. Этотъ отчетъ напечатанъ былъ въ „Моск. Телегр.“ 1827 г. Нояб. № 22, откуда, вѣроятно, и выписалъ его Пушкинъ. Тамъ онъ напечатанъ подъ названіемъ: *Послужной списокъ М. В. Ломоносова съ 1751 г. по 1757-й годъ*. Въ концѣ, въ выноскѣ сказано: „Подлинной списокъ сего рапорта или списка послужнаго находится у издателя Телеграфа“.

[Стр. 96-я чистая]

[97] Доселѣ еще не разыскано, какіе первые стихи написалъ Пушкинъ на Русскомъ языкѣ. Перебирая труды Об. Л. Р. С., я встрѣтилъ тамъ стихи На смерть Кутузова и подъ ними подпись Пушкинъ. Но, по увѣренію Полторацкаго, они принадлежатъ Алексѣю Пушкину, о чемъ Полторацкій знаетъ, кажется, отъ самого автора или отъ его родственниковъ. Полторацкій насчиталъ до 9 (если не болѣе) Пушкиныхъ — писателей. Про этого Алексѣя говоритъ Василій Львовичъ въ стихахъ, напечатанныхъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 г., за ноябрь № 22 (Посланіе къ ***):

„Бывалъ и я забавъ душой
И Пушкинъ Алексѣй товарищъ вѣрный мой,
Со мною выходилъ на сцену:

Бывало воспѣвалъ на лирѣ я Климену;
Стиховъ моихъ онъ не любилъ,

[98] Но онъ любилъ играть комедію со мною;

Онъ вздоромъ часто насъ смѣшилъ
И умъ соединялъ съ блестящей остроюю. . .

Его ужъ нѣтъ! . . . я живъ!“ и пр.

[99] Кн. Вяземскій въ статьѣ своей о сонетахъ Мицкевича („Моск. Тел.“ 1827 г. № 7) говоритъ:

„Поэзія Шотландскаго Барда, свѣтило нашего вѣка, какъ свѣтило дня проникаетъ нечувствительно, или лучше сказать,

неизслѣдуемо и туда, гдѣ неощутительно, неочевидно непосредственное дѣйствіе лучей его: оно, то потаеннымъ образомъ растворяетъ сокровенныя тайники, то проливаетъ отсвѣтъ блеска своего на вещества самобытныя, не подлежащія его творческой силѣ. Вездѣсущее; оно всюду постигаемо, хотя и не повсюду явно. Кажется, въ нашемъ вѣкѣ невозможно поэту не отозваться Байрономъ, какъ романисту не отозваться В. Скоттомъ, какъ ни будь велико и даже оригинально дарованіе, и какъ ни различней поприще и средства, предоставленныя или избранныя каждымъ изъ нихъ, по обстоятельствамъ — или по волѣ. [100] Такое сочувствіе, согласіе нельзя назвать подражаніемъ: оно, напротивъ, невольная, но возвышенная *стачка* (не умѣю вѣрнѣе назвать) геніевъ, которые, какъ ни отличаются отъ сверстниковъ своихъ, какъ ни зиждательны въ очеркѣ дѣйствія, проведенномъ вокругъ ихъ Провидѣніемъ, но все въ нѣкоторомъ отношеніи подвластны общему духу времени и движимы въ силу какихъ-то мѣстныхъ и срочныхъ законовъ“.

Здѣсь какъ будто защита и нашего Пушкина.

[101] Въ „Московск. Телегр.“ за 1827 г. № 13. Іюль, въ разборѣ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, гдѣ помѣщены письмо Татьяны и ея разговоръ съ нянею, между похвалами, сказано:

„Авторъ сказывалъ, что онъ долго не могъ рѣшиться, какъ заставить писать Татьяну безъ нарушенія женскаго единства [sic!] и правдоподобія въ слогѣ: отъ страха сбиться на академическую оду, думалъ онъ написать письмо прозою, думалъ даже написать его по-французски, но, наконецъ, счастливое вдохновеніе пришло кстати...“.

[Стр. 102-я чистая]

[103] Баратынскій сказывалъ Елагинымъ (Н. А.), что стихотвореніе: *Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума*, напечатано безъ конца. Было еще двѣ строфы, гдѣ выражалась несвязность мыслей сумасшедшаго. Издатели, не понявъ этого, искали смысла въ этихъ стихахъ и, какъ бессмысленные, откинули.

Жуковскій въ Бѣлевѣ (1837, 26 іюля) рассказывалъ Елагинымъ о дуэли и смерти Пушкина и, между прочимъ, говорилъ, что изъ бумагъ покойнаго все, относившееся до Петра, царь приказалъ доставить въ свой кабинетъ.

[Стр. 104-я чистая]

[105] Живя въ Михайловскомъ, Пушкинъ написалъ письмо къ императору Александру и просилъ его о дозволеніи отпра-виться за границу для того, де, что онъ страдаетъ аневризмомъ сердца, и ему необходимо заграничное леченіе. Государь въ отвѣтъ приказалъ сказать ему, что отъ этой болѣзни можно выле-читься и въ Россіи. Дали объ этомъ знать его родителямъ, жив-шимъ тогда въ Спб., и они черезъ Жуковскаго просили Ив. Фил. Моейера, въ то время очень извѣстнаго профессора Анатоміи въ Дерптскомъ Университетѣ, съѣздить въ Михайловское для произведенія надлежащей операціи; прислали ему для того и коляску. Моейеръ спросилъ позволеніе на отъѣздъ у Ливена, который тотчасъ далъ ему оное, готовился въ путь, какъ вдругъ получилъ отъ своего будущаго паціента письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ его умолялъ ради самаго Бога не ѣхать къ нему, увѣряя, что онъ самъ желаетъ смерти и не рѣшается ни на какую операцію. Дѣло тѣмъ и кончилось. Впослѣдствіи, когда Моейеръ встрѣчался съ Пушкинымъ у [106] Жуковскаго, онъ былъ очень съ нимъ любезенъ, но объ этомъ не поминалъ ни слова. Письмо Пушкина Моейеръ затерялъ. — Слышано отъ самого Ивана Филиповича.

(Юля 11. 1854. С. Бунино).

[Стр. 107—110 — вырваны]

[111] П. В. Кирѣевскій въ Юнѣ 1835 г. прожилъ нѣсколько недѣль въ Спб. и черезъ Жуковскаго познакомился съ Пушки-нымъ. Онъ часто видалъ его у Жуковскаго и одинъ разъ вмѣстѣ съ послѣднимъ былъ у Пушкина. Кирѣевскій хорошо помнитъ большую комнату, со шкапами по бокамъ и съ длиннымъ сто-ломъ по серединѣ, заваленнымъ бумагами. Пушкинъ читалъ Жу-ковскому свое письмо къ Бенкендорфу, котораго просилъ о по-зволении выѣхать изъ Спб., гдѣ ему очень было тяжело жить. Разказами своими о Петрѣ Пушкинъ удивлялъ Жуковскаго.

[Стр. 112-я — чистая]

[113] Въ 1835 г. (sic), въ Юль или Августѣ, П. В. Кирѣевскій былъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ у Пушкина. Онъ го-ворилъ имъ, между прочимъ, о своемъ сильномъ желаніи совсѣмъ оставить Петербургъ и уѣхать совсѣмъ въ деревню. Онъ хлопоталъ объ отпускѣ и читалъ Жуковскому просьбу свою о томъ къ Бенкендорфу. — Пушкинъ съ великою радостью смотрѣлъ на труды Кирѣевскаго, перебиралъ съ нимъ его собраніе, много чи-

талъ изъ собранныхъ имъ пѣсенъ и обнаруживалъ самое близкое знакомство съ этимъ предметомъ. Еще прежде, черезъ Соболевскаго онъ доставилъ Кирѣевскому тетрадку Псковскихъ пѣсенъ, записанныхъ съ голоса, частью собственно рукою Пушкина, частью другою рукою (около 40 пѣс.).

Когда Евгенийъ (теперь Ярославскій) былъ архіепископомъ Псковскимъ и посѣтилъ Святогорскій монастырь, къ нему внезапно явился съ ярморки Пушкинъ въ одеждѣ русскаго мужика, чѣмъ очень удивилъ преосвященнаго.

Объщая Кирѣевскому собранные имъ пѣсни, Пушкинъ прибавилъ: „тамъ есть одна [114] моя, угадайте!“ Но Кирѣевскій думаетъ, что онъ сказалъ это въ шутку, ибо ничего поддѣльнаго не нашелъ въ пѣсняхъ этихъ.

[Стр. 115—122 — вырваны]

[123] Покойница Екатерина Афанасьевна Протасова (мать Воейковой) рассказывала (какъ говорилъ мнѣ Н. А. Елагинъ), что Пушкину вдругъ вздумалось приволкнуться за женой Карамзина. Онъ даже написалъ ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумѣется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали дѣлать ему серьезныя наставленія. Все это было такъ смѣшно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиныхъ, что съ тѣхъ поръ онъ ихъ полюбилъ, и они сблизились.

[Стр. 124-я — чистая]

[Стр. 125 и 126 — вырваны]

[127] Наканунъ свадьбы Пушкинъ позвалъ своихъ пріятелей на мальчишникъ, приглашалъ <особымъ> записочками. Собралось обѣдать человекъ 10, въ томъ числѣ были Нащокинъ, Языковъ, Баратынскій, Варламовъ, кажется, Елагинъ (Алексѣй Андреевичъ) и пасынокъ его Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. По свидѣтельству послѣдняго, Пушкинъ былъ необыкновенно грустенъ, такъ что гостямъ даже было неловко. Онъ читалъ свои стихи прощаніе съ молодостью, которыхъ послѣ Кирѣевскій не видалъ въ печати. Пушкинъ уѣхалъ <передъ> вечеромъ къ невѣстѣ. Но на другой день, на свадьбѣ всѣ любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша.

[Стр. 128-я — чистая]

[129] Въ началѣ 1827 года Пушкинъ жилъ въ Москвѣ. Здѣсь на Масленицѣ встрѣтилъ его на Итальянскомъ спектаклѣ (въ домѣ Апраксина, что теперь 2-й корпусъ) Вигель, потомъ онъ у него бывалъ въ квартирѣ Соболевскаго (Собачья площадка). Тогда въ Москвѣ читалъ лекціи о Французской поэзіи нѣкто *Desaut* (обожатель В. Гюго и новѣйшей школы и отвергавшій авторитеты Буало, Расина и проч.). Эти лекціи читались въ залѣ М. П. Солнцева, дяди Пушкина по Елизаветѣ Львовнѣ. Авдотья Петровна Елагина по знакомству съ Декампомъ взяла билетъ и ѣздила слушать. Въ самую первую лекцію она встрѣтила тамъ Пушкина, который подсѣлъ къ ней и во все время чтенія смѣялся надъ бѣднымъ французомъ и притомъ почти вслухъ. Это со-всѣмъ уронило лекціи. Декампъ принужденъ былъ не докончить курса, и послѣ долго въ этомъ упрекали Пушкина.

[Стр. 130-я — чистая]

[Из воспоминаний Л. С. Пушкина о брате]

[131] Статья *Льва Сергѣевича*.

Въ Атестатѣ было сказано объ отличныхъ его успѣхахъ въ Фехтованіи и Танцованіи и посредственныхъ въ Русскомъ языкѣ.

„Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ
Приходитъ въ мысль: что если это проза
Да и дурная?“

Изъ Тамани онъ отправился моремъ мимо полуденныхъ береговъ Крыма: онъ привѣтствовалъ море элегіею:

Погасло дневное свѣтило.

„Корабль плыль передъ горами, покрытыми тополями, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа, гдѣ находилось семейство Раевского. Тамъ прожилъ я 3 недѣли. Щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства Раевского. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ чело-вѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душой; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго [132] хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, чело-вѣкъ безъ предрасудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ вся-

каго, кто только достоинъ помнить и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери — прелесть; старшая — женщина необыкновенная. Суди <самъ>, былъ ли я щастливъ. Свободная, безпечная жизнь, въ кругу милаго семейства, жизнь которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; щастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море... другъ мой, любимая моя мечта увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

Даль пощечину Молдованскому вельможѣ *Бальшу* за оскорбленіе, сдѣланное ему его женою, за которое не хотѣлъ отвѣчать.

Въ эпилогѣ Цыганъ пропущены стихи:

За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,

[Стр. 133—140 — вырваны]

[На внутренней стороне задней крышки переплета карандашомъ:] Цыганы (Писано въ 1824 г.) М. 1827 (На пергаментѣ у Соболевскаго).

[На внутренней стороне передней крышки переплета:]

Въ С. От. 1820 (до Окт.): Отвѣтъ Антикритика.

II

ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИСТКИ 1851—1859 гг.

Листки, вырванные из тетради.

Десять листков (20 страниц) белой бумаги (без вод. знаков), размером в четверть писчего листа, вырванных из несохранившейся тетради. Из них первые восемь нумерованы карандашом (в правом верхнем углу): 2—5, 17, 24, 25 и 45-й (последний). Таким образом, не хватает тридцати двух листков. На этих нумерованных листках имеется текст писем Пушкина к П. В. Нащокину и примечания к ним в копии неизвестной нам руки (не Бартенева), напечатанных последним в сборнике „Деятельный век“, кн. первая, М. 1872, стр. 383—402. Здесь, во вступительной заметке к письмам Бартев писал: „Письма к Нащокину Пушкина были списаны нами с подлинников в 1851 г., и здесь печатаются с позволения вдовы Нащокина“.

С этих именно листков и набирались в указанной книге письма, что, между прочим, доказывается отпечатками пальцев наборщика.

Полностью текста писем Пушкина, много раз переиздававшихся, мы не воспроизводим, но, кроме этого текста, во многих местах рукою Бартева карандашом сделаны примечания, представляющие несомненный интерес. Время их написания вероятнее всего — 1859-й год. Эти примечания, сделанные карандашом наспех, очень неразборчивым почерком со многими сокращениями слов, представляют собою, судя по содержанию и ряду других признаков, записи сведений, полученных Бартевым от кн. Е. А. Долгоруковой, о чем см. ниже стр. 62.

Последние два листка (нечисленные) содержат запись рассказов кн. Е. А. Долгоруковой, в печати не появлявшихся.

Л. 2-й [стр. 1]¹.

„1²“.

№ 1 (На клочкѣ карандашомъ):

Сейчасъ ѣду“ [...]. См. „Дев. в.“, кн. I, стр. 383; акад. изд. пер. Пушкина, т. II, стр. 202, № 497.

У слова „Татаринъ“ поставлен знак сноски и под текстом письма написано: „(У котораго П. покупалъ шаль для невѣсты своей)“ и ниже рукой Бартенева карандашом: „<будущая теща возила по соборамъ и къ Иверской>“.

Л. 2 об. [стр. 2] [кар. Барт.]: „Алексѣй Павл. Полторацкій“, дальше идет ряд слов, совершенно не поддающихся чтению, кроме слов: „въ Твери б. [ылъ] в Кишиневѣ [?]“.

Л. 3 [стр. 3].

„2²“.

№ 2.

Пріѣхали мы благополучно“ [...] См. „Дев. в.“, стр. 384; акад. изд. пер., т. II, стр. 238, № 537.

Л. 3 об. [стр. 4]. К слову „Поливанов“ сноска: „Старшій братъ того Поливанова, который служилъ въ Комиссаріатѣ и недавно былъ подѣ судомъ; онъ былъ влюбленъ въ сестру жены Пушкина, тоже красавицу, которая, однако, доселѣ живетъ съ сестрой въ дѣвицахъ“.

К словам „Марья Ивановна“ сноска: „Экономка Пушкина, жившая у него въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился“.

[Кар. Барт.:] „Александра Гончарова вышла замужъ послѣ 1844 г. за вдовца австрійскаго подданнаго Фризенгофа, живетъ за границей. Холодна, благоразумна [?]. Кажется, что въ послѣдніе годы Пушкинъ влюбился въ нее. Она вышла за <него> ав[стрійца] [3 неразбр. слова] процессъ, который былъ у него съ [неразбр.]. Была дружна съ его первой женой [3 или 4 неразбр. слова]“.

Л. 4 [стр. 5].

„3²“.

№ 3. Вот тебѣ одна тысяча“ [...]. См. „Дев. в.“, стр. 384; акад. изд. пер., т. II, стр. 246, № 544.

¹ В прямых скобках ставим нашу нумерацию страниц.

² Цифра написана карандашом.

В конце письма сноска: „На эту записку Нащокинъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 20 іюня 1831 года“.

[стр. 6] см. ниже.

Л. 5—5 об. [стр. 7—8].

„4¹“.

№ 4. Вотъ уже недѣля“ [...]. См. „Дев. в.“, стр. 384—385; акад. изд. пер., т. II, стр. 243—244, № 541.

Здесь конца письма (со слов „покажѣсть незнакомы“) нет. С левого края л. 5-го поперекъ страницы и сверху, а также захватывая л. 4 об. [стр. 6] кар. Барт.: „Нас. Ник. Хвост.[ова] [3 неразбр. слова] достав. отъ [неразбр.], передъ свадьбой отд.[ала?] билеты, т. к. они б[ыли] заложены въ Ломбардѣ.

Дѣдъ, покров.[ительствовавшій?] [неразбр.], въ ссорѣ съ Нат. Иван., мало давалъ ей денегъ.

Наслѣдникъ сумасшедшій отецъ жилъ въ одномъ изъ флигелей, языкъ висѣлъ и [3—4 неразбр. слова], б[ылъ] [3 неразбр. слова], когда былъ [неразбр.].

Прямо отсюда отправ[ился?] въ Ярополчи, брату Ивану [3 неразбр. слова], женатъ на Мещерской. Еще 2-й братъ, Дмитрій [2 неразбр. сл.], женатъ на армянкѣ, глухой и заика, наслѣдникъ майората. Младшій братъ Сергѣй, владѣлецъ Никитскаго дома, женатъ на гувернанткѣ нѣмкѣ“.

Л. 17—17 об. [стр. 9—10].

„12¹“.

№ 12. Жалью, любезный П. В.“ [...]. См. „Дев. в.“, стр. 391—392; акад. изд. пер., т. II, стр. 332—333, № 623.

Кар. Барт.: „Павель Ѳед. Малиновскій воспитатель гр. Дм. Ник. Шереметева [4 неразбр. слова] пансіонъ жилъ на дачѣ между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ; у него б[ывали] часто Пушкины, происходили сцены примиренія ихъ дочери съ родителями.

[Неразбр.] съ [неразбр.] иногда также плакала.

[Неразбр.] Ольга [3—4 неразбр. слова]. Она была очень немолода [?] и не слушалась; [2 неразбр. слова] обвѣнчались тайно; [4 неразбр. слова]; они хотѣли избѣжать сантиментальности.

¹ Цифра написана карандашом.

Вас. Фед. хотѣлъ выгнать [изъ] Пансіона Лицея и только по дружбѣ съ Пушкиными оставилъ [?]“.

Л. 24—25 [стр. 11—13].

„18¹“.

№ 18. Сіе да будетъ“ [...] См. „Дев. в.“, стр. 394—395; акад. изд. пер., т. II, стр. 397—399, № 695. На л. 25 сбоку попереки страницы кар. Барт.: „Плакаль при первыхъ родахъ и говорилъ, что убѣжитъ отъ вторыхъ“.

Л. 25 об. [стр. 14] — чистый.

Л. 40 [стр. 15] „[Примѣч. 2]. Нащокинъ помнитъ еще одно письмо“ [...] См. „Дев. в.“, стр. 402. Текст этого примечанія совпадаетъ с печатнымъ текстом, кроме конца, который здѣсь читается: „Нащокинъ глубоко жалѣеть, что не далъ ему 5 тысячъ, которыя у него тогда были. Но Пушкинъ, будучи очень деликатенъ, не просилъ ихъ у него прямо“.

Ненумерованные листки.

[17] Москва. 1859, 31 Марта.

Отъ Кн. Ек. Алекс. Долгоруковой.

Любопытно происхождение тещи Пушкина, Натальи Ивановны Гончаровой. Отецъ ея Загряжскій, богатый помѣщикъ и владѣлецъ села Ярополчи (Волокол. уѣзда) имѣлъ уже нѣсколько челоуѣкъ дѣтей, когда уѣхалъ одинъ за границу и въ Парижѣ женился на одной французенкѣ. Съ нею онъ прижилъ Наталью Ивановну, которая родилась въ Парижѣ. Черезъ нѣсколько времени Загряжскій съ новою женою и дочерью пріѣхалъ прямо въ деревню къ прежней женѣ и дѣтямъ. Къ удивленію, все обошлось ладно и обѣ жены очень подружались² между собою, такъ что первая жена не отличала отъ своихъ дѣтей Наталью Ивановну и дала ей долю въ наслѣдствѣ. Сводная сестра Натальи Ивановны, Катерина Ивановна Загряжская, жила фрейлиной при дворѣ, куда поступила, вѣроятно, черезъ знаменитую тетку свою Наталью Кириловну. Эта Катерина Ивановна въ наслѣдствіи имѣла большое вліяніе на судьбу Пушкина. Въ моло-

¹ Цифра написана карандашом.

² Над этимъ словомъ карандашомъ написано: „его прогнали“.

дости Наталья Ивановна также являлась при дворѣ и по красотѣ своей была замѣшана въ какую-то исторію: въ нее влюбился нѣкто Охотниковъ¹, въ котораго была влюблена императрица Елизавета Алексѣевна, такъ что тутъ была ревность. Она² же съ Чарторижскимъ Адамомъ, съ позволенія Александра. Сама Марья Антоновна [16] рассказывала³, что они вчетверомъ (Чарторижскій, она, Александръ и Елизавета) были въ Кронштадтѣ (отправлялось въ Америку посольство). Александръ такъ [*не разобр. слово*]⁴, что говорилъ, чтобъ послать за деньгами и уѣхать жить частными людьми.

[18] Наталья Ивановна была довольно умна и нѣсколько начитана, но имѣла дурныя⁵, грубыя манеры и какую-то пошлость въ правилахъ. У нея было нѣсколько человекъ сыновей⁶ и три дочери, Катерина, Александра и Наталья. Въ Ярополчѣ было около двухъ тысячъ душъ, но, не смотря на то, у нея никогда не было денегъ и дѣла въ вѣчномъ беспорядкѣ. Въ Москвѣ она жила почти бѣдно, и когда Пушкинъ приходилъ къ ней въ домъ женихомъ, она всегда старалась выпроводить его до обѣда или до завтрака. Дочерей своихъ бивала по щекамъ. На балы онѣ иногда пріѣзжали въ изорванныхъ башмакахъ и старыхъ перчаткахъ. Долгорукая помнитъ, какъ на одномъ балу Наталью Николаевну уводили въ другую комнату и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцовать съ Пушкинымъ.

Пушкинъ оставался женихомъ чуть ли не цѣлый годъ до свадьбы. Когда онъ жилъ въ деревнѣ, Наталья Ивановна не позволяла дочери самой писать къ ней [sic!] письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочимъ дѣлать ему

¹ Первоначально вместо фамилии было оставлено пустое место; фамилия вписана карандашом.

² Начиная с этого слова и кончая словами „частными людьми“ написано карандашом.

³ Начиная с этого слова и кончая словами „частными людьми“ написано внизу предыдущей (16-й) страницы, оставшейся чистой, на верху которой карандашом написано: „Упоминаемый у Державина Гончаровъ есть дѣдъ Натальи Николаевны“.

⁴ Неразобранное слово — сказуемое, что-то в роде „растрогался“.

⁵ Начиная с этого слова и кончая словом „правилахъ“ зачеркнуто карандашом и сверху написано: щепетильна [3 неразобр. слова].

⁶ Над словами „У нея было...“ карандашом написано: „Маіоръ [неразобр.] дочь [3 неразобр. слова] Дмитрій, Иванъ и Сергій“.

наставленія, чтобъ онъ соблюдалъ посты, молился Богу и пр. Наталья Николавна плакала отъ этого.

Пушкинъ настаивалъ, чтобъ поскорѣ ихъ обвѣнчали. Но Наталья Ивановна напрямикъ ему объявила, что у нея нѣтъ денегъ. Тогда [19] Пушкинъ заложилъ имѣнье, привезъ денегъ и просилъ шить приданое. Много денегъ пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны. Въ самый день свадьбы она послала сказать ему, что надо еще отложить, что у нея нѣтъ денегъ на карету или на что-то другое. Пушкинъ опять послалъ денегъ. Вѣнчались въ приходѣ невѣсты, у Большаго Вознесенія¹. Во время вѣнчанія нечаянно упали съ налоя крестъ и евангеліе, когда молодые шли кругомъ. Пушкинъ весь поблѣднѣлъ отъ этого. Потомъ у него потухла свѣчка. *Touts les mauvais augures*, сказалъ Пушкинъ. Въ день свадьбы большой ужинъ у Пушкина въ домѣ Хитровой, гдѣ распоряжался Левушка.

Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Онъ² съ нею обращался какъ съ ребенкомъ. Можетъ быть, она сознательнѣе и крѣпче любила его, чѣмъ сама жена. Но разъ у нихъ былъ крупный разговоръ, и Пушкинъ чуть не выгналъ ее изъ дому. Она вздумала черезъ чуръ заботиться о спасеніи души своей дочери. У Пушкиныхъ она никогда не жила. Въ послѣднее время она поселилась у себя въ Яропольцѣ и стала очень несносна: просто напросто пила. По³ лечебнику пила. „Зачѣмъ ты берешь этихъ барышень?“ спросилъ у Пушкина Соболевскій. — „Она цѣлый день пьетъ и со всѣми лакеями“.

Увидѣлъ онъ еѣ въ первый разъ у Югеля на балѣ [20] около 1826.

¹ Над словами: „у Большаго Вознесенія“ карандашомъ написано: „м. б. у Глѣб [3—4 неразобр. слова].“

Над этимъ словомъ карандашомъ написано точно бы слово: „прежде“.

³ Начиная с этого слова до конца написано карандашомъ. После слова „лакеями“ стоит слово в шесть букв.

КОММЕНТАРИЙ

А

1

I.

И.*) Выйдя в отставку со службы в Нижнем-Новгороде, Вл. Ив. Даль (1801—1872) 28 октября 1859 г. приехал в Москву, где и прожил до своей смерти. Вскоре по приезде познакомился он с П. И. Бартевым, работавшим в это время над биографией Пушкина. Запись рассказов Даля о Пушкине, находящаяся на 1—2 страницах публикуемой тетради, конечно, далеко не все, что слышал от Владимира Ивановича Бартева.

До этого Даль, вероятно, вскоре после смерти Пушкина (во всяком случае не позднее 1842 г.) составил свою известную записку о болезни и смерти поэта, распространявшуюся в списках, использованную Д. Н. Бантыш-Каменским в его биографии Пушкина (в „Словаре достопамятных людей русской земли, ч. II, СПб. 1847) и впервые напечатанную в „Московской Медицинской Газете“, 1860, № 49. Затем, около 1840 г. Далем написаны воспоминания его о Пушкине, посвященные, главным образом, пребыванию поэта в Оренбурге в 1833 г. и переданные позднее автором П. В. Анненкову, так и не собравшему их напечатать (опубликованы А. Майковым в „Русском Вестнике“ 1890, № 10, а затем перепечатаны в его сборнике „Пушкин“ 1899 г.). Вероятно, в Москве в 1860—1861 гг. Даль набросал (карандашом) заметку о дуэлях Пушкина, рассказ об Артюхове и поэте и слова Пушкина о Петре I. Эти записи впервые опубликованы Н. О. Лернером в „Русской Старине“ 1907, № 10. Собственноручно переписанную (с некоторыми изменениями первоначального текста) заметку свою о дуэлях Пушкина вместе с черновиком записки о болезни и смерти Пушкина Даль передал Бартеву, который из заметки о дуэлях привел два места в своей статье „Пушкин в Южной России“ (первоначально напечатано в „Русской Речи“ 1861, перепечатано в „Русском Архиве“ 1866, стб. 1161—1162 и 1166). См. кн. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“ Модзалевского, Оксмана и Цявловского. Изд. „Атеней“. Пет. 1924, стр. 108—113.

Рассказ о начале знакомства Даля с Пушкиным содержит в записи Бартева такие подробности, каких нет в опубликованных Майковым воспоминаниях. В этих последних Даль пишет: „До приезда Пушкина в Оренбург я виделся с ним всего только два раза два или три; это было именно в 1832 году, когда я, по окончании Турецкого и Польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои. Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на

*) Жирные цифры означают страницы комментируемой тетради Бартева.

уме вертится, только-что с языка не срывается. „Сказка сказкой“, — говорил он, — „а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!“ (Майков „Пушкин“, 1899, стр. 418).

О своей работе над составлением словаря Даль в автобиографической записке (опубликована Бартевым в „Русском Архиве“ 1872, № 11) говорит, что во время своей первой поездки по России еще в 1819 г. он „бессознательно положил основание своему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал“ (стб. 2250), а Бартев в некрологической заметке о Дале, конечно, с его слов писал: „Сближение с Жуковским, а чрез него с Пушкиным утвердило Дала в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его сборник и пополнял своими сообщениями. За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только-что сшитый сюртук, сказал: „Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу“. Выползиную называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны“. („Русск. Архив“ 1872, № 10). См. еще Я. Грота „Воспоминания о Дале“ в Сборнике II Отд. Имп. Акад. Наук, т. X, стр. 42.

Отношение Нижегородского губернатора Бутурлина от 9 октября 1833 г. к Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому об учреждении за Пушкиным секретного полицейского надзора напечатано в „Русской Старине“, 1883, № 1, стр. 78.

Подробный рассказ Дала о пребывании Пушкина в Оренбурге (18—20 сентября 1833 г.) имеется в его воспоминаниях, напечатанных Майковым. В этих воспоминаниях есть о Пугачеве, севшем на церковный престол, ио словах Пушкина о задуманном им романе.

2. Забавного рассказа об инженер-капитане (а не майоре, как записано у Бартеве) Конст. Демьян. Артюкове, любителе стрелять вальдшнепов, Даль в эти воспоминания не поместил, но написал об этом (в более пространном виде) в записках, опубликованных Н. О. Лернером. Кроме этого, дважды в своих рассказах „Охота на волков“ и „Болгарка“ Даль повторил этот анекдот из жизни Пушкина. См. Б. Л. Модзалевский „Новинки Пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома“ в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год“, стр. 27—30.

Письмо Пушкина к В. А. Перовскому при посылке „Пугачевского бунта“ опубликовано Б. Л. Модзалевским в указ. статье. В этом письме Пушкин пишет: „Посылаю... „Историю Пугачева“... тому охотнику, что вальдшнепов сравнивает с Валенштейном или с Кесарем“.

О знакомстве Пушкина с Далем, кроме названных статей, см. еще ст. Д. Н. Соколова „Пушкин в Оренбурге“ в „Пушкин и его современники“, вып. XXIII — XXIV, стр. 67—100 и 301—304.

9. Архимандрит Макарий (Михаил Яковлевич Глухарев) (1792—1847) — алтайский миссионер и переводчик библии. В 1829 г. уехал в Сибирь, где и

прожил до 1843 г., занимаясь миссионерством. Последние годы жил в Болховском монастыре Орловской губ., где и умер. С ним была знакома Марья Васильевна Киреевская (родная сестра известных Киреевских), переписывавшая запрещенный тогда синодом перевод Макария библии с еврейского на русский язык. См. „Р. Арх.“, 1877, II, стр. 489.

В „Русском Архиве“ Бартенева дважды приводил записанные им слова Макария о Пушкине. См. „Р. А.“, 1899, № 6, стр. 355 и 1906, № 2, обл.

11—13. Находящиеся на этих страницах заметки представляют собою выписки из первой статьи В. П. Гаевского о Дельвиге в февральском номере ж. „Современник“ за 1853 г. О вступительном экзамене см. у Гаевского стр. 63 (III отдела); о начале занятий — стр. 65; отзыв Кайданова — стр. 66—67; отзыв Куницына — стр. 67; участники литературных трудов — стр. 69—70; перечень лицейских журналов — стр. 70; смерть Корсакова — стр. 70; сохранившиеся журналы, запрещение журналов, появление в печати произведений лицейстов, смерть В. Ф. Малиновского и его преемники — стр. 71; занятия Пушкина немецким языком — стр. 72; первые произведения Пушкина, появившиеся в печати — стр. 75; экзамен в присутствии Державина — стр. 76; вызов Дельвигом на дуэль улана И. А. Б-на — стр. 84. Об этом см. комментарий к стр. 52. О прощальной песне — стр. 86.

15. Сообщение Нащокина о помещении, которое занимал Лицей, совершенно верно. В книге И. Селезнева „Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея“, СПб. 1861, об этом сказано: „... отведен для помещения Лицея четырехэтажный новый флигель царскосельского дворца“. П. И. Бартенева в статье: „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2-я. Лицей“ в „Московск. Ведомостях“ 1854 г., № 117 (от 30 сент.), описывая торжество открытия Лицея, говорит, что приглашенные собрались „в придворную царскосельскую церковь, которая вместе была и лицейскою церковью, находясь в середине здания и соединяя комнаты Лицея с государевыми покоями“ (стр. 490). См. еще статью Бартенева „Несколько замечаний о Пушкине“ в „Русск. Арх.“ 1899, № 12, стр. 614.

О количестве воспитанников в „Постановлении“ о Лицее сказано, что „число их, на первый раз, полагается не менее 20 и не более 50“. „Желающих определить сыновей своих в новоучреждаемое заведение явилось множество: в течение трех месяцев министр имел просьб свыше пятидесяти“. К приемным экзаменам допущено было 38 человек, из которых принято было 30. См. Селезнев, *op. cit.*, стр. 9 и 17, Бартенева, *op. cit.*, стр. 490.

Приписка на полях о постановлении о Лицее взята Бартеневым из первой статьи Гаевского о Дельвиге в „Современнике“, 1853, февраль, отд. III, стр. 64, при чем Бартенева при списывании ошибся — постановление о Лицее напечатано в „Периодическ. сочин. о успехах народного просвещения“ не за 1812 г. № XXXII, а за 1810 г., № XXVIII.

16. Мысль об учреждении при Лицее приготовительного пансиона, из которого лучшие ученики поступали бы в Лицей, принадлежит министру народн. просв. гр. А. К. Разумовскому, еще в июле 1812 г. докладывавшему об этом государю, а 31 декабря 1813 г. было опубликовано постановление о Благородном Лицейском Пансионе, торжественное открытие которого состоялось 27 января 1814 г. После публичных экзаменов в январе 1815 г., состоялся перевод всех

29 воспитанников Лицея из младшего возраста в старший, а на освободившиеся вакансии были приняты в Лицей двадцать один воспитанник Благородного Пансиона. Следующий прием из Пансиона на „младший возраст“ Лицея состоялся в августе 1817 г. См. Селезнев, *op. cit.*, стр. 33, 105, 137 и 165; Д. Кобеко „Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы 1811—1843“. Спб. 1911, стр. 63, 65, 68, 70—71.

Из поступивших в Лицей в 1811 г. тридцати воспитанников во время пребывания в нем ни один не умер. Крестник вел. кн. Константина Павловича Константин Гурьев в сентябре 1813 г. за порочное поведение был назначен к исключению из Лицея, и только по усиленной просьбе его матери разрешено было „возвратить его родителям“. Указания на то, что он не желал быть сеченым, в литературе о Лицее не имеется. См. Кобеко, *op. cit.*, стр. 62; см. еще в кн. Я. Грота „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“, Спб. 1899, стр. 253.

17. „17 мая 1811 г. утверждены были формы обмундирования чиновников и воспитанников Лицея. Воспитанникам назначен был кафтан темно-синего сукна с стоячим воротником и обшлагами суконными красного цвета, подкладка синяя; камзол и нижнее платье белые суконные; пуговицы позолоченные гладкие; на воротнике с каждой стороны по две петлицы: младшего разряда серебряные, а старшего — золотые“. См. Кобеко, *op. cit.*, стр. 19.

„Лекции и препарации совершались в классных комнатах, за отдельными для каждого воспитанника конторками, впрочем и в спальне находились столики, где также не воспрещалось заниматься, разумеется, в часы перед сном или до отправления к утренней молитве. Спальня представляла зал, проходивший по всему верхнему этажу здания, с арками вместо поперечных стен; вдоль его, к окнам с той и другой стороны, размещены были кровати; у каждой находился комод и столик со стулом. Одна кровать с этими принадлежностями своими отделялась от другой, соседней, глухою перегородкою, так что для каждого воспитанника составлялась камера, которые все и шли вдоль по обеим сторонам зала, образуя по середине ее коридор; из него в камеры вели двери с проволочною в верхней половине своей решеткою. Одна из этих камер служила для дежурного гувернера. В двух концах коридора помещались по одному большие умывальники“. Селезнев, *op. cit.*, стр. 152.

В „Постановлении о Лицее“ дается такое расписание дня: встанут воспитанники в 6 часов утра; 7-й час определяется на вставанье от сна, молитву и повторение уроков; с 7 до 9 — два урока; 10-й час — на завтрак и прогулку; с 10 до 12 — два урока; 1-й и 2-й часы — на прогулку и обед (в 1 час), а также и повторение уроков; с 2 до 5 — три урока, и первый из них (от 2 до 3) для чистописания или рисования; с 5 до 8 — полдник, прогулка и гимнастические упражнения; 9-й час на ужин, а 10-й на прогулку, повторение уроков и в 10 часов отхождение ко сну. См. Селезнев, *op. cit.*, стр. 91. Такое же расписание дает и Пущин в своих воспоминаниях о Пушкине. См. Л. Майков „Пушкин“, стр. 52. Лицейск. Илличевский писал приятелю Фуссу 26 апреля 1812 г.: „Учимся в день только 7 часов, и то с перерывами, которые по часу продолжаются; на местах никогда не сидим; кто хочет, учится, кто хочет, гуляет; уроки, сказать правду, не весьма велики; в праздное время гуляем, а нынче ж начинается лето: снег высок, трава показывается, и мы с утра до

вечера в саду, который лучше всех летних петербургских“. Я. Грот „Пушкин“, стр. 57.

18. В „Постановлении о Лицее“ ничего не говорится о том, что воспитанники во все время пребывания своего в Лицее не отпускаются к родителям. В своих воспоминаниях И. И. Пущин об этом пишет: „Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, как теперь помню, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из Лицея, а что родным позволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило нас всех своею неожиданностью“. См. Л. Майков „Пушкин“, стр. 51.

Сергей Гаврилович Чириков (1776—1853) служил в Лицее с его основания в течение 30 лет (1811—1841) учителем рисования и гувернером. Селезнев, *op. cit.*, стр. 134—135, 161.

Фотий Петрович Калинин (1788—1851) служил в Лицее также с его основания в течение 40 лет (1811—1851) учителем чистописания. С открытия Благородного Пансиона он, не оставляя должности учителя в Лицее, вступил гувернером в Пансион, а с 1815 по 1822 был гувернером в Лицее (в младшем возрасте). О нем см. „Памятн. книжка имп. Александр. Лицея на 1856—57 г., стр. 170—184“ и Селезнев, *op. cit.*, стр. 134, 162.

Василий Федорович Малиновский (1765—1814) по окончании курса в Московском университете служил в Московском архиве коллегии иностранных дел, затем в 1789—1791 гг. в качестве чиновника русского посольства жил в Лондоне. В 1791 г. был отправлен в Яссы, где присутствовал на конгрессе, на котором был заключен мир между Россией и Турцией. В 1800—01 гг. был генеральным русским консулом в Молдавии. С июля 1802 г. Малиновский живет в Петербурге, служа в коллегии иностранных дел и занимаясь литературными трудами и делами благотворительности. Указом 2 июня 1811 г. Вас. Федор. назначен директором Лицея, в каковой должности и состоял до своей смерти, последовавшей 23 марта 1814 г. Старший сын его Иван был товарищем Пушкина по Лицею. О В. Ф. Малиновском см. „Памятная книжка импер. Александровского Лицея на 1856—1857 г., стр. 129—141 (перепечатано в книге: А. А. Рубец „Наставникам, хранившим юность нашу“, Спб. 1911, стр. 194—204); Селезнев, *op. cit.*, стр. 42—46; Н. Гастфрейнд „Товарищи Пушкина по импер. Царскосельскому Лицею“, Спб., 1913, т. III, стр. 221—224 и Д. Кобеко „Императорский Царскосельский Лицей“, Спб., 1911, стр. 22—25.

Начало библиотеке Лицея было положено в первый год его существования. Ее составляли учебные руководства и книги учебного содержания, некоторые весьма ценные, приобретающиеся как пособия, нужные при занятиях воспитанников и самих профессоров. В 1811 г. выписывалось 7 русских и 8 иностранных журналов. В 1812 г. для библиотеки куплено книг на 751 р. Директор Лицея Энгельгардт очень был озабочен пополнением библиотеки, и в результате его хлопот по докладу министра народн. просвещения Александр I 2 декабря 1816 г. приказал „отдать Лицею библиотеку, находящуюся в Александровском дворце в Царском Селе с тем, чтобы она сохранялась, ибо дается она ему не в собственность, а только для пользования. На таком же

основании взять и книги, находящиеся в Яшмовых Комнатах, кои признаны будут полезными". Библиотека Александровского дворца в Царском Селе была собственность государя, а книги Яшмовых Комнат в Большом Царскосельском дворце составляли библиотеку Екатерины II. Книги этих собраний поступили в Лицей лишь в феврале 1818 г. См. „Памятная книжка Импер. Александр. Лицея на 1856—57 г., стр. 85 и XXVIII и Селезнев, *op. cit.*, стр. 72—75.

Сообщение о том, что в библиотеку Лицея поступили книги из библиотеки Вольтера — неверно. Как известно, библиотека Вольтера, купленная Екатериной II в 1779 г., поступила в Эрмитаж, где и хранилась в том виде, как была у Вольтера. См. „Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих музей. . .“, СПб. 1861, стр. 128—135. В феврале 1832 г. Пушкин просил через Бенкендорфа у Николая I разрешения рассмотреть эту библиотеку. Разрешение было дано. См. письма № 668 и № 669 акад. изд. переписки Пушкина.

Позднейшая приписка о библиотеке сделана на основании Отчета о состоянии импер. Александровского Лицея, читанного на акте 12 июня 1850 г. и напечатанного в „Памятной книжке Импер. Александр. Лицея на 1850—51 г.“ стр. 22—23. Ханьков говорит о книгах, поступивших из Александровского Царскосельского дворца. Список их напечатан в памятной книжке импер. Александр. Лицея на 1856—57 г., стр. XXIX—XXXIX.

19. Во время пребывания Пушкина в Лицее законоучителями были священники: с основания Лицея Ник. Вас. Музовский, в начале 1816 г. получивший назначение в наставники в кн. Александры Федоровны, затем Гавриил Полянский (1816), Герасим Петр. Павский (1816—1817) и Иоаким Семен. Кочетов (1817). Таким образом, указание на то, что законоучителем в Лицее после Музовского был Мансветов — неверно. См. Селезнев, *op. cit.*, стр. 119—120; Рубец, *op. cit.*, стр. 14. Сам Бартенев в своей статье „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2-я. Лицей“ в „Московск. Вед.“ 1854, № 117, стр. 491, упомянув Музовского, Мансветова не называет.

Ник. Федор. Кошанский (1781—1831) состоял в Лицее профессором русской и латинской словесности с 1811 по 1828 г. Биографические сведения о нем см. в „Памятн. кн. Импер. Александровского Лицея на 1856—1857 гг.“, стр. 142—160 (перепечатано в книге Рубец, *op. cit.*, стр. 263—278); Селезнев, *op. cit.*, стр. 97—101; ст. Н. К. Пиксанова в собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, т. I, стр. 250—259, Кобеко, *op. cit.*, стр. 25—26 и „Русский биограф. словарь“, т. „Кнаппе-Кюхельбекер“.

Александр Петрович Куницын (1783—1840) с 1811 по 1816 г. состоял в Лицее адъюнкт-профессором нравственных наук, а с 1816 по 1820 г. — профессором по этой кафедре. Полный курс Куницына заключал в себе двенадцать предметов: логику, психологию, нравственность, право естественное частное, право естественное публичное, право народное, право гражданское русское, право публичное русское, право уголовное русское, право римское, политическую экономию и финансы. О Куницыне биографические сведения см. „Памятн. книжка Лицея на 1856—57 г., стр. 161—163 (перепечатано в книге Рубец, *op. cit.*, стр. 278—280); Селезнев, *op. cit.*, стр. 122—128; „Русский биографический словарь“, т. „Кнаппе-Кюхельбекер“ и Кобеко, указ. соч., стр. 26.

Александр Иванович Галич (1783—1848), вопреки записи Бартецева, не преподавал в Лицее логики и нравственной философии, а заменял болевшего Кошанского на уроках русской и латинской словесности с 10 мая 1814 г. по 1 июня 1815 г. Биографические сведения о Галиче см. „Русский биографический словарь“, т. „Гаак-Гербель“ и ст. Э. Радлова в собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, т. I.

Яков Иванович Карцов (1785—1836) состоял в Лицее адъюнкт-профессором с 1811 по 1816 г., а с 1816 по 1836 г. — профессором по кафедре физических и математических наук. О нем биогр. сведения см. у Селезнева, *op. cit.*, стр. 129—132, в „Памяти. кн. Лицея на 1856—57 г.“ стр. 164—169 (перепеч. в кн. Рубец, *op. cit.*, 280—284) и в „Русск. биогр. слов.“, т. „Ибак-Ключарев“.

Федор Матвеевич Гауеншильд (1786—1830) с 1811 по 1822 г. состоял в Лицее профессором немецкой словесности. О нем биографические сведения см. у Селезнева, *op. cit.*, 102—110, Кобеко, *op. cit.*, 29—36 и в „Русском биографическом словаре“, т. „Гаак-Гербель“.

Приписка Соболевского о письмах гр. Жозефа де-Местра к гр. А. К. Разумовскому сделана на основании книги „Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. Paris. 1851“, t. II, где напечатаны „Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie à M. le comte Rasoumowsky“. — Русский перевод этих писем имеется в кн. Васильчикова „Семейство Разумовских“, Спб. 1880, т. II.

20. Давид Иванович де-Будри (до 1793 г. — Марат) (1756—1821) с 1811 по 1821 состоял в Лицее профессором французской словесности; кроме этого, преподавал французский язык в училище ордена святой Екатерины. Эту запись рассказа Нащокина о Будри Бартецев использовал в своей статье „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2-я. Лицей“ в „Москов. Вед.“ 1854, № 117, стр. 491, указав: „Сообщено П. В. Нащокиным“. М. А. Корф опровергал сообщение Нащокина, что на уроках Будри лицейские переводили „Недоросля“ Фонвизина. См. Я. Грот „Пушкин“, стр. 232.

В „Table Talk“ Пушкина Будри посвящен XXX анекдот. Биографические сведения о нем см. у Селезнева, *op. cit.*, стр. 112—113, у Кобеко, *op. cit.*, стр. 28—29 и в „Русск. биогр. слов.“, т. „Бетанкур-Бякстер“. Я. Грот перепечатал некролог Будри из „Сына Отечества“ 1821 г. в „Русск. Арх.“ 1876, I, стр. 482 (см. также Я. Грот „Пушкин“, 1899, стр. 92).

О спектаклях, устраивавшихся лицеистами, вспоминал стариком И. В. Машиновский в письме к Комовскому (см. Я. Грот „Пушкин“, стр. 286). Об этом же говорит в своих письмах из Лицея от 27 июля 1814 г. и 26 октября 1815 г. к Фуссу Илличевский (см. *ibidem*, стр. 58, 66). В „Записке“ гр. М. А. Корфа также рассказывается о лицейских спектаклях при участии Будри и гувернера Иконникова (*ibidem*, стр. 232, 243). См. еще „Памятная книжка Имп. Александр. Лицея на 1856—57 г.“, стр. 103—104. Селезнев, *op. cit.*, стр. 145, Гаевский „Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения“ „Современник“ 1863, т. 97, № 7, стр. 137—139 и Кобеко, *op. cit.*, 91—92. В названных источниках нет указаний на то, что лицеисты играли комедию Шаховского „Новый Стерн“ (1807 г.) и комедию в стихах в 5 дейст. Княжнина „Чудаки“ (1793 г.).

21. Проф. Лицея Гауеншильдом в 1813 году был устроен у себя пансион, существовавший до конца этого года. В январе 1814 г. был открыт ка-

енный Благородный пансион при Лицее, директором которого был назначен тот же Гауеншильд. Воспитанников в этом пансионе было много — в 1814 г. — 99 человек, в 1815—101, в 1816—105 (см. Селезнев, *op. cit.*, стр. 103). В числе их были П. В. Нащокин и Лев Серг. Пушкин. Ни тот, ни другой курса не кончили, и время их поступления в пансион и выход из него в точности неизвестно. П. И. Бартенева в своей статье 1854 г. (*op. cit.*, стр. 490) писал: „Пансион помещался в здании прямо против Дворцового сада. Лицейсты и пансионеры беспрестанно видались между собою“. В вызванной этой статьей Бартенева „Записке“ бар. М. А. Корф по поводу приведенных слов заметил: „Нельзя сказать, чтобы лицейсты и пансионеры *беспрестанно* виделись между собою, чему препятствовало и самое расстояние, потому что лицей был во дворце, а пансион в Софии, в зданиях теперешнего Александровского корпуса (к этим словам Я. Грот сделал примечание: „Следует прибавить: „для малолетних“. Впоследствии там помещалось юнкерское стрелковое училище“). Мы видались только случайно на прогулках, иногда же по воскресеньям и праздникам знакомые хаживали из одного заведения в другое; но *in* согрее лицейсты посещали пансион и, наоборот, только раз или два в году, когда бывали в том или другом заведении театральные представления или танцы“. Я. Грот „Пушкин“, *op. cit.*, стр. 225.

Что значат слова в скобках: „Глупый Нащокин, умный К.“, нам неизвестно.

Публичный экзамен 8 января 1815 г., на котором присутствовал Державин, и на котором Пушкин читал свои „Воспоминания в Царском Селе“, был передовый с „младшего возраста“ на „старший“.

Неверное сообщение Нащокина, что пожар в Лицее был в 1816 г., Бартенева поместил и в статье своей: „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2-я. Лицей“ в „Моск. Вед.“ 1854, № 119 (от 5 октября), стр. 498. Таким образом, приписка карандашом М. Н. Лонгинова, правильно указавшего, что П. вышел из Лицея в июне 1817 г., а пожар был в 1820 году, сделана не ранее октября 1854 года. В своей „Записке“ Корф писал: „Пожар в Лицее был в 1820 г. и, следственно, не мог иметь влияния на наш выпуск в 1817 г. Последний был ускорен четырьмя месяцами против определенного шестилетнего срока по неизвестным мне причинам — может быть, для того, чтобы воспользоваться летним временем для необходимого в зданиях ремонта“. Я. Грот „Пушкин“, стр. 248.

22. „Нащокин поступил в ополчение и потом в Измайловцы, не кончив курса в пансионе. С отъездом Пушкина на юг, прекратились их сношения, но в 1826 г., когда он возвращен был в Москву и встретил там Нащокина, они снова сблизились и подружились крепко“. Вступительная заметка П. И. Бартенева к письмам Пушкина к Нащокину в сборнике „Деятнадцатый век“, кн. I, М. 1872, стр. 383. На то, что Пушкин встречался с Нащокиным в Москве еще в 1826 г., указывает запись в дневнике Погодина под 31 декабря 1826 г. „Утро у Пушкина с Нащокиным“ (см. „Пушкин и его современники“, вып. XIX—XX, стр. 84).

Приезжая в Москву, Пушкин не всегда останавливался у Нащокина. В первый раз у него Пушкин останавливался, если не ошибается Анненков (см. его „Материалы для биографии А. С. Пушкина“, изд. 1855 г.,

стр. 216), в марте—апреле 1829 г., проездом из Петербурга на Кавказ. Где жил Пушкин в Москве в сентябре — октябре этого же года, по возвращении с Кавказа, сказать невозможно, по неимению данных. В следующий свой приезд в Москву в марте — июле 1830 г. Пушкин жил в гостинице Коппа, а в августе этого же года — у кн. Вяземского. По приезде в Москву из Болдина в декабре 1830 г. Пушкин остановился в гостинице „Англия“. После свадьбы (18 февр. 1831 г.) молодые Пушкины жили в собственной квартире в доме Хитровой на Арбате, а Нащокин тоже на Арбате, у Николы на Песках, в доме Годовиковой. В следующий свой приезд в Москву в декабре 1831 г. Пушкин жил около трех недель у Нащокина, в доме Ильинской у Пречистенских ворот, но в приезд Пушкина в Москву в сентябре 1832 г., судя по его письмам к жене, он останавливался не у Нащокина, который в это время жил уже на Остоженке, в приходе Воскресения, в доме священника. Проездом из Петербурга в Оренбургскую губернию в августе 1833 г. в Москве Пушкин прожил четыре дня в доме Гончаровых на Никитской улице, но на возвратном пути в Петербург, в ноябре, останавливался ненадолго у Нащокина на Остоженке. В приезды свои в Москву в 1834 году Пушкин с Нащокиным не встречались, так как последнего не было в это время в Москве. Нащокин приехал в Москву, вероятно, в ноябре 1834 г. и поселился на Знаменке в доме Дорошевича, против дома Апраксина. Наконец, в свой последний приезд в Москву в мае 1836 г. Пушкин прожил у Нащокина, в доме Ивановой у Старого Пимена, дней восемнадцать (с 3-го по 20-е).

О поездках вместе с Нащокиным в баню есть в письмах Пушкина к жене. Так, 22 сентября 1832 г. поэт писал Наталье Николаевне: „Он (т.-е. Нащокин) ездил со мною в баню“, а на выражение по этому поводу со стороны жены удивления писал: „Русский человек в дороге не передевается и, доехав до места свинья-свиньею, идет в баню, которая — наша вторая мать. Ты разве некрещеная, что всего этого не знаешь? (акад. изд. переп., т. II, стр. 396—397). Об этом же вспоминала в 1898 г. В. А. Нащокина: „Поэт очень любил московские бани и всякий свой приезд в Москву они вдвоем с Павлом Войновичем брали большой номер с двумя полками и подолгу парились в нем. Они, как объясняли потом, лежа там, предавались самой душевной беседе, в полной уверенности, что уже там их никто не подслушает“ (Илл. прил. к „Новому Времени“, 1898, № 8122, стр. 7). О картежной игре Нащокина Пушкин писал (11 мая 1836) жене: „Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света“, и еще (14—16 мая): „Любит меня один Нащокин. Но тинтере — мой соперник, и меня приносят ему в жертву“.

Указание Лонгинова, что Пушкин был избран в члены московского Английского клуба в 1829 году, подтверждается письмом Плетнева к Пушкину от 29 марта 1829 г., в котором находим поздравление с этим избранием. Жене Пушкин писал 27 августа 1833 г. из Москвы: „В клубе я не был — чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь английский клуб готов продать за 200“. В апреле 1831 г. Английский клуб перешел из дома Муравьева на Большой Дмитровке, где он помещался с 1813 года, в дом гр. Разумовской на Тверской, где и находился до ликвидации в 1917 году. См. „Русский Архив“, 1889, № 5, стр. 88 и 94. Что заметка на стр. 22 сделана М. Н. Лонгиновым, подтверждается тем обстоя-

тельством, что Лонгинов сам с начала 1850-х годов был членом московского Английского клуба. А. Я. Головачева-Панаева вспоминает, что он „записывал туда на обеды Тургенева, Некрасова и Панаева“ и усердно хлопотал, чтобы двух последних выбрали членами в Английский клуб, точно от этого зависело все благо их жизни“ (см. Сборник Пушкинского Дома на 1923 г., стр. 171).

23. Приписка Соболевского относительно тетради с замком, хотя и начинается энергичным словом „взор“, в сущности подтверждает показание Нащокина. Но Соболевский ошибался, утверждая, что тетрадь с запирающимся на ключ замком была у Пушкина только до ссылки в 1820 г.: дневник Пушкина 1833—1835 гг. писался именно в такой тетради (см. „Дневник Пушкина“, московское изд. 1923 г., стр. 15—16). Тетрадь, о которой говорят Соболевский и Нащокин, надо считать утраченной, так как едва ли она та, в которой писался дневник.

О романе „Дубровский“ Пушкин писал 2 декабря 1832 г. Нащокину: „... честь имею тебе объявить, что первый том Островского кончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику Г. Короткого“. К этим словам Бартечев в сб. „Девятнадцатый Век“, кн. I, М. 1872, стр. 394 сделал такое примечание: „Так [„Островским“] называл Пушкин свою повесть, напечатанную после его кончины под именем Дубровского. Она написана по рассказу Нащокина, который сам видел в остроге этого Островского, белорусского дворянина, доведенного до нищеты богатым своим соседом; так как Дмитрий Васильевич Короткой состоял на службе и знал производство тяжбных дел, то Пушкин и пишет, что пришлет ему на критику свою повесть“.

О том, что Пушкин слагал стихи в экипаже, во время своих частых поездок по России, имеется свидетельство самого поэта, писавшего 19 сентября 1833 г. жене: „Я уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю; что же будет в постеле?“. Сказка о царе Салтане написана Пушкиным в Царском Селе в августе 1831 г.: 3 сентября поэт писал Вяземскому: „на днях испразнил сказкой в тысячу стихов“. Таким образом, Пушкин эту сказку не „написал в делижансе“, чего и физически, надо думать, сделать невозможно, а устно слагал ее в одну из своих поездок; какую именно, сказать невозможно.

Гр. Строганов — гр. Григорий Александрович Строганов (1770—1857) приходился двоюродным братом тещи Пушкина Натальи Ивановны Гончаровой и был близок с поэтом. Строганов принял близкое участие в делах вдовы поэта, взяв на себя расходы по похоронам Пушкина и вступив в члены опеки над его детьми.

О гр. Г. А. Строганове см. в кн. „Дневник Пушкина 1833—1835, под ред. и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева“. 1923, стр. 150—152.

24. Кроме гр. Г. А. Строганова, опекунами над детьми и имуществом Пушкина были гр. М. Ю. Виельгорский, В. А. Жуковский и Н. И. Тарасенко-Отрешков, автор книг и статей по экономическим вопросам, „составивший себе репутацию серьезного ученого и литератора по салонам, гостиным и кабинетам влиятельных лиц, не имея никакого имени и авторитета ни в ученом, ни в литературном мире. Он прослылся агрономом, политико-экономом, финансовой способностью, не соприкасаясь с людьми науки и не выходя на арену публич-

ности“ (Анненков „Воспоминания и критические очерки“, т. III, 1881, стр. 258) Когда Пушкин задумал издавать политическую газету в 1832 г., „вероятно, в одном из петербургских салонов ему и указали на Н. И. Отрешкова, как на образцового и дельного сотрудника по журналу“ (ibidem). 16 сентября 1832 г. Пушкин дал доверенность Наркизу Ивановичу на принятие им звания редактора. Газета эта не состоялась, но после смерти Пушкина покровительствуемый гр. Г. А. Строгановым Тарасенко-Отрешков сделался членом опеки над детьми и имуществом Пушкина и играл в ней весьма значительную роль. „Под непосредственным наблюдением Отрешкова печаталось посмертное издание сочинений Пушкина, удивившее даже и тогдашнюю не очень взыскательную публику своей беспорядочностью“ (ibidem). О Тарасенко-Отрешкове имеется еще отзыв дочери Пушкина гр. Н. А. Меренберг, которая в 1886 г. говорила М. И. Семевскому: „Опекуном над нами назначили гр. Григория Строганова, старика самолюбивого, который, однако, ни во что не входил, а предоставлял всем распорядиться Отрешкову, который действовал весьма недобросовестно. Издание сочинений отца вышло небрежное, значительную часть библиотеки отца он расхитил и продал, небольшая лишь часть перешла к моему брату Александру; время, удобное для последующих изданий сочинений отца, пропустил. . . Мать мою не хотел слушать и не позволял ей мешаться в дела опеки, и только когда мать вышла замуж за Ланского, ей удалось добиться удаления от опеки Отрешкова: назначили опекуном Ланского („Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, Пгр. 1924, стр. 129—130).

В московском музее имени А. А. Бахрушина хранится архив опеки над детьми и имуществом Пушкина; тут имеется „Дело по переписке к напечатанию сочинений Пушкина“ и две приходо-расходные книги по изданию сочинений. Документы эти еще не изучены. См. Б. Л. Модзалевский „Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина“ — „Пушкин и его современники“, в. XIII, стр. 93, 106 и 107.

О Н. И. Тарасенко-Отрешкове см. „Русский биограф. слов.“, т. „Суворова-Ткачев“, Н. Лернер „Из неизданных материалов для биографии Пушкина“, „Русская Старина“ 1908, № 2, стр. 428—433; Ф. А. Бычков „Неосуществившаяся газета Пушкина“, „Истор. Вестник“ 1886, № 2, 387—391, Н. К. Пиксанов „Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник“ (1831—1832), в изд. „Пушкин и его совр.“ в. V, стр. 30—74 и В. Андерсон „Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы Пушкина“ в „Русском Библиофиле“, 1913, № 6.

По повелению Николая I после смерти Пушкина был скинут долг его казне — 43,333 р. 33 к. и выдано на уплату частных долгов его — 92,500 р. См. „Дела III Отделения собств. его импер. вел. канцелярии об А. С. Пушкине. Спб. Изд. И. Балашова, стр. 203.

О вещах Пушкина писала П. В. Нащокину вдова поэта 6 апреля 1837 г.: „Простите, что я так запоздала передать Вам вещи, которые принадлежали одному из самых преданных Вам друзей. Я думаю, что Вам приятно будет иметь архаюк, который был на нем в день его насчастной дуэли; присоединяю к нему также часы, которые он носил обыкновенно“ (ж. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 326). О судьбе вещей Пушкина, доставшихся Нащокину, узнаём из письма последнего к М. П. Погодину (вероятно, 1844 года): „Вещи Пушкина, писал Нащокин, я с удовольствием вам доставляю, но их у меня осталось очень немного, и не все на лицо: недавно у меня жил мальчик, который всего меня обокрал и в том

числе архалук Пушкина, который один и найден, но еще мне не возвращен; еще книжник покойника, в коем было семьдесят пять рублей, найденных после его смерти; но такова моя была нужда, что я их израсходовал; часы, которые он носил, тоже были мне отосланы и мною получены, но я их подарил Н. В. Гоголю, у которого они еще и теперь находятся; итак, я вам могу только доставить его книжник и архалук лишь только получу обратно из полиции; еще могу вам предоставить право на получение кровати, обгаренной его кровью, и на которой он скончался для нашей жизни. В. А. Жуковский предлагал мне ее, как человеку, который, по его мнению, более всех на нее имеет право, но я отказался, не лишая себя права передать ее, кому захочу. Узнайте, где она, и получите". См. Барсуков „Жизнь и труды Погодина“, кн. 7-я, стр. 310. Рассказ о том, как П. В. Нащокин в тяжелое для него время принужден был спустить заветную 25-и рублевую ассигнацию торговцу мясом, имеется в воспоминаниях о Нащокине некоего В. Т—на, помещенных в „Искре“ за 1866 г., № 47 и перепечатанных М. О. Гершензоном в его статье „Пушкин и Нащокин“ в собр. соч. Пушкина изд. Брокгауз-Ефрон, т. V, стр. 19. В воспоминаниях вдовы П. В—ча Веры Александровны Нащокиной (Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8129, стр. 6) говорится, что серебряные часы Пушкина, доставшиеся Нащокину и подаренные им Гоголю, после смерти последнего, Нащокин, по просьбе студентов, передал в Московский Университет, где их теперь уже нет. Неизвестна нам и судьба пушкинских бумажника и архалука, отданных Нащокиным Погодину. В этом „красном, с зелеными клеточками“ архалуке Пушкин изображен на портрете Мазера. См. собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. V, стр. 257.

Что касается маски с лица Пушкина, бывшей у Нащокина, то это была одна из трех масок, присланных Жуковским в марте 1837 г. отцу поэта, Боратынскому и Нащокину. См. „Пупк. и его совр.“, в. VIII, стр. 57. Приписку на полях о „бородавке у глаза“ можно относить или к владельцу маски какому-то Сухотину, или, что вероятнее, замечание это говорит об углублении величиной с горошину в маске под левым глазом.

Хранившийся до 1890 г. у В. А. Нащокиной другой бумажник Пушкина, подаренный им в 1836 г. Нащокину, находится в настоящее время в Историческом Музее в Москве. См. нашу заметку „Бумажник Пушкина“ в „Русском Библиофиле“, 1916, № 8, стр. 71—72.

То, что мы знаем об отношениях, существовавших между Пушкиным и кн. П. А. Вяземским, не позволяет нам согласиться с утверждением Нащокина, что „Пушкин не любил Вяземского“. Это — конечно, как выразился Соболевский, „натяжка“, но, что доля истины есть в словах Нащокина, весьма вероятно. Пушкина и Вяземского связывали общие литературные и вообще умственные интересы, они были людьми, так сказать, одной партии, но Вяземский не был так душевно близок к Пушкину, как, скажем, Жуковский, Дельвиг, тот же Нащокин.

Сообщение же Нащокина о том, что Вяземский „волочился“ за Н. Н. Пушкиной, неожиданно подтверждается поступившими в годы революции в Пушкинский Дом письмами кн. П. А. Вяземского к вдове поэта. Письма эти, как мне передавал летом 1924 г. Б. Л. Модзалевский, говорят о сильном увлечении князя Н. Н. Пушкиной.

Нет у нас оснований оспаривать и утверждение Нащокина, что „напротив,

Вяземскую Пушкин любил“. Бор. Алдр. Садовский передавал нам, что ему П. И. Бартенев говорил (вероятно, со слов Нащокина же), что кн. В. Ф. Вяземская летом 1824 г. в Одессе увлеклась Пушкиным. Кратковременное увлечение это впоследствии сменилось чувством искренней дружбы.

Отзыв о Е. А. Боратынском Нащокина, хорошо его знавшего, заслуживает самого серьезного внимания, несмотря на то, что Соболевский и назвал слова Нащокина „сущей клеветой“. Конечно, можно допустить, что в глубине души Боратынский завидовал Пушкину, стараясь, как умный человек, не показывать этого.

Предположение, что Пушкин в лице Сальери изобразил Боратынского, высказал И. Щеглов в статье „Нескромные догадки“ (напечатана была в литературном приложении к „Торгово-промышленной Газете“, 1900 г. № 28 от 9 июля). К мнению Щеглова присоединился В. В. Розанов (в статье „Кое-что новое о Пушкине“ — „Новое Время“, 1900, № 8763 от 21 июля). В. Я. Брюсов в статье „Боратынский и Сальери“ („Русск. Арх.“ 1900, № 8) обрушился на Щеглова за его „нескромную догадку“. Последний в статье „Сомнительный друг“ (тоже в литер. прил. к „Торг.-пром. Газете“, 1900, № 40) настаивал на своем мнении, развив свою аргументацию. И эту статью Щеглова В. Я. Брюсов не оставил без возражения и в „Русском Архиве“ 1901 г., № 1, напечатал статью „Пушкин и Боратынский“, но, как оказывается теперь, в своей полемике с Щегловым Брюсов не совсем был искренен. Вот что писал покойный поэт Петру Петровичу Перцеву 7 декабря 1900 г.: „Ваше решение спора о Боратынском кажется мне самым верным: Боратынский — Сальери, если в этом последнем считать зависть чем-то случайным, а не сущностью души. Я написал вторую статью в защиту Боратынского, но — если уж сознаться — мне гораздо больше нравятся мысли моего оппонента, чем мои собственные. Все я не считаю его более правым, о нет, он действительно заблуждается, ибо не знает эпохи, но его ошибки все же интереснее, чем моя правда. Я читал различные писания И. Щеглова: он не без дарования, хотя и тускл в достаточной степени. Но оригинальность его догадки о Боратынском доказана уже тем, что за него вступился Розанов. Ах! если б я писал за одно с Щегловым и против себя! Сколько бы любопытнейших вещей мог бы я сообщить!“ („Русский Современник“, 1924, № 4, стр. 228). В другом письме (от 20 декабря 1900 г.) к тому же П. П. Перцеву Брюсов пишет: „Второй ответ Щеглову я написал, и — увы! — в академическом духе защиты Боратынского. Не удивляюсь, что ответ мой — вял, неинтересен и ненужен“ (там же, стр. 229). Тем не менее, когда И. Щеглов в 1901 г. выпустил свою книжку „Новое о Пушкине“ (Иван Щеглов „Новое о Пушкине“. Спб. изд. „Труд“, 1902 г.), куда вошли две вышеуказанные статьи о Пушкине и Боратынском с примечаниями (в конце книги), в которых Щеглов делает добавления к тексту своих статей, В. Я. Брюсов снова восстал против него в статье „Старое о г-не Щеглове“ („Русск. Арх.“ 1901, № 12), но лет через десять в статье о Е. А. Боратынском в „Новом энциклопедическом словаре“ (т. V без обозн. года) покойный писатель, говоря об отношениях Боратынского к Пушкину, в сущности присоединился к мнению Щеглова, правда, не назвав его.

27. Задумав в 1850 г. издание сочинений Пушкина, Н. Н. Ланская-Пушкина обратилась за советом по этому предприятию к сослуживцу своего

мужа Ив. Вас. Анненкову, который вел ее дела. Последний, мало в этом понимая, рекомендовал ей, в качестве редактора, своего брата, писателя Павла Вас. Анненкова, на квартиру которого и были привезены два сундука рукописей Пушкина. „При первом взгляде на бумаги, пишет в своих воспоминаниях Анненков, я увидел, какие сокровища еще в них таятся, но мысль о принятии на себя труда издания мне тогда и в голову не приходила. Я только сообщил Ланской план, по которому, казалось мне, должно быть предпринято издание“. Весной или летом следующего года Ив. Вас. Анненков заключил с Ланской формальное условие на издание сочинений Пушкина, но фактическим редактором издания сделался Павел Васильевич, приехавший в августе 1851 г. из Симбирска в Москву и здесь через Гоголя познакомившийся с Погодиным, которому Гоголь писал: „Пав. Вас. Анненков, занимающийся изданием сочинений Пушкина и пишущий его биографию, просил меня свести его к тебе, затем, чтобы набрать и от тебя материалов и новых сведений по этой части. Если найдешь возможным удовлетворить, то по мере сил удовлетвори“.

Очевидно, во исполнение этой просьбы Гоголя, Погодин 7 октября и устроил у себя вечер, описанный Бартевым. См. „Дела III Отделения собств. его импер. вел. канцелярии об А. С. Пушкине“, Спб., 1906, стр. 216—221; Шляпкин „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“. Спб. 1903, стр. V—VI; „Две зимы в провинции и деревне (1849—1851). Из воспоминаний П. В. Анненкова“ в журн. „Былое“ 1922, № 18, стр. 10, 12, 16; Барсуков Н. „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. XI, стр. 311. В рассказе А. Я. Головачевой-Панаевой о том, как П. В. Анненков сделался редактором сочинений Пушкина есть, надо думать, доля вымысла. См. ее „Воспоминания“, Спб. 1890, стр. 243—249.

А. А. Мей (1822—1862), поступивший девяти лет в Московский Дворянский институт, в 1836 г. был переведен в Царскосельский Лицей, где и окончил курс в 1841 г. В этом же году он переехал в Москву и с 1845 г. сотрудничал в „Москвитянине“ Погодина.

Эраст Благодрагов — псевдоним Бор. Ник. Алмазова (1827—1876), сотрудника с 1851 г. „Москвитянина“. Статья его „На петербургские журналы“, вероятно — „Стихотворения Эраста Благодрагова“ в „Москвитянине“ 1851, № 19 и 20, октябрь, кн. 1 и 2, стр. 265—293.

28. Собравшиеся у Погодина читали Пушкина по изданию 1838—1841 гг. в одиннадцати томах. В этом издании в стихотворении „19 октября 1825“ фамилии лицейских товарищей поэта скрыты под тремя звездочками.

В автографе, дающем первоначальную редакцию стихотворения, в сноске самим Пушкиным помечено, что четвертая строфа относится к Н. А. Корсакову (скончавшемуся от чахотки 26 сентября 1820 г. во Флоренции). Автограф впервые опубликован Я. Гротом в „Известиях II Отд. Имп. Акад. Наук“, 1857, т. VI (перепечатано в его книге „Пушкин“). Брат Ник. Алдр. Михаил Алдр. получил в 1820 г. фамилию кн. Дондукова-Корсакова по ходатайству своего тестя кн. Никиты Иван. Дондукова-Корсакова. Об этом см. Гастфрейнд, „Товарищи Пушкина по Имп. Царскосельскому Лицею“, т. I, Спб. 1912, стр. 451 — 2. Кн. М. А. Дондуков-Корсаков был с 1835 по 1862 г. вторым вице-президентом Академии Наук. На него написана Пушкиным эпиграмма „В Академии Наук“.

В указанном автографе Пушкина в сноске помечено, что пятая и шестая строфы относятся к Матюшкину. Фед. Фед. Матюшкин по окончании Лицея пошел в моряки и в 1849 г. был произведен в контр-адмиралы. Его биографию см. в указ. кн. Гастфрейнда, т. II.

Предположение Нащокина, что девятая строфа относится к Гревницу, неверно: эта строфа относится к Ив. Ив. Пушину. В автографе Пушкина 6 стих читается: „О П — нь мой...“. В десятой строфе первый стих читается: „Ты Г — въ...“, т.-е. Горчаков кн. А. М.

29. Одиннадцатая и двенадцатая строфы относятся к бар. А. А. Дельвигу: шестой стих одиннадцатой строфы в автографе начинается: „О Дельвигъ мой...“

Тринадцатая строфа относится к В. К. Кюхельбекеру: седьмой стих в автографе читается: „Скажи, Вильгельмъ...“

Указание Нащокина, что „графиня“ в „Домике в Коломне“ — Буткевич, верно. В 1846 году П. А. Плетнев писал Я. Гроту: „Пушкин, вышедши из Лицея, действительно жил в Коломне, над Корфами — близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме, бывшем тогда Клоачева. Здесь я познакомился с ним. Описанная гордая графиня была девица Буткевич, вышедшая за 70-летнего старика графа Стройновского (ныне она уже за генералом Зуровым)“. „Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым“, т. II, Спб. 1896, стр. 693.

Екатерина Александровна Буткевич (1799—1867), дочь командира Белозерского пехотного полка, в 1817 или 1818 г. была выдана замуж за сенатора гр. Валер. Венедикт. Стройновского (1759—1835). В это время Пушкин и видел ее в церкви Покрова в Коломне. Год спустя после смерти гр. Стройновского Екатерина Александровна вышла замуж за бывшего тогда Тульским губернатором ген.-майора Ельпидифора Антоновича Зурова (1798—1871). О ней см. Н. Лернер „Графиня Е. А. Стройновская“ в журн. „Наша Старина“ 1917, вып. 1, стр. 32—38.

Стихотворение „Нет, не черкешенка она“, в автографе озаглавленное „Отвѣтъ х + у“, впервые напечатано под заглавием „Отвѣтъ Ф. Т***“ в сборнике стихотворений Пушкина изд. 1829 г., ч. II, стр. 78, в числе стихотворений 1826 года. Что под „Ф. Т.“ нужно понимать Фед. Ант. Туманского, впервые сообщил Анненков в указателе стихотворений, помещенном в VII т. собр. соч. Пушкина (стр. 175 2-й пагинации). „Каким источником пользовался для этого сообщения Анненков, неизвестно“, писал в примечании к стихотворению Н. О. Лернер (соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, т. IV, стр. XIX). Комментируемая запись Бартенева вскрывает этот источник: Анненков, присутствовавший на вечере у Погодина, узнал это от Нащокина, указавшего, как оказывается, и лицо, о котором говорится в стихотворении, что до сих пор оставалось неизвестным. Так как это показание Нащокина подтвердил (приписка на полях) и С. А. Соболевский, то можно считать бесспорным отнесение к С. Ф. Пушкиной-Паниной стихотв. „Нет, не черкешенка она“.

Софья Фед. Пушкина (1806—1862), рано лишившись отца, по смерти матери (в 1816 или 1817 г.), вместе со старшей сестрой Анной воспитывалась у Екат. Влад. Апраксиной, жены известного московского хлебосола Степ. Ст. Апраксина. Изящная Софья Федоровна считалась в числе первых красавиц московского светского общества. Пушкин познакомился с ней, вероятно, в доме

В. П. Зубкова в сентябре-октябре 1826 г. по приезде своем в Москву из Михайловского. „Я вижу раз ее в ложе, в другой на бале, в третий сватаюсь“, писал поэт Зубкову, мужу сестры Софьи Федоровны. Но сватовство это было неудачно: в самом начале 1827 г. Пушкина вышла замуж за Валер. Алдр. Панина.

Возможно, что к ней же относится стихотворение Пушкина „Зачем безвременную скуку“, но едва ли под „Ниной“ в „Зимней дороге“ можно разуметь Пушкину-Панину, как думает Б. А. Модзалевский („Пушкин и его современники“, вып. IV, стр. 105—106). См. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, т. III, ст. А. Ф. Кони „Первое сватовство Пушкина“ и ст. Н. О. Лернера „Пушкин в Москве после ссылки“ (стр. 344, где и указание на литературу). См. еще указ. изд., т. IV, стр. XI и XIII.

Вопрос о том, почему под „Ө. Т.“ заглавия стихотворения нужно разуметь Ф. А. Туманского, остается открытым, так как у Туманского нет такого стихотворения, на которое стихотворение Пушкина могло бы быть ответом. См. соч. Пушкина, изд. Брок.-Ефр., т. IV, стр. XIX—XX. Предположение Лонгинова, не нужно ли разуметь под „Ө. Т.“ Федора Тютчева, также неудачно, так как и у Тютчева нет соответствующего стихотворения.

В стихотворении „То Dawe esqr“ („Зачем твой дивный карандаш“), впервые напечатанном в „Северн. Цветах на 1829 г.“ (стр. 59), пятый стих напечатан „Рисуй О — й черты“. В издании стихотворений 1829 г., в посмертном и у Анненкова — „Рисуй *** черты“. Впервые полностью фамилия А. А. Олениной напечатана в изд. Исакова, под ред. Геннади, 1859 г. (т. I, стр. 377).

Стихотворение „Когда твои младые лета“ впервые напечатано под заглавием: „Къ **“ в „Литературной Газете“ 1830, № 13, стр. 101, а затем в „Стихотворениях А. Пушкина“, ч. III, 1832, стр. 22—23, без всякого заглавия. Также без заглавия стихотворение напечатано в изданиях: посмертном (т. III, 83), Анненкова (II, 488), изд. под ред. Геннади 1859 г. (I, 425) и 1870 г. (I, 384). Ефремов в изд. 1880 г. (II, 259) без каких-либо пояснений озаглавил „Къ А. П. К.“, но в изд. 1882 г. (II, 234) и 1887 (II, 198), как бы отказываясь от этого приурочивания, ставит в заглавии „Къ **“. Впервые полностью фамилия названа П. О. Морозовым в изд. Литерат. фонда 1887 г. (т. II, стр. 64), озаглавившим стихотворение „К А. П. Керн“, что и было принято всеми последующими редакторами, кончая В. Я. Брюсовым (в изд. Госиздата, стр. 298), несмотря на то, что в очень точных воспоминаниях самой А. П. Керн ничего не говорится о том, что стихотворение относится к ней. С другой стороны, Плетнев на вопрос (в 1849 г.) Я. Грота, „к кому относится стихотворение „Когда твои младые лета“, отвечал: „помнится, к жене Закревского, урожденной графине Толстой“ (см. переписка Грота с Плетневым, т. III, стр. 411 и 414). Имея в виду, конечно, показание Нащокина, П. И. Бартнев в рецензии на VIII т. собр. соч. Пушкина изд. Суворина, под ред. Ефремова, писал: „К гр. А. Ф. Закревской написаны и стихи: „Когда твои младые лета“, а не к А. П. Керн.“ („Русск. Арх.“, 1905, № 7, задн. обл.). Основываясь на словах Плетнева и приводя ряд других соображений, Н. О. Лернер в ст. „О послании Пушкина к А. Ф. Закревской“ в „Русск. Арх.“, 1911, № 4, стр. 641—642 (см. также его примечание в собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон т. V, стр. XXVII—XXVIII) доказывал, что стихотворение относится к лицу, названному Плетневым. Теперь, после того, как мы узнаём, что и Нащокин говорил то же, что и Плетнев, соображения Н. О. Лернера нужно признать

беспорными. Об отношениях, существовавших между Пушкиным и гр. За-
кревской говорится в „Воспоминаниях М. Ф. Каменской“ в „Истор. Вестн.“
1894, № 10, 54—55 (эти воспоминания Н. О. Лернером не использованы в
указанной статье).

Стихотворение „Мадонна“ Пушкин написал в альбоме Юр. Никит. Бар-
тенева в Москве 30 августа 1830 г. Этот текст опубликовал П. И. Бартенев
в „Русском Архиве“ 1863, стр. 862—863 (2-го издания), указав во вступитель-
ной заметке, что стихотворение „имеет некоторое отношение к тогдашним
обстоятельствам жизни поэта“, а Анненков в своем издании сочинений Пуш-
кина (II, 537), писал, что этим стихотворением Пушкин „пометил одно обстоя-
тельство своей жизни“. Определенное указание, что стихотворение относится
к Н. Н. Гончаровой, впервые сделал Ефремов в изд. соч. Пушкина 1882 г.
(т. II, стр. 419—420), что и было принято всеми редакторами, кроме В. Я.
Брюсова, указывающего: „к кому обращено, не выяснено; может быть, к Н. Н.
Гончаровой“ (соч. Пушкина, изд. Госиздата, стр. 320).

Стихотворение „Мадонна“ имеется еще в альбоме, принадлежавшем лицей-
скому товарищу Пушкина И. В. Малиновскому, который к тексту стихотворе-
ния сделал такую приписку: „на вызов мой утвердился ли он в вере. В Пе-
тербурге 1833 г.“. Кроме этой заметки, имеется еще такая: „а в 1862 г. удо-
стоверила мама, что это Соне“. Последняя приписка, надо полагать, сделана
кем-то из детей И. В. Малиновского и, следовательно, „мама“ это — жена (вто-
рая) И. В. Малиновского, Екатерина Федосеевна, рожд. Зинкевич. „Удостовере-
ние“ последней, что стихотворение Пушкина относится к „Соне“, весьма
странно. Кто эта Соня? На основании текста заметки естественнее всего пред-
положить, что „Соня“, это — дочь И. В. Малиновского. У него, действительно,
была дочь Софья (по мужу Штакеншнейдер), но она родилась 13 апреля 1852 г.,
т.-е. через двадцать два года после написания стихотворения. Опубликовав-
ший альбомный текст стихотворения и приведенные нами приписки к нему
В. В. Баранов утверждает, что „Соня“ это С. А. Самборская, бывшая заму-
жем за Малиновским. Очевидно, исследователь имеет в виду Софью Андреевну
Самборскую по мужу Малиновскую, но это *мать* товарища Пушкина Ив. Вас.
Малиновского (родилась 9 ноября 1772 г., ум. 9 февр. 1812 г.), и к ней также не
может относиться стихотворение Пушкина, как и к ее внучке. См. „Пушкин.
Сборник первый Пушкинской Комиссии Общ. Люб. Росс. Сл. под ред. Н. К.
Пиксанова“. М. 1924, стр. 220 и 280. На последней странице воспроизведены
мои замечания о приписке, приурочивающей стихотворение к „Соне“. Заме-
чания эти на заседании Пушкинской Комиссии 3 июня 1922 г. сделаны были
после доклада В. В. Баранова, естественно, без каких-либо справок. Из книги
Гастфрейнда „Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею“, т. III,
СПб. 1913, видно, что В. В. Баранов и я ошибались.

Наконец, кн. П. П. Вяземский в статье „А. С. Пушкин. По документам
Остафьевского архива и личным воспоминаниям“ (в кн. „Пушкин“. II, М.
1885, стр. 42) сообщает, что Пушкин говорил, что стихотворение „Мадонна“
сочинено им не для Гончаровой.

30. Стихотворение „Шалун, увенчанный Эратой и Венерой“, впер-
вые напечатанное в „Стихотворениях Пушкина“, изд. 1826 г. (стр. 147—148)
под заглавием: „Ш***ву“, под таким же заглавием перепечатывалось в изда-

ниях: 1829 г., ч. I (стр. 443), посмертном (III, 121) и Анненкова (II, 143), указавшего (в примеч. т. II, 155), как теперь оказывается, на основании слов кого-то из бывших у Погодина, что стихотворение относится к кн. П. И. Шаликову. Это неверное указание Анненкова повторил в своих изданиях 1859 г. (II, 143) и 1870 г. (I, 143) Геннадий, правда, в примечаниях (в „Приложениях“ Спб. 1860, стр. 25 и в изд. 1870 г., I, стр. XIX) выражавший недоумение по этому поводу. Ефремов в изд. 1880 г. (I, 162 и 526) первый указал ошибку Анненкова и стихотворение озаглавил: „А. А. Шишкову“, что и принято всеми последующими редакторами.

Стихотворение на кн. П. И. Шаликова, сообщенное Н. Н. Титовым Бартеневу, как пушкинское, в действительности сочинено Пушкиным вместе с Боратынским, о чем говорит опубликованная Н. О. Лернером (в газ. „Речь“, 1911, № 9, перепечатано в „Пушкин и его соврем.“, вып. XVI, стр. 50) запись в дневнике И. М. Снегирева под 15 мая 1827 г. „... к Погодину на завтрак, где я напел Пушкина... За столом Пушкин с Боратынским написали на Шал. след. по случаю рассказанного анекдота“ Далее Снегирев приводит текст эпиграммы, более исправный, чем в записи Бартенева.

Об упоминаемом Бартеневым учителе Рязанской гимназии Титове говорит в своих школьных воспоминаниях Я. П. Полонский в „Русской Школе“.

Стихотворение „Что восхитительней, живей“, озаглавлено в прижизненных собраниях стихотворений Пушкина и в посмертном (III, 123): „П***ну“. Впервые же стихотворение было напечатано в „Полярной Звезде на 1824 г.“ (стр. 234—235) под заглавием: „Отрывок из послания В. Л. П—ну“; под этим же заглавием оно напечатано (второй раз!) в посмертном изд. (т. IX, 451—452). Последнего не знали собравшиеся, в противном случае они не сделали бы ошибочного предположения, что стихотворение относится к И. И. Пущину, так как ясно, что „В. Л. П—нъ“ — Вас. Льв. Пушкин, дядя поэта.

Стихотворение „Прости, счастливый сын пиров“, напечатанное в прижизненных собраниях стихотворений Пушкина, в посмертном (III, 131) и у Анненкова (II, 253) под загл. „В***му“, в автографе названо: „Къ Всеволожскому“, как и указал Анненков, в примеч. (II, 264) назвав его „Послание къ Н. В. Все—му“. В списках стихотворение относили к Вяземскому, как первоначально было записано Бартеневым. См. „Библиогр. Записки“ 1858, стб. 339. См. еще письмо А. Я. Булгакова к брату от 22 янв. 1826 г., где речь идет, конечно, об этом стихотворении, а не о VII главе „Евг. Онег.“, как полагал старик Бартнев („Русск. Арх.“ 1901, № 7, стр. 347).

Стихотворение „Я ускользнул от Эскулапа“, напечатанное в прижизненных собраниях стихотворений Пушкина, в посмертном (III, 136) и у Анненкова (II, 255) под загл.: „N. N.“, Анненковым в примеч. (II, 264) названо: „Послание к Эн—ту“. Полностью фамилия — Энгельгардт — впервые названа Бартневым в его статье „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Гл. 3-я“ в „Моск. Вед.“, 1855, № 142 (от 22. XI) стр. 583. Хотя автографа стихотворения не сохранилось, но указание Нащокина, что стихотворение относится к какому-то гр. Самойлову, нужно считать ошибочным.

Стихотворение „К чему холодные сомненья“ в прижизненных изданиях Пушкина, в посмертном и у Анненкова печаталось под загл.: „Ч***ву“. Впервые полностью фамилия названа в изд. 1859 г. под ред. Геннадия (I, 219).

31. В стихотворении „В стране, где я забыл тревоги прежних лет“ последний стих в прижизненных изданиях Пушкина, в посмертном и у Анненкова напечатан так: „Гони ты *** отъ нашего порога“. В изд. соч. П. 1859 г. и 1870 г. под ред. Геннади — „Гони ты Шёп—га отъ нашего порога“ и только в изд. 1880 г. Ефремов напечатал полностью фамилию Шеппинга. Эта фамилия стоит в автографе Пушкина. О Шеппинге см. соч. Пушкина, изд. Акад. Наук, т. III, стр. 63—64 примечаний.

Стихотворение „Нельзя мой толстый Аристип“ в прижизненных изданиях Пушкина, в посмертном и у Анненкова напечатано под загл. „Д***у“. В изд. 1859 г. заглавие: „А. Л. Давыдову“, как стоит и в автографе.

В заметке Пушкина о типах Шекспира, в рукописи теперь неизвестной и впервые напечатанной в посмертном издании (т. XI, стр. 168—170), есть такое место: „В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст“. Так это место печатается во всех без исключения изданиях, и только Н. О. Лернер в примечании к стихотворению „А. Л. Давыдову“ в соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. III, стр. 510, указал, что „второй Фальстаф“ этой заметки Александр Львович Давыдов. Теперь это подтверждается свидетельством лиц, близких к Пушкину. См. еще здесь стр. 52 тетради. В имении Давыдовых Каменке (Киевской губ., Чигиринского уезда) Пушкин бывал в 1820—1821 гг. См. ст. Лободы в сборн. „Памяти Пушкина“ (Киевские „Университетские Известия“, 1899, № 5) и в соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. II. Об А. Л. Давыдове см. указанное примечание Лернера.

Стихотворение „Языков, кто тебе внушил“ при жизни Пушкина, в посмертном и у Анненкова названо: „Къ Яз***“ (в первом стихе печаталось: „Яз***, кто. .“), нов примечани и к стихотворению Анненков фамилию назвал полностью: „Н. М. Языкову“, в автографе — „Языкову“.

В стихотворении „Череп“ при жизни Пушкина, в посмертном и у Анненкова первый стих напечатан: „Прими сей череп, Д***, он“. Что стихотворение относится к бар. А. А. Дельвигу, что видно из автографа, впервые указал В. П. Гаевский в своей статье о Дельвиге в „Современнике“ 1853 г.; февр. (отд. III, стр. 58).

„Подражания Корану“ в изданиях 1829 г. и посмертном имеют подзаголовок: „Посвящено П. А. О.“, почему Бартенев и спрашивал у Погодина, кому они посвящены, не зная, что в издании стихотворений Пушкина 1826 г. значится: „Посвящено П. А. Осиповой“.

Об „Окончании Пророка“ см. здесь в примеч. к стр. 39 тетради.

Стихотворение „Собрание насекомых“ впервые было напечатано в альманахе „Подснежник“ на 1830 г. Здесь стихи 6—10 напечатаны в таком виде:

Вот *** божия коровка,
Вот *** злой паук,
Вот и *** Российский жук,
Вот *** тощая пивка,
Вот *** мелкая козявка.

Погодин в письме к Шевыреву (от 23 марта 1830 г.) передает своими словами эту эпиграмму так: „Пушкин поет твои куплеты и отпаливается эпиграм-

мами. Вот содержание одной: „у меня есть собрание насекомых, вот Гл. [т.-е. Глинка] божия коровка, вот Кач. [т.-е. Каченовский] злой паук, вот и Св. [т.-е. Свињин] Российский жук... Вот Р. [т.-е. Раич] гадкая козявка .. Смотрите они все под стеклами у меня торчат на острых эпиграммах“.

В „Литер. Газете“ в № 43 за 1830 г. эпиграмма была перепечатана с изменением в 9-м и 10-м стихах, которые здесь читаются:

Вот *** черная мурашка,

Вот *** мелкая букашка.

В таком же виде стихотворение было перепечатано и в посмертном издании.

На вопрос (в 1849 г.) Я. Грота, кого здесь нужно разуместь под звездочками, Плетнев написал: „Глинка (Фед.) — Божия коровка, Каченовский — злой паук, Свињин — рос. жук, Рюмин (Бестужев) — издавал какой-то журнал, Борька (Федоров, Борис) — мелкая букашка“ (переписка Я. Грота с П. Плетневым, т. III, стр. 401). Иначе звездочки раскрыты в „Библиогр. Записках“, 1858, стр. 345, где фамилии идут в таком порядке: „Г — а, Каченовский, Свињин, Т — в, Раич“. Наконец, в соч. Пушкина под ред. Геннади 1859 г. еще иначе: „Глинка, Каченовский, Свињин, Олин, Раич“. Последнее чтение принято всеми последующими редакторами. Таким образом, вместе с Бартевской записью мы имеем пять вариантов. Что первое место занимает Фед. Ник. Глинка, представляется несомненным, и поэтому у Бартевца тут ошибка. Второе и третье место во всех вариантах занимают Каченовский и Свињин. На четвертом месте во всех вариантах — по разному. Погудин эту строку пропустил. Считая, что Бартевец переставил Глинку на место Олина, получаем три фамилии, претендующие на это место — Бестужев-Рюмин, неизвестный Т — в (Ф. И. Тютчев?) и Олин. Наконец, на пятом месте в четырех вариантах — Раич, а у Плетнева — Федоров, поэтому определенно сказать, кого разумел Пушкин под „черной мурашкой“ и „мелкой букашкой“, пока нельзя. См. об этом примеч. Н. О. Лернера в соч. Пушкина изд. Брокг.-Ефр., т. V, стр. XIV—XVII.

32. О стихах из „Руслана и Людмилы“, написанных Пушкиным на стенах лицейского карцера, Бартевец в своей статье „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2. Лицей“ в „Московск. Ведом.“, 1854, № 119 (от 5. X), стр. 497, привел свидетельство не Мея, а другого бывшего лицеиста Унковского: „На стенах лицейского карцера долго оставались некоторые стихи „Руслана и Людмилы“. Калинин, учитель каллиграфии (он же и надзиратель) рассказывал, что однажды, вышедши из карцера, Пушкин говорил, что ему было там весело, что он писал стихи“.

Эпиграмма Пушкина на лицейского доктора Пешеля, текст которой не записал Бартевец со слов Мея, — „Завтра с свечкой грошевою“. Она не сохранилась ни в автографе, ни в авторитетных копиях и известна в двух редакциях — одна напечатана Анненковым в VII томе его издания соч. Пушкина (стр. 99), другая, более исправная — Гаевским в „Современнике“, 1863, № 7, стр. 151—152.

Эпиграмма „К Смирдину как ни зайдешь“ впервые была напечатана в „Библиограф. Записках“, 1858, стр. 370, в такой же редакции, как она записана Бартевцем со слов Мея. Свидетельство последнего лишний раз подтверждает, что эпиграмма принадлежит Пушкину, и что гр. В. А. Соло-

губу, приписывавшему в большей ее части себе, а Пушкину лишь последнюю строчку, в данном случае не приходится верить. См. примеч. Н. О. Лернера в соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. VI, стр. 498.

Т. Н. Грановский (1813—1855) студентом Петербургского Университета был слушателем П. А. Плетнева. Последний, имея обыкновение побуждать студентов к творчеству и поощрять их опыты в этом роде, обратил внимание на стихи Грановского и представил его Пушкину. 10 февраля 1835 г. Грановский писал сестре: „Меня только-что представили Пушкину с очень лестной для меня рекомендацией“. „Грановский и его переписка“, т. II, 1897, стр. 23. Беседа с Пушкиным, о которой рассказывал Бартеневу Грановский, была летом 1835 г., так как в феврале 1836 г. Грановский покинул Петербург. Слова Пушкина о Булгарине Бартенев дважды приводил в „Русском Архиве“ без указания источника. См. „Русск. Арх.“ 1884, № 2, стр. 466 и 1910, № 12, обл.

33. Эпиграмма на Неведомского, в автографе неизвестная, впервые была напечатана (без указания источника) Л. Н. Майковым в „Сборнике студентов С.-Петербургского университета“, 1857, т. I, стр. 350. Текст, сообщенный Майковым, лучше записанного Бартеневым:

Неведомский — поэт, неведомый никем,
Печатает стихи, неведомо зачем.

Ник. Вас. Неведомский в 1828 г. издал три поэмы: „Русский орел“, „Наполеон“ и „Энеида, комическая поэма“. Позднее его статьи о партизанской войне печатались в „Современнике“, но только не при Пушкине, а после его смерти, когда редактором был Плетнев. О Неведомском см. собр. соч. Белинского, под ред. Венгерова, т. IV, стр. 510—512 и примеч. Лернера в собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. V, стр. XIX—XX. См. еще характеристику Неведомского в письме Плетнева к Д. И. Коптеву от 4 ноября 1845 г. в „Русск. Арх.“, 1877, кн. III, стр. 368.

Указание Мея, что в Татьяне в высшем свете Пушкин изобразил гр. Нат. Виктор. Строганову, рожд. гр. Кочубей (1801—1855), подтверждается свидетельством Плетнева, о чем Гаевский писал: „Стихотворение „Измены“ относится к приезжавшей в Лицей гр. Н. В. Кочубей, бывшей впоследствии, но уже гораздо позже, за гр. А. Г. Строгановым. Она же, как говорил Пушкин П. А. Плетневу, описана в стихах 8 главы „Евгения Онегина“:

„К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал и т. д.,

которые А. П. Керн (по второму мужу Виноградская) в „Воспоминаниях о Пушкине“ („Библиотека для Чтения“, 1859, № 4, стр. 113) напрасно приняла на свой счет“ („Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения“ — „Современник“, 1863, № 7, отд. I, стр. 159).

В своих замечаниях на статью Гаевского бар. М. А. Корф писал: „Едва ли не она (а не Бакунина) была первым предметом любви Пушкина“ (см. „Пушкин и его соврем.“, вып. VIII, стр. 25). В одном рукописном сборнике лицейских стихотворений, опубликованном К. Я. Гротом (в „Журнале Минист. Нар. Просвещ.“, 1905, № 10, стр. 246), кроме стихотворения „Измены“, к гр. Н. В. Кочубей отнесено стихотворение „К Наташе“ („Вянет, вянет лето красно“).

Н. О. Лернер к ней же склонен относить слова „первая любовь“ в программе автобиографии Пушкина (см. „Донжуанский список“ в собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефрон, т. IV, стр. 92). Наконец, П. К. Губер (в статье „Пушкин и гр. Н. В. Кочубей“ — „Русское прошлое“ № 2 и в книге „Донжуанский список Пушкина“, Пгр. 1923) доказывает, что гр. Кочубей-Строганова внушила поэту „утаенную“ им любовь, что в „Донжуанском“ списке Пушкина под N. N. скрыта она, а не Мария Ник. Раевская-Волконская, и что ей же посвящена „Полтава“.

Кн. Ник. Алдр. Долгоруков (1811 (?) — 1873) учился в Царскосельском Лицейском пансионе, который окончил в 1829 г. Товарищем его по пансиону, а потом сослуживцем в канцелярии комитета министров, был Я. К. Грот, который в своей автобиографии пишет, что Долгоруков „был большой любитель иностранных литератур, имел прекрасную библиотеку и беспрестанно приносил с собой книжные новинки на французском, английском и итальянском языке“. Жил Долгоруков в Петербурге, в доме гр. Шереметевых (его мать была рожд. гр. Шереметева), и его хорошо знал гр. С. Д. Шереметев, так же, как и Грот, говорящий о любви кн. Долгорукова к литературе: „Он был человек образованный, много читавший и большой библиофил. Он собрал прекрасную библиотеку и говорил на семи языках, был большой чудак, но добрый человек“. Рукописным сборником стихотворений Пушкина, бывшим у князя Долгорукова, пользовался Геннади при издании сочинений Пушкина, но все четыре стихотворения, извлеченные из этого сборника, оказались не Пушкина. См. соч. Пушкина, изд. Исакова, 1870 г., под ред. Геннади, стр. XXXIV, XLIX, LI.

Женат был кн. Н. А. Долгоруков на Зинаиде Николаевне Шатиловой. О нем см. Я. Грот „Несколько данных к его биографии и характеристике“, Спб. 1895, стр. 18; „Русский Архив“, 1889, № 3, стр. 520; Селезнев „Исторический очерк Имп. Царскосельского Лицея“, стр. 49; Власьев „Потомство Рюрика“, т. I, ч. 3, стр. 149; „Петербургский Некрополь“.

О каких Мазуриных говорил Погодин, сказать трудно. Может быть, это — сыновья Алексея Алексеевича Мазурина: Николай (1798 — 1835), Федор (1800—1858), отец известного московского коллекционера-библиофила Федора Федоровича, собрание книг и рукописей которого в 1899 г. поступило в московский архив М. И. Д., Сергей (1802—1850), Василий (1805—1852), Павел (р. 1814) и Петр (р. 1822) (сообщено Н. П. Чулковым).

Стихотворение „Демон“ („В те дни, когда мне были новы“) при появлении своем в печати вызвало толки, что демон списан к живого лица. Лица, знавшие Пушкина и А. Н. Раевского, узнали последнего в демоне пушкинского стихотворения. Так, кн. С. Г. Волконский, тогда жених М. Н. Раевской, в письме к Пушкину от 18 окт. 1824 г. говорит об А. Н. Раевском, как прототипе демона. То же утверждал и А. Л. Давыдов (см. Яковлев „Отзывы о Пушкине с юга России“, Одесса, 1887, стр. 115—116). Пушкин даже намеревался напечатать заметку, опровергающую эти толки. В печати впервые стихотворение „Демон“ отнесено к Раевскому в собр. соч. Пушкина, изд. 1880 г., под редакцией Ефремова (I, 441).

34. О том, что первые стихи Пушкина, написанные им в детстве, были на французском языке, говорит в своих воспоминаниях сестра поэта Ольга

Сергеевна Павлищева (1797—1868). Этими воспоминаниями пользовался П. И. Бартенев при составлении своих статей „Род и детство Пушкина“ в „Отеч. Зап.“, 1853, № 11, стр. 17—18 II отд., и „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава I. Детство“ в „Московск. Вед.“, 1854, № 71 (от 15. VI), стр. 292. О поэме „La Toliade“, написанной в детстве, говорится в этих воспоминаниях. Воспоминания Павлищевой были и у Анненкова, использовавшего их в своих „Материалах для биографии Пушкина“ 1855 г.

После смерти Н. Н. Раевского 16 сент. 1829 г. вдова его С. А. Раевская (дочь Алексея Алексеев. Константинова и Елены Мих. Ломоносовой, дочери великого Ломоносова) обратилась к Пушкину с просьбой помочь ей выхлопотать пенсию. Пушкин написал 18 янв. 1830 г. письмо Бенкендорфу, в котором, указывая на бедственное положение семьи Раевского, ходатайствовал о том, чтобы полное жалованье покойного было обращено в пенсию вдове, а после ее смерти дочерям. Ответ Бенкендорфа неизвестен. Заметку Соболевского: „не сам“, нужно, очевидно, понимать в том смысле, что Пушкин не непосредственно обратился с просьбой к государю. О пенсии матери писал и Н. Н. Раевский-младший Дибичу. См. „Архив Раевских“, т. II, стр. 5—6.

О каком офицере, выпустившем из-под надзора кн. Оболенского (очевидно, декабриста кн. Е. П. Оболенского) и за это разжалованном в солдаты, говорится в записи Бартенева, неизвестно. Пушкин в своем „Путешествии в Арзерум“ упоминает о шести лицах, прикосновенных к делу декабристов, с которыми он общался во время своей поездки в 1829 г. За одного из них, сотника В. Д. Сухорукова, Пушкин действительно хлопотал, но неудачно, и история его (как и всех других) не схожа с тем, что записано у Бартенева. О Сухорукове см. Вейденбаум „Кавказские знакомцы Пушкина“ в изд. „Пушкин и его совр.“, в. VIII; см. еще его же примечания и объяснения к „Путешествию в Арзерум“ в кн. „Кавказская поминка о Пушкине“, изд. ред. газ. „Кавказ“, Тифлис, 1899 г. и „Декабристы на Кавказе“ в „Русск. Стар.“ 1906, № 6.

Из этой записи об отношениях Пушкина к царскому семейству Бартенев ничего не печатал в „Русск. Арх.“, ограничившись однажды лишь замечанием, что „Пушкин высоко ценил и любил в. к. Михаила Павловича“ („Р. А.“, 1873, I, стб. 0425). Имя Михаила Павловича встречается несколько раз в дневнике Пушкина (См. „Дневник Пушкина“ под ред. Б. Л. Модзалевского 1923 г., по указателю). В книге А. Петрушевского „Генералиссимус князь Суворов“ т. III, Спб. 1884, стр. 427, имеется такое любопытное замечание: „По удостоверению редактора-издателя исторического сборника „Русский Архив“ П. И. Бартенева, существовала записка А. С. Пушкина, написанная им по поручению покойного в. к. Михаила Павловича и излагавшая факт личного оскорбления Суворова генералом Нащокиным. Записка эта была составлена нашим великим поэтом со слов его друга Нащокина-сына и должна была находиться в бумагах в. к. Были приняты две различные дороги к отысканию записки, но обе они привели к полной неудаче: записка, если существовала, то пропала“.

Артикул — военно-уголовный кодекс, изданный при Петре I 26 апр. 1715 г. и формально действовавший до издания в 1839 г. военно-уголовного устава.

Об отношении Пушкина к императрице Александре Федоровне см. прим. к стр. 61.

35. Рассказ Нащокина об аудиенции у Николая I 8 сентября 1826 г. пополняет наши довольно скудные сведения об этом. В письме к Осиповой (от 16 сентября 1826 г., а не 15, как описался Пушкин), о своем свидании с государем поэт ограничился одной фразой: „Император принял меня самым любезным образом“ („L'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable“). Почти столь же кратко сообщение об этом в письме Дельвига к той же Осиповой: „Александр был представлен, говорил более часу, и осыпан милостивым вниманием“, вот что мне пишут видевшие его в Москве“ (Верховский „Барон Дельвиг“, 1922, стр. 32). Не больше этого узнаем и из письма кн. Вяземского к А. И. Тургеневу и Жуковскому (от 29 сент. 1826 г.): „Пушкин здесь и на свободе, пишет Вяземский, . . . Государь посылал за ним фельдъегеря в деревню, принял его у себя в кабинете, говорил с ним умно и ласково и поздравил его с волею . . . Государь обещался сам быть его цензором“ (Архив бр. Тургеневых, в. 6, Пгр. 1921, стр. 42). М. М. Попов в своей статье о Пушкине сообщает, что во время аудиенции поэт, „ободренный снисходительностью государя, делался более и более свободен в разговоре; наконец, дошло до того, что он, незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: „С поэтом нельзя быть милостивым“ („Русск. Стар.“ 1874, № 8, 691).

Вероятно, дело происходило не так, как рассказывает Попов, а так, как передавал Нащокин Бартеневу: Николаю Павловичу могло не понравиться уже и то, что Пушкин, разговаривая с ним, грел у каминя ноги.

Некоторые подробности самого разговора записаны со слов Пушкина А. Г. Хомутовой. См. „Р. Арх.“ 1867, стб. 1068. Затем, несомненно хорошо осведомленный в данном случае, Ф. Ф. Вигель в своих „Записках“ сообщает интересные сведения, о чем беседовал Николай с Пушкиным. См. „Записки Ф. Ф. Вигеля“, М. 1892, ч. VII, стр. 111 — 112. Наконец, М. А. Корф в свои „Записки“ занес рассказ самого Николая (в 1848 г.) об этом свидании с Пушкиным. См. „Русская Старина“ 1899, № 8, стр. 310 и там же, 1900 г., № 3, стр. 574. См. еще рассказ А. О. Россет в кн. Я. Грота „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“, Спб. 1899, стр. 288. На просьбу Бартенева к кн. В. Ф. Вяземской сообщить, что ей рассказывал Пушкин о своем разговоре с государем, княгиня отвечала, что помнит только заключительные слова: „Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин“ (См. „Русск. Арх.“ 1888, № 7, стр. 307). См. еще К. Полевой „Записки“, Спб. 1888, стр. 201.

37. На обороте письма П. В. Нащокина от второй половины апреля 1834 г. (№ 794 в акад. изд.; о датировке этого письма см. ж. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 316 — 317) рукой Пушкина записаны первые восемь строк стихотворения И. П. Мятлева „Восторг“ (См. полн. собр. соч. И. П. Мятлева, изд. Д. Федорова, т. I, Спб. 1857, стр. 101). В акад. изд. переписки Пушкина запись стихов не напечатана (она напечатана в „Русск. Арх.“ 1904, № 11, стр. 450, где впервые было напечатано письмо Нащокина).

С автором „Курдюковой“ Пушкин был в приятельских отношениях. 18 мая этого же (1834) года Мятлев приглашал к себе на обед Пушкина, обещая прочесть ему новые свои стихотворения, которые Вяземский называл „стихи на матерный манер“. Возможно, что на этом обеде (или на другом 28 мая, на который звал Пушкина Вяземский) и читались эти стихи, так понравившиеся

Пушкину и приобретшие впоследствии огромную популярность. О Мятлеве и его отношениях к Пушкину см. в кн. „Дневник Пушкина“ под ред. Б. Л. Модзалевского, стр. 70 — 72 и в кн. „Дневник Пушкина“, М. 1923, прим. В. Ф. Саводника, стр. 211 — 216.

О любви Пушкина к домоседству в 1830-х годах писал Анненков со слов Нащокина: „В Москве останавливался он в это время, большею частью, у одного из самых коротких ему людей П. В. Н.... на. Чрезвычайно любопытны рассказы последнего об образе жизни поэта нашего во время его приездов в Москву в последние годы его холостой жизни и во всё время женатой. Из слов П. В. Н.... на можно видеть, как изменились привычки Пушкина; как страсть к светским развлечениям, к разноречивому говору многолюдства, смягчилась в нем потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкин казался домоседом. Целые дни проводил он в кругу домашних своего друга, на диване, с трубкой во рту и прислушиваясь к простому разговору, в котором дела хозяйственного быта стояли часто на первом плане. Надобны были даже усилия со стороны заботливого друга его, чтоб заставить Пушкина не прерывать своих знакомств, не скрываться от общества и выезжать. Пушкин следовал советам П. В. Н.... на нехотя, так уже нужда отдохновения начинала превозмогать все другие склонности“ („Материалы для биографии Пушкина“, изд. 1855 г., стр. 216).

Об этом же вспоминала В. А. Нащокина: „Я, как сейчас, помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате, на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, а по обеим сторонам мой муж и Пушкин в своем красном архакуе с зелеными клеточками“ (Илл. прил. к „Нов. Вр.“, 1898, № 8115, стр. 6).

38. Родственница Нащокина, над которой Пушкин любил подшучивать, по словам В. А. Нащокиной — „княжна Г., обдая „кузина“ (как ее все называли), дурнушка, недалекая старая дева, воображавшая, что она неотразима“. О шутках над ней Пушкина рассказывала Нащокина в 1898 г. (указ. соч., № 8122, стр. 7).

39. Рассказы о том, что Пушкин осенью 1826 г. привез из Михайловского в Москву какие-то противоразительные стихи, уже не раз появлялись в печати. Впервые об этом пишет М. И. Семевский в 1866 году: „...в тогдашнем обществе, принимавшем живейшее участие в судьбе своего любимца, ходили о Пушкине и о разговоре его с государем самые разноречивые, самые нелепые толки. Так, например, уверяли, будто бы государь в разговоре с Пушкиным пожелал узнать, нет ли при нем какого-нибудь нового стихотворения. Тот, будто бы, вынул из сюртука несколько бумаг, впопыхах захваченных им при отъезде из Михайловского, перерыл их, но никакого нового стихотворения не нашел. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин вдруг заметил на ступеньке лоскуток бумажки: подымает его и с ужасом, будто бы, узнает в нем собственноручное небольшое стихотворение к друзьям, сосланным в Сибирь. Он стал вспоминать, как оно попало сюда и, наконец, вспомнил, что, подымаясь по той же лестнице, вынимал из кармана платок, при чем, будто бы, и вывалился этот лоскуток бумажки, который мог наделать ему больших хлопот. Придя в гостиницу, Пушкин немедленно сжег это (?) стихотворение“.

„Вот один из рассказов того времени, который ходил в обществе и донныне передается многими из знакомых Александра Сергеевича; мы, разумеется, убеждены, что это не более, как басня, хотя и довольно характеристичная. Некоторые дамы уверяют, однако, что слышали это от самого Пушкина, при чем Пушкин, будто бы, упоминал о той смелости и спокойствии, с какими он говорил с государем“.

„На это я только одно скажу, скептически заметил мне Вульф, когда я передал ему приведенное повествование: одно скажу, что в Пушкине был грешок похвастать в разговорах с дамами. Перед ними он зачастую любил порисоваться; так, быть может, и в этом деле, из желания порисоваться перед прелестными слушательницами, Пушкин поприбавил такие о себе подробности, какие разве были в одном его воображении“ (М. И. Семевский „Прогулка в Тригорское“ — „С.-Петербургские Ведомости“, 1866 г., № 163).

Убеждение Семевского, что передаваемый им рассказ — „не более, как басня“, в сущности ни на чем не основано, так как замечание А. Н. Вульфа, что „в Пушкине был грешок похвастать в разговорах с дамами“, не касается существа дела, которого Вульф и не знал, не бывши в Москве в 1826 году. К счастью, кроме „некоторых дам“, об этом эпизоде мы имеем показание прежде всего приятеля Пушкина С. А. Соболевского. М. П. Погодин в своей газете „Русский“ за 1867 г. (лист 7 и 8, стр. 112) поместил письмо к себе С. А. Соболевского, в этом году осматривавшего квартиру, в которой он жил с Пушкиным в 1826 — 1827 гг. Вот что пишет Соболевский: „Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ержаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. *Вот где он выронил (к счастью, что не в кабинете императора) свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, пока оно не нашлось*“!!! (курсив мой М. Ц.).

Итак, несомненно осенью 1826 г. Пушкиным было привезено в Москву какое-то „стихотворение на 14 декабря“, потерянное было поэтом в квартире Соболевского и там же найденное.

В биографическом очерке „Пушкин“, составленном под редакцией П. А. Ефремова и напечатанном в „Русской Старине“ 1880 г., явн., изложению приведенного нами сообщения М. И. Семевского предпослано такое замечание: „О подробностях представления Пушкина императору Николаю Павловичу существует множество рассказов, не особенно разноречивых, но довольно сомнительной правдивости“. Затем, пересказав сообщенную Семевским версию, автор пишет:

„Этот рассказ, ходивший тогда в кружке знакомых Пушкина, повторял впоследствии и близкий приятель Пушкина С. А. Соболевский, но повторял с некоторыми только вариантами. По его словам, потеря листка с стихами сделана; листок отыскался не во дворце, а в собственной квартире Соболевского, куда Пушкин приехал из дворца; самый листок заключал „Пророка“, с первоначальным, впоследствии измененным, текстом последней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи
Позорной ризой облекись,
Иди — и съ вервѣмъ на выи и пр....“ (ук. соч., стр. 133).

Приведенные строки вызвали заметку А. П. Пятковского, напечатанную в той же „Русской Старине“ (1880, март, стр. 673 — 675). Последний справедливо указывал, что нет оснований считать приведенные рассказы „сомнительной правдивости“. „Что Соболевский не выдумал этого факта, писал Пятковский, — я могу лично подтвердить тем, что подобный же рассказ я слышал от покойного Алексея Владимировича Веневитинова (родного брата известного поэта Дм. Влад. Веневитинова), который до преклонных лет отличался замечательною памятью и в особенности твердо помнил все то, что относилось к поре его молодости. А. В. Веневитинов рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельдъегерем, положил себе в карман стихотворение „Пророк“, которое в первоначальном виде оканчивалось следующей строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вокруг смиренной выи
Къ царю явись!

(Последние два стиха составляют изменение и дополнение приведенного в „Русской Старине“ варианта). Являясь в Кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем, вручить Николаю Павловичу на прощанье это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца „Евгения Онегина“, и благосклонный прием государя заставил Пушкина позабыть о своем прежнем намерении. Поэтическое оружие, захваченное им для самозащиты, так и осталось в его кармане“.

Кроме Соболевского и А. В. Веневитинова, об этом же рассказывает в своих воспоминаниях о Пушкине и С. П. Шевырев:

„Во время коронации государь послал за Пушкиным нарочного курьера (обо всем этом сам Пушкин рассказывал) везти его немедленно в Москву. Пушкин перед тем писал какое-то сочинение в возмутительном духе, и теперь, воображая, что его везут не на добро, доробой обдумывал это сочинение; а между тем известно, какой прием сделал ему император; тотчас после этого Пушкин уничтожил свое возмутительное сочинение и более не поминал о нем“ (Л. Майков, „Пушкин“, стр. 329).

Теперь к этим показаниям присоединяется краткий рассказ П. В. Нащокина о том, что Пушкин уничтожил какие-то стихи о 14 декабря, а на стр. 31 тетради Бартенева находим то же окончание „Пророка“, которое приводили Соболевский и Веневитинов, с указанием, что записано оно со слов М. П. Погодина, и что „то же сообщал и Хомяков“. Запись Бартенева отличается от текста и Соболевского и Веневитинова. Третья строчка — „Иди и с вервием вокруг шеи“ — явно неудовлетворительна, что и отмечено, судя по почерку, кажется, С. А. Соболевским, предложившим, вместо слова „шеи“ — „выи“. Как должна читаться четвертая строка, остается неизвестным, но во всяком случае не так, как читается в заметке Пятковского — „Къ царю явись!“, где точками (при чем точка не соответствует букве слова) скрыто какое-то очевидно нецензурное по тому времени. слово Что-то очень оскорбительное для Николая I заключают в себе и слова, начинающиеся на „у“ и „г“,

в записи Бартенева, если он их не решился записать даже в своей тетради. Не назвал ли Пушкин Николая I за казнь пяти декабристов „убийцей гнусным“?

Вопрос о происхождении „Окончания „Пророка““ подробно обследован Н. О. Лернером в примечании к стихотворению „Пророк“ в собр. соч. Пушкина, изд. Брок.-Ефр. (т. IV, стр. I—IV) (повторено в изд. „Пушкин и его совр.“, в XIII). Подвергнув анализу приведенные и нами рассказы Соболевского, Веневитинова и Шевырева, а также и высказанные по поводу этих рассказов мнения Ефремова, Морозова, Спасовича, Черняева, Сумцова, Стоюнина и Сиповского, Лернер приходит к выводу, что „В общей достоверности показания трех современников Пушкина, один из которых прямо ссылается на слова поэта, мы не имеем права сомневаться, — противопоставить их рассказам нечего“. Теперь, когда мы имеем свидетельства не трех, а шести современников—Соболевского, Веневитинова, Шевырева, Погодина, Хомякова и Нащокина, бывших в тесном общении с поэтом в Москве осенью и зимой 1826 г., тем большую силу получает этот вывод. „Остается без ответа, продолжает Лернер, за неимением никаких документальных данных, которые одни могут иметь здесь решающее значение, удачно формулированный Сумцовым вопрос об отношении четверостишия „Восстань...“ к „Пророку“. Быть может, это были две различные пьесы, между которыми единственная общая черта — образ пророка, и именно эта общность могла слить в памяти лиц, сообщениями которых мы пользуемся, обе пьесы в одно целое, расчлененное потом самим художником. Возможно, что из одних и тех же образов вышли и гордый пророк, преображенный десницей серафима и послушный лишь высшей воле, и смиренный пророк с веревкой на шее и в ризе, позора. Во всяком случае ясно, что было какое-то „возмутительное сочинение“ Пушкина о пророке и что оно вполне сложилось в душе поэта в начале сентября 1826 г.“

Подтверждая этот вывод, запись Бартенева тем не менее оставляет вопрос о том, какое отношение имеет четверостишие „Восстань“ к стихотворению „Пророк“, открытым.

О разговоре Николая I с Пушкиным см. прим. к стр. 35 тетради.

40. Получив от Нащокина письма к нему Пушкина, Бартенева счел своим долгом послать их (в копиях?) Погодину, как лицу, которому он был обязан своим знакомством с Нащокиным. 12 октября 1851 г. Бартенева писал Погодину: „Из писем Пушкина, сообщенных мне Нащокиным, несмотря на весь интерес их, к сожалению, кажется, почти ничего не может пойти в печать. Посылаю вам их для пополнения вашего собрания“ (Барсуков, Жизнь и труды Погодина, кн. XI, стр. 313). Тем не менее Погодин с обычной для него бесцеремонностью, не просив разрешения Нащокина, напечатал отрывки из 18 писем Пушкина к Нащокину в № 23 (декабрь) „Москвитянина“ за 1851 г. Узнав об этом, встревоженный Бартенева довольно наивно писал Погодину: „Если последний номер „Москвитянина“ еще не роздан, то надо вырвать письма Пушкина, потому что там я встретил сегодня величайшие небрежности и многое, что печатать нельзя“ (ibidem). С своей стороны, Нащокин, узнав о проделке Погодина, написал ему большое укоризненное письмо, в котором, между прочим, говорил: „Память Пушкина мне дорога не по знаменитости его в литературном мире, а по тесной дружбе, которая нас тесно связывала, и потому письма его, писанные ко мне с небрежностью, но со всею откровенностью дружбы, драго-

ценны мне, а в литературном отношении ценности никакой не имеют, но еще могут служить памяти его укоризною. Я не знаю, что вы из них напечатали и как они напечатаны: ибо мне страшно, и теперь боюсь заглянуть в книгу. . . Меня многие знают, и эти многие знают только то, что я человек семейный и в весьма затруднительном положении, и легко могут подумать, а скажут непременно, что я их продал, и до того был доведен крайностью своих обстоятельств. Вам известны мои крайние обстоятельства и как давно я терплю нужду, но мне никогда и в голову не приходило драгоценную для меня память Пушкина продавать за деньги, а всякий вправе так предположить, ибо журнал, в котором они напечатаны, не раздается даром, а продается за деньги“ (Барсуков „Жизнь и труды Погодина“, кн. XI, стр. 313, 314).

Все полученные от Нащокина двадцать четыре письма к нему Пушкина Бартенев напечатал (полностью) с разрешения вдовы П. В. Нащокина в своем сборнике „Деятнадцатый век“, кн. I, М. 1872 (См. здесь стр. 59). Еще одно письмо Пушкина, не дошедшее до Нащокина, напечатал М. Н. Лонгинов в „Русском Архиве“, 1869, стб. 1066 — 1067, а затем А. Ф. Бычков в „Русской Старине“, 1880, № 8, стр. 806 — 807.

О каких полученных от Нащокина „драгоценных письмах, касающихся последних дней поэта“ говорит Бартенев, нам неизвестно. Едва ли это письма и бумаги о поединке и смерти Пушкина, бывшие у Бартенева и опубликованные нами в кн. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина Б. А. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского“. Пгр. 1924, стр. 77 — 118.

В небрежном хранении писем Пушкина признавалась В. А. Нащокина и в 1898 г. Некто И. Р., записавший ее воспоминания, так передает об этом: „Вера Александровна с сердечным сокрушением вспоминала, как небрежно относилась она к письмам поэта при его жизни. Она сама один раз застала своего лакея обертывающим свечи изорванным письмом Пушкина. Уцелевшие письма поэта к ней [таковых не опубликовано, да, вероятно, и не было. М. Ц.] и ее мужу (числом около 30) [24. М. Ц.] она передала П. И. Бартеневу, который и напечатал их в своем журнале „Русский Архив“ [не в „Русск. Арх.“, а в „Деят. в.“ М. Ц.]

Какое сообщение „в одном журнале“ о продаже кем-то письма Пушкина к Нащокину за 50 р. и опубликование содержания этого письма имела в виду Нащокина, мы не знаем, но весьма возможно, что в каком-нибудь журнале или газете второй половины 1840-х годов и скрывается до сих пор „неоткрытое“ письмо Пушкина. Печата в 1872 г. в „Деятнадцатом веке“, кн. I, письма Пушкина к Нащокину, Бартенев писал: „Нащокин сообщал нам, что у него было еще два письма Пушкина, которых он лишился следующим образом. Был в Москве некто К. . . [Н. А. Кашиицов. М. Ц.], родственник известного Леонтия Васильевича Дупельта. Он получил через последнего должность в Москве, состоявшую в том, чтобы частным образом следить за литературою. Он-то выпросил у Нащокина на один день для прочтения с семейством своим письма Пушкина и два из них удержал. В одном из них Пушкин извещает, что государь пожаловал ему 5000 рублей годового жалованья, pour faire jouer ma marmite (чтоб подложить дров под мой котелок); больше он дать не мог, ибо это превышало бы и генеральский оклад“ (указ. кн., стр. 402). Агент III Отделения Ник. Андр. Кашиицов промышлял, кроме своего прямого занятия—шпионства, и литературой и, конечно, присваивал себе письма Пушкина не для того, чтобы,

подобно нащокинскому лакею, заворачивать в них свечи. Вероятно, его публикацию и имела в виду Нащокина. О Ник. Андр. Кашинцове см. в кн. Полякова „О смерти Пушкина“, Пгр., 1922, стр. 93 — 99.

Стихотворение Пушкина „Вы избалованы природой“ впервые было напечатано в „Галатее“ 1829 г., № 5 под заглавием „В Альбом (Е. Н. У... вой)“; затем под таким же заглавием в „Стихотворениях“ Пушкина изд. 1829 г., ч. II; в посмерт. изд. (т. III, стр. 168) заглавие—Е. Н. У***вой; не раскрыл инициалов и Анненков (соч. Пушкина, т. II, стр. 490); Геннади в обоих изданиях соч. Пушкина (1859 г. и 1870 г.) озаглавил — Е. Н. Ушаковой, а Ефремов в изд. 1880 г. и 1882 г. — Екат. Никол. Ушаковой, также и в изд. Литер. фонда. В статье Л. Майкова „Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых“ (в „Русском Обозрении“, 1895, № 9) на основании свидетельства Н. С. Киселева (сына Елиз. Ник. Киселевой-Ушаковой) стихотворение отнесено к Елизавете Николаевне, что и было принято всеми редакторами последующих изданий. Таким образом, указание Нащокина, хотя и подтвержденное Соболевским, нужно считать ошибочным. Так как Пушкин писал стихи обеим сестрам и Екатерине, и Елизавете Ник. Ушаковым, то, конечно, легко было спутать, какие к кому относятся.

Екатерина Никол. Ушакова (1809 — 1872) вышла замуж за Дм. Мих. Наумова. Об Ушаковых см. в указанной статье Майкова в его книге „Пушкин“, Спб. 1899. Об отношениях, существовавших между ней и Пушкиным, Бартевым был записан (к сожалению, неизвестно, с чьих слов) интересный рассказ. См. „Русск. Арх.“, 1912, № 10, стр. 300 — 301.

41. Как видно из переписки Пушкина с Нащокиным, последний принимал самое близкое участие в постоянно запутанных денежных делах поэта. Павел Воинович несколько раз сужал поэта деньгами, и Пушкин умер, оставшись ему должен 3000 рублей. См. письма об этом долге Н. Н. Пушкиной к Павлу Воиновичу (ж. „Искусство“, 1923, № 1, стр. 327 — 328) и к гр. Г. А. Строганову („Пушкин и его современники“, в. XIII, стр. 131 — 132).

Как человек большого ума и житейской опытности, Нащокин пользовался исключительным авторитетом в московском обществе. Н. И. Куликов в своих воспоминаниях пишет: „Многие лица из московского общества: мужья и жены, родители и дети или братья, споря об именах, деля наследства, утомленные семейными раздорами, не доведя дело до процессов, но зная и уважая Павла Воиновича, обращались по взаимному соглашению к его третейскому суду... и он, выслушав внимательно обе спорящие стороны, так умно и справедливо решал дело, что они, охотно следуя его приговору, мирились“ („Русская Старина“, 1881, № 8, стр. 600).

42. Влад. Ник. Спечинский (а не Специнский, как пишет Бартев) подполковник в 1843 г., сын премьер-майора Николая Никитича (ум. в 1790 годах) от брака его с кн. Анной Ник. Долгоруковой (ум. в 1815 г.). Влад. Ник. Спечинский был дважды женат: на Анне Фед. Гурьевой (ум. в 1836 г.) и Ал-дре Павл. Н. (Этими сведениями мы обязаны Н. П. Чулкову). Вероятно, от этого же Спечинского Пушкиным записан анекдот о Потемкине и его адъютанте Спечинском (см. „Table Talk“, № VII в собр. соч. Пушкина, изд. „Просвещение“, т. VII, стр. 57 — 58).

О князе Дадьяне нам ничего неизвестно.

Спичинский рассказывал о Булгарине у Нащокина в присутствии Пушкина, вероятно, в апреле 1830 г., так как в начале мая этого года Пушкин писал Плетневу: „Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это“ (акад. изд. переп. Пушкина, т. II, стр. 147). Рассказ Спичинского изложен Нащокиным в письме к известному библиографу С. Д. Полторацкому, опубликованном Бартеиевым в „Русском Архиве“, 1884, № 6. Здесь Нащокин пишет: „В то время, когда Булгарин надоедал Пушкину своими критическими замечаниями в разных журналах, тогда весьма незначительное, по видимому, обстоятельство породило статью Косичкина. У меня были гости, князь Д. Дадиан и полковник Д. М. Спичинский. Разговор был о Пушкине. Спичинский упомянул о Булгарине, которого он очень хорошо знал, но не в том виде, как мы и все его знают. Знал он его в Ревеле разжалованным в солдаты, и по знанию грамоте находившегося не во фронте, а в канцелярии, где он не столько писал, сколько пил или, как говорится, предавался запою. В этом виде он выходил на городской бульвар, где с опухлой, безобразной рожей протягивал гуляющим руку, прося милостыни, хотя неодинаково с прочими, но в вычурных литературных оборотах и часто в стихах, как-то: „кто бедным милости творит“ и проч., и проч. Иногда по три, по четыре недели и более запои Булгаринские прекращались, и в это время он искал хорошего знакомства или поддерживал прежние свои связи. В это-то время он часто посещал человека Гришку, бывшего в должности камердинера у полковника Спичинского, что барину весьма не нравилось, и он говорил, чтобы Гришка бросил с ним водиться, а то что-нибудь и когда-нибудь Булгарин ему да напакостит, что и случилось. В одно прекрасное утро друг Фаддея Венедиктовича явился к барину и бух ему прямо в ноги. Булгарин, дескать, украл у меня шинель, которая уже находилась у целовальника в кабаке. — Говорил я тебе! Вот тебе и Булгарин, и если вперед узнаю, что ты ведешь с ним знакомство. . . Тут последовали обыкновенные угрозы в подобных случаях.

Это же самое рассказывал Спичинский и в присутствии Пушкина, который помирал со смеху, смеясь своим звонким смехом, потому что я не преминул доставить Пушкину оказию выслушать этот рассказ лично из уст самого г-на Спичинского. В эту-то минуту возродилась мысль помянуть о украденной шинели в оглавлении того романа, о издании которого г-н Косичкин извещал публику“ (указ. изд., стр. 352 — 353).

Действительно, в конце своей статьи, подписанной „Ф. Косичкин“ и напечатанной в сентябре 1831 г. в „Телескопе“ (№ 15), „Несколько слов о жизни г. Булгарина и о прочем“ Пушкин поместил „содержание“ „историко-нравственно-сатирического романа XIX века“, начинающееся так: Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной кануре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство“.

„Известно было впоследствии, писал Нащокин Полторацкому, что Булгарин, прочтя оное оглавление в „Телескопе“, вынужден был пустить себе кровь. Он очень, верно, удивлялся, откуда Косичкин мог иметь сведения о поклаже шинели — случай в тогдешнее его время очень обыкновенный, а в эпоху литературного его значения вовсе им забытый. Он даже до сих пор, вероятно, тому же

удивляется; а дело, как теперь тебе известно из моих слов, очень просто и очень ясно“ (ibid., стр. 353).

Трудно сказать, о каком задуманном романе говорил Пушкин Нащокину, собираясь „за пояс заткнуть Вальтер-Скотта“. Это могли быть „Капитанская Дочка“ (1831 — 1836) или „Русский Пелаг“ (1835 г.). Сообщение Соболевского о высокой оценке Пушкиным романа А. Манцони „I Promessi Sposi, storia milanese del secolo XVII“ подтверждается свидетельством А. П. Керн, в 1864 г. вспоминавшей: „Еще я помню (это было во время моего пребывания в одном доме с бар. Дельвигом): тогда только что вышел во французском переводе роман Манцони „I promessi sposi“ („Les fiancés“); он говорил о них: „Je n'ai jamais lu rien de plus joli“ („Я никогда не читал ничего более прелестного“) („Пушкин и его совр.“, в. V, стр. 156). В одном доме с бар. Дельвигом А. П. Керн жила зиму 1828 — 1829 г. Роман Манцони „Обрученные“, самое замечательное его произведение, впервые во французском переводе появился, действительно, в 1828 г. (в двух изданиях, одно — Les Fiancés. Trad. par M. Rey — Dussueil. Paris, Ch. Gosselin, 1828, 5 vol.. другое — Les Fiancés. Trad. par. M. G [osselin]. Paris, Douthierian, 1828, 5 vol). Русский перевод романа, сделанный Н. И. Павлицевым, мужем сестры Пушкина, печатался в „Литературной Газете“ Дельвига за 1831 г. (См. Гаевский „Дельвиг“ — „Современник“, 1853, май отд. III, стр. 49; „Пушкин и его совр.“, в. XV, стр. 46, 53 и 55).

Замечание Соболевского было напечатано Бартевым в примечании к письму Жуковского к И. И. Козлову, где говорится о знакомстве Жуковского с Манцони. См. „Русск. Арх.“ 1867, стб. 839.

43. Рассказ о сумасшедшей родственнице Пушкина Бартев напечатал в своей статье „Род и детство Пушкина в „Отечеств. Зап.“ 1853, № 11, стр. 19 (II отдела), а затем в ст. „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии, Гл. I. Детство“ в „Моск. Вед.“, 1854, № 71 (от 15. VI), стр. 292, где указано, что рассказ сообщен П. В. Нащокиным.

44. Рассказ о младшем брате Пушкина Николае помещен Бартевым в его ст. „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Гл. I. Детство“ в „Моск. Вед.“, 1854, № 71 (от 15. VI), стр. 291, где указано, что Пушкин рассказывал об этом одному из приятелей. Этот же рассказ, вероятно, тоже со слов Нащокина, поместил в своих „Материалах для биографии Пушкина“ и Аннеков (стр. 167 изд. 1855 г.).

Ссылаясь Бартева на „рассказ Шевырева“ указывает на то, что воспоминания Шевырева о Пушкине (в рукописи) были у Бартева уже в это время. См. в сб. Майкова „Пушкин“ ст. „Воспоминания Шевырева о Пушкине“ стр. 324, где упоминается этот брат Пушкина.

44—48. В литературе о Пушкине до сих пор ничего не было известно не только об этом эпизоде из жизни поэта, но и вообще о каких-либо более или менее интимных отношениях между Пушкиным и гр. Д. Ф. Фикельмон. Что именно она — героиня рассказа Нащокина, ясно из намеков Бартева, сделанных им в печати. Так, в рецензии на III книгу „Старина и Новизна“ (обложка № 8 „Русск. Архива“ за 1901 г.) Бартев писал: „Обе они [т.-е. Е. М. Хитрово и гр. Д. Ф. Фикельмон] любили и почитали Пушкина, который бывал очень близок с графиней Д. Ф. Фикельмон“, а говоря о письмах по-

следней к кн. П. А. Вяземскому, в которых она пишет о жене Пушкина, Бартенева замечает: „Может быть, тут действовала и бессознательная ревность, так как гр. Д. Ф. Фикельмон по примеру матери своей, высоко ценила и горячо любила гениального поэта и, как сообщал мне Нащокин, не в силах была устоять против чарующего влияния его (брат Пушкина говорил, что беседа его с женщинами едва ли не пленительнее его стихов) („Русск. Архив“, 1911, № 9, обл.). Несомненно, что в этих строках Бартенева имеет в виду выше-напечатанный рассказ Нащокина. Таким образом, Пушкин, сначала не сообщавший Нащокину имени дамы, потом назвал ее; так же поступил и Нащокин, в своей передаче Бартенева рассказа Пушкина, тоже сначала не назвавший имени героини и, очевидно, потом, по настоянию Бартенева, сделавший это.

Графиня Дарья Федоровна (в кругу родных и знакомых ее называли Долли) Фикельмон — дочь известной приятельницы Пушкина Елизаветы Михайловны Хитрово (1783—1839), урожденной кн. Голенищевой-Кутузовой-Смоленской, дочери полководца, от первого брака ее (6/VI 1802) с флигель-адъютантом гр. Фед. Иван. Тизенгаузенем (р. 1782), скончавшимся 2 декабря 1805 г. от ран, полученных в сражении под Аустерлидом. От брака с гр. Тизенгаузенем у Елизаветы Михайловны были две дочери — старшая Екатерина (1803—1888), бывшая камер-фрейлиной русского двора, и младшая Дарья, родившаяся 14 октября 1804 г. Вышедши вторично замуж в 1812 г. за Николая Федор. Хитрово, Елиз. Мих. с дочерьми поселяется во Флоренции, где муж ее в чине генерал-майора был русским посланником (с 25/IV 1815 по 22/I 1817) и где он и скончался 19 мая н. с. 1819 г. Здесь же, во Флоренции, на восемнадцатом году жизни Дарья Федоровна была выдана матерью замуж (в 1821 г.) за бывшего на двадцать семь лет её старше, Карла-Людвига гр. Фикельмон (род. в Лотарингии 23/III 1777 г.). Происходя из старинного бельгийского рода, сын французского эмигранта, граф с юных лет находился в австрийской службе и участвовал в войнах против Наполеона, сделав двенадцать походов. В 1815 г. он был назначен полномочным министром в Швецию, в 1820 г. во Флоренцию и в 1821 г. в Неаполь.

В январе 1829 г. графы Фикельмон приезжают в Петербург, куда граф был послан с чрезвычайным поручением от австрийского правительства.

Вскоре затем он был назначен послом при нашем дворе. Вместе с супругами Фикельмон поселяется (на Английской набережной) и Елизавета Михайловна с старшей дочерью, и дом их делается одним из первых в столице.

Пушкин с гр. Фикельмон познакомился, вероятно, во второй половине января — первых числах марта 1829 г. О близком знакомстве Пушкина с гр. Фикельмон говорят частые упоминания имени и графа, и графини как в дневнике и переписке поэта и его друзей — Вяземского и А. И. Тургенева, так и в письмах графини к Вяземскому (См. мою статью „Пушкин и гр. Д. Ф. Фикельмон“ — „Голос Минувшего“, 1922, № 2). На основании этих данных гр. Дарья Федоровна рисуется женщиной исключительной красоты, редкого ума и большого духовного изящества.

У нас нет пока достаточно сведений для того, чтобы отчетливо представить историю отношений поэта к графине. Нечего, конечно, говорить о том, насколько Пушкин должен был скрывать этот роман, и неудивительно, что ни в писаниях самого поэта, ни его друзей и знакомых мы не находим никаких прямых указаний на этот счет.

В центре рассказа Нащокина, записанного Бартевым, стоит один эпизод — свидание в доме графини, вся же предшествующая этому свиданию история отношений поэта к графине изложена в нескольких словах: „эта блистательная безукоризненная дама, наконец, поддалась обаяниям поэта...“ Ничего не сказано и о том, что было между поэтом и графиней после свидания: „...все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжение четырех месяцев не могла без дурноты вспоминать об этом происшествии“. Таким образом, пред нами как бы одна глава романа, ни содержания, ни размеров которого мы не знаем. Как долго продолжались ухаживания и домогательства Пушкина? Когда было описанное свидание? Было ли оно единственным? Каковы были вообще отношения между поэтом и графиней после свидания? Для биографа все это, конечно, не праздные вопросы, и он не вправе отказаться от поисков ответов на них. Но, увы, кроме нескольких догадок, мы ничего пока не можем сказать об этой любовной истории.

В вопросе о времени рассказанного Нащокиным происшествия для нас определяющим моментом является отмеченное уже Бартевым сходство между Германном, проникающим тайком в дом старой графини, и Пушкиным, также тайно проникающим в дом графини Фикельмон. Заметил ли это сходство Бартев, или ему об этом сказал П. В. Нащокин (м. б., со слов самого Пушкина) — неважно: для нас, как и для Бартева, автобиографичность эпизода проникновения Германна в спальню графини — несомненна.

„Пиковая Дама“ написана, вероятно, в Болдине в октябре — в первой половине ноября 1833 г. (см. здесь прим. к стр. 78) и рассказанный Нащокиным случай произошел зимой (слова записи: „печки уже топят“) или 1832—1833 г., или 1831—1832 г.)

В одной из тетрадей Пушкина (№ 2373 Всер. Публ. Библ. имени Ленина) имеется черновой, исчерканный набросок на французском языке, датирующийся по положению в тетради, вероятно, 1833 годом. В переводе он читается: „Сегодня... годовщина того дня, когда я увидел вас в первый раз, этот день... моей жизни, это... Чем более я над этим думаю, тем более я вижу, что мое существование нераздельно с вашим: я создан, чтобы вас любить и следовать за вами, всякая иная забота для меня — заблуждение или безумие. Вдали от вас я испытываю только угрызения совести, что я не сумел насытиться счастьем. Рано или поздно я должен буду... все или упасть к вашим ногам. Мысль, что я мог бы иметь когда-нибудь уголок земли в... единственная, что мне улыбается и оживляет меня в моих угрюмых размышлениях. Там я мог бы ходить как паломник... вокруг вашего дома, встречать вас, видеть вас мельком...“

Если бы не начальные слова: „Сегодня годовщина того дня, когда я увидел вас в первый раз“, то эти строки можно бы считать за набросок одного из писем Германна к Лизавете Ивановне, но между днем, когда Германн увидел в первый раз Лизавету Ивановну, и днем, когда он пришел ночью в дом графини, прошло менее трех недель (см. главу IV „Пиковой дамы“), и Германн не мог писать: „сегодня годовщина того дня, когда я увидел вас в первый раз“. Нельзя ли видеть в этом наброске черновик письма Пушкина к гр. Фикельмон?

Кроме этого наброска, нам представляется возможным отнести к гр. Д. Ф. Фикельмон стихотворение „Красавица“ („Все в ней гармония, все диво“), написанное, по всей вероятности, в 1833 году.

М. Л. Гофман (в книге „Пушкин. Первая глава науки о Пушкине“, 1922, стр. 92 (первого изд.) и 94 (второго) и Б. Л. Модзалевский (в петербургском издании 1923 г. дневника Пушкина, стр. 135) предполагают, что это стихотворение относится к государыне Александре Федоровне. При таком предположении совершенно непонятно, для чего Жуковский относил это стихотворение к „графине“. Нет никаких оснований не верить в данном случае Жуковскому. (См. об этом в указанной моей статье).

Рассказ Нащокина о Пушкине и гр. Фикельмон вызвал со стороны В. Ф. Саводника такой отзыв: „...рассказ Нащокина, по своему содержанию и по характеру приводимых подробностей, представляется маловероятным и неправдоподобным, так что самое предположение о существовании каких-либо более интимных отношений между Пушкиным и гр. Фикельмон, кроме отношений светского знакомства, должно быть отвергнуто, доколе не будет представлено более веских доказательств“ („Дневник Пушкина“, М. 1923, стр. 103).

Столь категорическое заявление основывается на подробном анализе записи Бартенева В. Ф. Саводником, читавшим свою работу на одном из заседаний московского „Общества друзей книги“. До опубликования этой работы мы не считаем возможным опровергать аргументацию В. Ф. Саводника и ограничимся здесь одним замечанием. Рассказ Нащокина, представляющийся В. Ф. Саводнику „маловероятным и неправдоподобным“, со стороны приятеля Пушкина С. А. Соболевского, знавшего Пушкина, смеем думать, не менее, чем уважаемый биограф, не вызвал никакой заметки. Нам, в свою очередь, представляется „маловероятным и неправдоподобным“, чтобы Соболевский, не оставивший без возражений показаний Нащокина, касающихся таких мелочей, как тетрадь с замком, перо Гёте или придворный мундир (см. стр. 23, 63, 64 тетради Бартенева), прочитав такую гнусную выдумку на своего друга (а ведь только так и можно, с точки зрения В. Ф. Саводника, квалифицировать рассказ Нащокина), ни словом не обмолвился. Молчание Соболевского в данном случае — воистину „знак согласия“.

Другой исследователь, Л. П. Гроссман, в записи Бартенева усмотрел благодарнейший материал для этюда на тему „Устная новелла Пушкина“ (см. кн. Л. П. Гроссмана „Этюды о Пушкине“, М. 1923, стр. 79—113). Л. П. Гроссмана совершенно не интересует вопрос, было ли в действительности то, что рассказывал Нащокин Бартеневу. По мнению исследователя, изучение рассказа Нащокина „должно исключать всякий биографический подход. Нужно оставить за его полной неразрешимостью вопрос о том, происходило ли описанное в жизни Пушкина, и тем более не затрагивать проблемы о прототипе героини приключения“ (стр. 81). В явном противоречии с этими словами, через три страницы автор этюда пишет: „Оговоримся: мы считаем, что эпизод вполне в духе пушкинской любовной практики, что в жизни поэта можно найти не мало сходственных обстоятельств, и что, таким образом, биографическая постановка вопроса естественно вызывает утвердительный ответ“ (стр. 85). С последним мы не можем не согласиться.

Советуя „не затрагивать проблемы о прототипе героини приключения“ (для нас тут никакой проблемы нет. Что героиня — Фикельмон, для нас, это — факт, не подлежащий никакому сомнению), Л. П. Гроссман пишет: „Отметим мимоходом, что Пушкин и графиня Фикельмон, по свидетельству матери

и сестры поэта, питали друг к другу определенную и взаимную неприязнь“, почему автор этюда и находит, что „почва для историко-психологических выводов оказывается чрезвычайно зыбкой“. „Свидетельства матери и сестры поэта“ Л. П. Гроссман нашел в книге Л. Павлицева „Воспоминания об А. С. Пушкине“, М. 1890. Но, увы, письма, которые имеет в виду исследователь, на стр. 255, 271 и 380 этой книги — подложны: они сочинены г. Павлицевым. Таким образом, поколебать достоверность рассказа Нащокина „письма“ эти никак, конечно, не могут.

48. Подробности предъудельной истории Нащокин слышал не от Пушкина, с которым с мая 1836 г. не виделся, а от кн. П. А. Вяземского, брата жены Пушкина, Ив. Ник. Гончарова, В. И. Даля, вероятно, К. К. Данзаса, бывшего секундантом на дуэли, и других лиц. В общем рассказ Нащокина дает довольно верное изложение перипетий этой, до сих пор в многом, темной истории.

Благодаря сильной протекции, Дантес (р. 12 февр. 1812 г.) был зачислен в гвардию необычным порядком по высочайшему повелению (см. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина, 2-е изд., стр. 24). Пушкину, как совершенно верно заметил Нащокин, это не нравилось, о чем говорит запись в дневнике поэта 26 янв. 1834 г.

Заметка Соболевского о том, что Дантес нравился Пушкину своими детскими шалостями, подтверждается свидетельством Н. М. Смирнова (см. „Рус. Арх.“ 1882, I, 233).

Об успехе Дантеса в великосветском обществе, в особенности у дам, говорят кн. А. В. Трубецкой и Ленц (см. „Рус. Арх.“ 1878, I, стр. 453 и Щеголев, назв. соч., стр. 30).

49. Сестры Наталья Ник. Пушкиной, Александра и Екатерина Николаевны Гончаровы, поселились вместе с Пушкиными осенью 1834 г. Об этом см. прим. к стр. 19 отдельных листков.

О противоестественной близости, существовавшей между бар. Геккереном и Дантесом, говорит в своих воспоминаниях кн. А. В. Трубецкой (см. Щеголев, назв. соч., стр. 400), намекает на это и А. Н. Креницын в своем стихотворении на смерть Пушкина, называющий Дантеса „барона пажиком развращенным“ (см. „Рус. Арх.“ 1898, № 8, стр. 647). Тон опубликованной А. С. Поляковым записки бар. Геккерена к Дантесу тоже говорит за это (см. Поляков, О смерти Пушкина, Петр. 1922, стр. 17—18).

Свадьба Дантеса с Екат. Ник. Гончаровой была 10 янв. 1837 г. По рассказу Нащокина выходит, что бар. Геккерен „пустил в ход анонимные письма“ после этой свадьбы. Эти письма неизвестны; что же касается участия бар. Геккерена в сочинении и отсылке пасквиля на Пушкина, полученного последним 4 ноября 1836 г., то после исследований П. Е. Щеголева, А. С. Полякова (указ. сочинения), Б. Л. Модзалевского (статья „Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина? в кн. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, Пгр. 1924) и Б. В. Томашевского (заметка „Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина? Опыт графического анализа“, в той же книге), можно считать доказанным непричастность Геккерена к этому делу.

Сообщение о том, что Дантес будто бы после убийства Пушкина говорил, что „готов собственною кровью смыть преступление, просил, чтоб его разжаловали в солдаты, послали на Кавказ“ — конечно, неверно. Напротив, убив

Пушкина, Дантес был убежден, что иначе поступить он не мог. См., напр., в кн. Щеголева, стр. 125, где приводится объяснение всего случившегося, данное Дантесом Андрею Ник. Карамзину. См. еще у Щеголева „Из семейной переписки Геккеренов и Дантесов“ и „Озвучки дуэли в письмах сторонников бар. Геккерена“ стр. 314—327.

50. Генерал-аудиториат, по рассмотрении военно-судного дела над Дантесом, полагал: „его, Геккерена, за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые, с определением на службу, по назначению инспекторского департамента“. На это заключение 18 марта 1837 г. последовала высочайшая конфирмация: „Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты“ (см. „Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном“. Подлинное военно-судное дело 1837 г. Спб. 1900, стр. 155). 19 марта выехал за границу Дантес, а 1 апреля бар. Геккерен с женой Дантеса (см. Щеголев, указ. соч., стр. 276, 324).

Екатерина Ник. Дантес (р. 1808) умерла 15 октября 1843 г. в Сульце (Эльзас).

Несмотря на свои легитимистские убеждения, Дантес примкнул к сторонникам Луи Наполеона, и переворот 2 декабря 1851 г. доставил ему блестящую карьеру: он делается сенатором, председателем генерального Совета Верхнего Рейна, мэром Сульца и командором ордена почетного легиона (в 1868 г.). Умер Дантес на 83 году жизни 2 ноября 1895 г. в Сульце.

Барон Геккерен с 1842 по 1875 г. занимал пост нидерландского посла в Вене и умер в Париже на 89-м году жизни 27 сентября 1884 г.

Александра Ивановна Васильчикова, рожд. Архарова (1795—1855) — дочь московского военного губернатора при Павле I, Ивана Петр. Архарова, командовавшего московским гарнизоном, получившим прозвище „архаровского“. В 1819 г. (29 янв.) она вышла замуж за Алексея Васильевича Васильчикова (1778—1854), сына гр. Анны Кирилловны Разумовской, сестры Нат. Кир. Загряжской. С ее сыновьями, Петром Алексеевичем (1829—1898) и Александром Алексеевичем (1832—1890), автором труда „Семейство Разумовских“, П. И. Бартенев был товарищем по университету (см. „Рус. Арх.“, 1903, № 11, стр. 433, 1909, № 1, стр. 10 и № 11, стр. 204). Бартеневым написан некролог А. И. Васильчиковой, напечатанный в „Моск. Вед.“ 1855, № 113 (20. IX), стр. 462—463.

Александра Ивановна была коротко знакома с матерью Пушкина, доказательством чего служит сохранявшееся в ее альбоме письмо поэта к родителям (от 3 мая 1830 г.), и с самим поэтом, предлагавшим Васильчиковой несколько своих автографов за это письмо (см. „Гол. Мин.“ 1920—21, стр. 120—121, где нами опубликовано это письмо. См. еще Л. Павлищев „Воспоминания об А. С. Пушкине“, М. 1890, стр. 388).

Известный пасквиль на Пушкина в первых числах ноября 1836 г. был послан в числе разных лиц и А. И. Васильчиковой, которая, не вскрывая конверта, передала его своему племяннику, жившему в то время у нее, гр. Влад. Ал-др. Сологубу, который и отвез письмо Пушкину (см. „Воспоминания гр. В. А. Сологуба“, Спб., 1887, стр. 178—179).

Поводом к посылке Пушкиным Геккерену 26 января 1837 г. оскорбительного письма послужило, вероятно, не то, что рассказывала Васильчикова, а свидание Н. Н. Пушкиной с Дантесом в квартире Ид. Григ. Полетики (в Кавалергардских казармах) (см. Щеголев, указ. соч., стр. 115—126).

51. По получении письма, бар. Геккерен (а не Дантес, как говорила Васильчикова) действительно совеща́лся, как ему поступить, с гр. Гр. Ал-др. Строгановым, который, прочитав письмо Пушкина, дал совет драться. (см. Щеголев, указ. соч., стр. 130). О гр. Г. А. Строганове см. прим. к стр. 23 тетради.

Кн. Ив. Серг. Гагарин (1814—1882) служил в 1831—32 гг. в московском архиве иностранных дел, затем в 1833—35 гг. — в русской миссии в Мюнхене, где сблизился с Ф. И. Тютчевым, стихотворения которого привез в конце 1835 г. в Петербург и показал их Пушкину, напечатывшему 23 стихотворения в „Современнике“. В Петербурге кн. Гагарин пробыл, состоя на службе в министерстве иностранных дел, до апреля 1838 г., когда был переведен секретарем русского посольства в Париже. В 1842 г. он принял католичество, а в следующем году вступил в орден иезуитов. С 1855 г. до смерти кн. Гагарин жил почти безвыездно в Париже. Его перу принадлежит большое количество статей, преимущественно по религиозным вопросам.

Обвинение кн. Гагарина в участии в составлении и распространении ноябрьских анонимных писем было довольно распространенным в петербургском обществе. Кроме записанного Бартевым показания Васильчиковой, в дневнике А. И. Тургенева за январь—февраль 1837 г. находим указания, что он подозревал Гагарина в причастности к анонимным письмам. В этом же обвиняет Гагарина и Н. М. Смирнов в своих воспоминаниях о Пушкине, написанных в 1842 г. Об этом же так писал С. А. Соболевский 7 февраля 1862 г. кн. С. М. Воронцову: „Вам известно, что в свое время предполагали, что его [т.-е. дело рассылки пасквиля на Пушкина] совершил Гагарин, и что угрызания совести в этом поступке заставили последнего сделаться католиком и иезуитом; вам известно также, что главнейший повод к такому предположению дала бумага, подобную которой, как утверждали, выдали у Гагарина. С своей стороны, я слишком люблю и уважаю Гагарина, чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом; отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности...“ („Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, Пгр., 1924, стр. 24—25).

В полном согласии с этими строками, Соболевский приписал в ответ на обвинение Васильчиковой Гагарина в участии в этом гнусном деле: „Твердо уверен, что это клевета“. Возможно, что приписка эта сделана после разговора Соболевского с Гагариным в Париже в 1861 г.

Впервые обвинение Гагарина в причастности к анонимным письмам в печати было высказано в книге „Последние дни жизни и кончина Пушкина“, Спб. 1863, Аммосова, писавшего со слов Данзаса: „Автором пасквиля, по сходству почерка, Пушкин подозревал бар. Геккерена-отца и даже писал об этом гр. Бенкендорфу. После смерти Пушкина многие в этом подозревали кн. Гагарина; теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним кн. Петром Влад. Долгоруковым. Поводом к подозрению кн. Гагарина

в авторстве безыменных писем послужило то, что они были писаны на бумаге одинакового формата с бумагой кн. Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагарин признался, что записки были писаны действительно на его бумаге, но только не им, а кн. П. В. Долгоруковым. Мы не думаем, чтобы это признание сколько-нибудь оправдывало Гагарина — позор соучастия в этом грязном деле, соучастия, если не деятельного, то пассивного, заключающегося в знании и допущении — остался все-таки за ним“ (Аммосов, указ. соч. стр. 9 — 10).

На это обвинение решительно отвечал в печати кн. Гагарин, письмо которого было напечатано в № 154 „Биржевых Ведомостей“ за 1865 г. и перепечатано в „Русском Архиве“ за этот же год (стб. 1031 — 1036). Конечно, неопровержимых доказательств своей невиновности кн. Гагарин не мог представить, но объяснения, приводимые им в свое оправдание, нам кажутся убедительными. Такое же впечатление вынес и Н. С. Лесков, незадолго до смерти Гагарина беседовавший с ним на эту тему (см. „Истор. Вестник“, 1886, № 8, стр. 269 — 273).

В настоящее время можно считать доказанным, что автором анонимных писем был кн. Петр Владимирович Долгоруков (1816 — 1868). См. статью Б. Л. Модзалевского „Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина?“ в кн. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, Пгр., 1924.

Египтолог Ив. Алдр. Гулянов (1789 — 1841) по поводу слухов о женитьбе Пушкина написал ему стихотворение 15 июля 1830 г., на которое поэт ответил стихотворением „Ответ анониму“.

Заметка на полях о Пушкине и Серг. Серг. Мальцове сделана со слов Соболевского, о чем говорит сам Бартенев в своем примечании к статье В. Я. Брюсова „Знал ли Пушкин по итальянски?“ („Русск. Арх.“, 1908, № 12, стр. 591). Здесь Бартенев передает это сообщение так: „С. А. Соболевский рассказывал, что однажды Пушкин зашел к молодому классику С. С. Мальцову и застал его над Петронием. Мальцов затруднялся понять какое-то место. Пушкин прочел и тотчас же объяснил ему его недоразумение“. Здесь, как видим, Бартенев спутал Петрония с Марциалом. С. С. Мальцов (1813—1838), приятель Соболевского, магистр философии Дерптского университета, сын Серг. Акимовича от брака с кн. Анной Серг. Мещерской (по 1-му браку Ладыженская), двоюродный брат заводчика Серг. Ив. Мальцова и дядя заводчика Ю. С. Нечаева-Мальцова (сообщено Н. П. Чулковым).

52. „Перебирали“ Нащокин с Бартеневым XI том посмертного (1838 — 1841) издания собрания сочинений Пушкина.

Поводом к написанию Пушкиным „Рославлева“ послужил вышедший в 1831 г. роман Загоскина „Рославлев или русские в 1812 году“. Пушкин берет под свою защиту Полину, героиню романа Загоскина, осужденную последним за ее любовь к французу.

В XI томе посмерт. изд. в „Анекдотах“ под №№ XX — XXIII помещены „Четыре рассказа Э...“ Как правильно указал Нащокин, под „Э“ нужно разумеать Нат. Кир. Загряжскую (1747 — 1837), дочь гетмана Малороссии гр. Кирилла Григ. Разумовского, приходившуюся (по мужу) теткой теще Пушкина. Полностью ее фамилия в „Анекдотах“ названа в „Приложениях“ к соч. Пушкина, изданным Я. А. Исаковым, Спб. 1860, стр. 104.

Об этой интересной личности см. примеч. Б. Л. Модзалевского в кн. „Дне-

вник Пушкина“, Пгр. 1923, стр. 58 — 59, и В. Ф. Саводника в кн. „Дневник Пушкина“, М. 1923, стр. 180 — 186.

О Фальстафе—А. Л. Давыдове см. здесь прим. к стр. 31. Пушкин в Каменке бывал в 1820 — 21 гг. и из Одессы туда не ездил. Ссылка Бартенева на „рассказы Горчакова“, очевидно, имеет в виду „Выдержки из дневника. Об А.-С. Пушкине“ В. П. Горчакова, напечатанные в „Москвитяине“ 1850, № 2, янв., кн. 2, отд. I, где на стр. 152 говорится об А. Л. Давыдове.

В XI томе посмерт. изд. (стр. 173) в „Анекдотах“ под №№ XXX напечатан следующий: „Д*** однажды вызвал на дуэль Б***. Б*** отказался, сказав: „скажите Д***, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил“. В таком виде анекдот печатался во всех последующих изданиях сочинений, кончая изданием Комарова 1887 г. под ред. Ефремова. В издании соч. П. Литературного фонда 1887 г. под ред. Морозова (т. V, стр. 273) впервые инициалы раскрыты: вместо Д*** здесь — Дельвиг и вместо Б*** — Булгарин, что и было принято редакторами всех последующих изданий и что подтверждается теперь свидетельством Нащокина.

В виду этого нужно признать ошибочным указание Гаевского, что под Б. в этом анекдоте нужно разумеет знакомого Дельвига, улана, бывшего в Бородинской битве, И. А. Болтина. См. Гаевский „Дельвиг“. Статья первая. — „Современник“ 1853, № 2, отд. III, стр. 84, и статья вторая — *ibid.*, № 5, отд. III, стр. 48.

Выписка Бартенева на стр. 13 сделана из первой статьи Гаевского.

53. Запись: „100,000 — какой-то тамошний чиновник“ имеет в виду XXXII анекдот, где рассказывается о „г. Д.“, с которым Пушкин познакомился на Кавказе. Нащокин не знал его фамилии, это — Вас. Андр. Дуров, брат известной „кавалерист-девицы“ Надежды Андр. Дуровой (Алдр. Андр. Александров).

На стр. 185 — 189 XI т. посмерт. изд. под загл. „Старинные русские странности. Отрывки биографии ****“ напечатаны воспоминания самого П. В. Нащокина. В подлиннике они Пушкиным названы: „Записки П. В. Н. [т.-е. Павла Воин. Нащокина], им диктованные в Москве 1830“. О них Пушкин писал Нащокину 27 мая 1836 г.: „Я забыл взять с собою твои Записки; перешли их, сделай милость, поскорее“. Рукопись записок Нащокина, которую он показывал Бартеневу, теперь неизвестна. Фамилия Нащокина раскрыта П. А. Ефремовым в собр. соч. П. изд. Исакова, 1880, т. IV, стр. 423.

На стр. 200 — 204 XI т. посмерт. изд. напечатаны отрывки автобиографических записок Пушкина, сожженных им в 1825 — 1826 г., при чем в тексте допущена грубая ошибка: вместо: „Это было в феврале 1818 года“ напечатано: „Это было в феврале 1821 года“. В феврале 1821 года Пушкин был на юге; между тем из содержания записок ясно видно, что описываемое происходило в Петербурге. Об этом и говорит запись Бартенева, указавшего, что лечивший Пушкина врач Лейтон — придворный лейб-медик, живший в Петербурге. Самые же записки писались не в Петербурге, а в Михайловском в 1824—25 гг.

55. О вере Пушкина в разного рода приметы говорила в 1898 г. вдова Нащокина: „Много говорили и писали о необычайном суеверии Пушкина. Я лично могу только подтвердить это. С ним и с моим мужем было сущее несчастье (Павел Войнович был не менее суеверен). У них существовало великое

множество всяких примет. Часто случалось, что, собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, они приказывали отпрягать тройку, уже поданную к подъезду, и откладывали необходимую поездку из-за того только, что кто-нибудь из домашних или прислуги вручал им какую-нибудь забытую вещь, вроде носового платка, часов и т. п. В этих случаях они ни шагу уже не делали из дома до тех пор, пока, по их мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого злобещая примета теряла силу" (Прил. к „Новому Времени“, 1898, № 8115, стр. 6).

О предсказаниях гадальщицы Кирхгоф Пушкин часто рассказывал приятелям и знакомым. Эти рассказы записаны Погодиным (со слов Д. В. Веневитинова) в его дневнике 11 сент. 1826 г. (см. „Пушкин и его совр.“, в. XIX—XX, стр. 74) и В. Ф. Щербаковым (см. собр. соч. Пушкина изд. Суворина, под ред. Ефремова, т. VIII, стр. 109 — 110). Об этом же говорят в своих воспоминаниях о Пушкине брат поэта („Москвитянин“, 1853, № 10, май, кн. 2, стр. 52), А. А. Фукс („Казанские Губернские Ведомости“, 1844, № 2; перепечатано в кн. А. С. Архангельского „Пушкин в Казани“, Казань, 1899), А. Н. Вульф („Русск. Стар.“, 1870, 3 изд., т. I, стр. 582), С. А. Соболевский („Русск. Арх.“, 1870, № 7, стр. 1382), Ел. Н. Киселева-Ушакова (Майков „Пушкин“, Спб. 1899, стр. 361 — 362). Наконец, со слов Нащокина и Сосницкого рассказ записан Куликовым („Русск. Стар.“, 1881, № 8, стр. 619 — 620). Подробнее других изложено, вероятно, со слов Нащокина, Погодина и Соболевского, Бартевым в его ст. „А. С. Пушкин. Матер. для его биогр. Гл. 3“ — „Моск. Вед.“, 1855, № 145 (от 3/XII), стр. 592, стб. 1.

Упомянутые в рассказе братья Никита и Александр Всеволодовичи Всеволожские и Пав. Бор. Мансуров — приятели Пушкина, члены кружка „Зеленой лампы“. О Сосницком см. прим. к стр. 64 тетради.

56. Сообщение Нащокина о том, что Пушкин, собираясь в 1830 г. в Польшу, говорил Нащокину, что его там убьет Вейскопф, напечатано было Бартевым в указанной статье его, стр. 592, стб. 2.

В последний раз, Пушкин виделся с Нащокиным числа 19 или 20 мая 1836 г., когда Пушкин уехал из Москвы в Петербург. Помета карандашом, что Пушкин приезжал из Болдина — неверна. См. прим. к стр. 87 тетради.

Рассказ Нащокина о подаренном им Пушкину кольце с бирюзой напечатан Бартевым (в сб. „Деят. век“, стр. 393) в редакции, очень близкой к тексту записи в тетради. Об этом же так рассказывает В. А. Нащокина в своих воспоминаниях о Пушкине: „Незадолго до смерти поэта мой муж заказал сделать два одинаковых золотых колечка с бирюзовыми камешками. Из них одно он подарил Пушкину, другое носил сам, как талисман, предохраняющий от насильственной смерти. Взамен этого, поэт обещал прислать мне bracelet с бирюзой, который я и получила уже после его смерти при письме Натальи Николаевны, где она объясняла, как беспокоился ее муж о том, чтобы этот подарок был вручен мне как можно скорее [это письмо теперь напечатано в журн. „Искусство“, № 1, 1923 г., стр. 326. М. Д.]. Когда Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел его секундант Данзас, то больной попросил его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Из нее он вынул бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказал: „Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг, Нащокин. Это — талисман от

насильственной смерти“. Впоследствии Данзас в большом горе рассказывал мне, что он много лет не расставался с этим кольцом, но один раз в Петербурге, в сильнейший мороз, расплачиваясь с извозчиком на улице, он, снимая перчатку с руки, обронил это кольцо в сугроб. Как ни искал его Данзас совместно с извозчиком и дворниками, найти не мог“ (Иллюстр. прил. к „Новому Времени“, 1898, № 8122, стр. 7).

В этом рассказе, как и в рассказе П. В. Нащокина, нужно признать вымыслом подробности передачи кольца Данзасу умирающим Пушкиным. Сам Данзас говорил Аммосову, что „Пушкин снял с руки [курсив мой М. Ц.] кольцо и отдал Данзасу, прося принять его на память“ („Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина“, Спб. 1863, стр. 32). Так же, как и Данзас, рассказывает и, вероятно, со слов Нащокина, Анненков в „Матер. для биогр. Пушкина“ (изд. 1855 г., стр. 322). Так, конечно, и было, потому что трудно допустить, чтобы Пушкин, веривший в силу кольца, предохранявшего от смерти, не надел его, отправляясь на дуэль; суеверный же Нащокин не мог признать, что его кольцо не спасло поэта от смерти, и сочинил, что его не было на пальце Пушкина в день дуэли.

57. Перстень с сердоликом, о котором говорит Нащокин — известный воспетый поэтом „талисман“, подаренный Пушкину, по преданию, гр. Е. К. Воронцовой. Этот перстень, снятый Жуковским с мертвой руки поэта, после смерти Жуковского перешел к его сыну, художнику Павлу Васильевичу, передавшему кольцо в 1870-х годах И. С. Тургеневу, который завещал его Полине Виардо. Последняя подарила перстень Пушкинскому Музею импер. Александровского Лицея, откуда он, кажется, был украден.

Соболевский на полях, против слов об этом перстне, написал, что он у Даля (что не верно), но потом зачеркнул написанное. Нащокин, слова которого подтвердил Соболевский, отвергал показание Анненкова, говорившего Бартеневу, что с этим перстнем Пушкин соединял свое поэтическое дарование. Действительно, Анненков в „Материалах для биогр. Пушкина“ (изд. 1855, стр. 179) писал: „... поэтическая способность должна была ему самому [Пушкину] казаться неизъяснимым предопределением... Он так хорошо чувствовал это, что, по известной склонности своей к суеверию, соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им. Перстень этот находится теперь во владении В. И. Даля“. Кроме того, что, как мы теперь узнаём, это вымысел, вероятно, Даля, Анненков тоже со слов Даля путает два перстня. „Испещренный кабалистическими знаками“, это — сердоликовый перстень, которого у Даля не было. У Даля же был другой перстень, с изумрудом, о чем читаем в воспоминаниях Даля: „Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом“. Последнее, повторяем, неверно: талисман — другой перстень, сердоликовый. См. Аснаш и Яхонтов „Описание Пушкинского Музея Императорского Александровского Лицея“, Спб. 1899, стр. 11—12; И. Евдокимов „Украденный перстень Пушкина“ — „Среди коллекционеров“, 1923, № 1—2; Л. Майков „Пушкин и Даль“ в кн. „Пушкин“, Спб., 1899, стр. 119; В. Гаевский „Перстень Пушкина по новейшим исследованиям“ — „Вестник Европы“, 1888, № 2; Н. О. Лернер „Кольцо Пушкина“ — „Журнал журналов“, 1916, № 18.

Рассказ Нащокина о душевном состоянии, в каком находился Пушкин, будучи женихом (помолвка состоялась 6 мая 1830 г., свадьба — 18 февраля 1831 г.), соответствует тому, что мы знаем об этом из других источников, и в первую очередь из писем самого поэта. См. Морозов „Семейная жизнь Пушкина“ — „Собр. соч. Пушкина“, изд. Брокг.-Ефр., т. IV, стр. 204—209 и Щеголев „Дуэль и смерть Пушкина“, 2-е изд., стр. 30—32, где указана литература вопроса.

58. О начале польского восстания (17 ноября ст. ст. 1830 г.) Пушкин узнал по приезде, 5 декабря, из Болдина в Москву. 13 января 1831 г. Польский Сейм провозгласил дом Романовых лишенным польского престола, и в этот же день русские войска под начальством Дибича вступили в Польшу.

Рассказ К. К. Данзаса здесь неточно передан: спутаны две поездки Данзаса с Пушкиным. Встретившись 27 января с Данзасом на Пантелеймоновской улице, Пушкин повез его не на место дуэли, а во французское посольство, к секунданту Дантеса д'Аршиаку, где и были выработаны условия поединка. На дуэль Пушкин с Данзасом поехали из кондитерской Вульфа. В записи Аммосова Данзас об этой поездке говорил: „Сердце его сжималось при одной мысли, что через несколько минут, может быть, Пушкина уже не станет. Напрасно усиливался он льстить себя надеждою, что дуэль расстроится, что кто-нибудь ее остановит, кто-нибудь спасет Пушкина; мучительная мысль не оставала“ („Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина“, Спб. 1863, стр. 21—22). О встрече во время этой поездки с Натальей Николаевной передавал Данзас и Аммосову (*ibid.*, стр. 22). Рассказ о том, как объявил Данзас о случившемся Нат. Николаевне, сходен в записях Бартенева и Аммосова (*ibid.*, стр. 27—28).

61. Дело о „Гавриилиаде“ действительно началось в отсутствие из Петербурга Николая I, уехавшего 25-го апреля 1828 г. на театр военных действий, в Бессарабию. 28 мая дворовые штабс-капитана Валер. Фотиев. Митккова донесли петербургскому митрополиту Серафиму, что их барин возвращает своих слуг, читая им поэму „Гавриилиаду“, при чем представили и самую тетрадь с преступной поэмой. Заявлению был дан ход, и по высочайшему повелению был допрошен Пушкин, давший первое показание числа 3—5 августа. Поэт, отрицая свое авторство, показывал, что в первый раз „Гавриилиаду“ он видел в Лицее в 1815-м или 1816-м году и, переписав ее, не помнит, куда дел ее, но с тех пор не видал ее и экземпляра поэмы не имеет. Этим показанием Николай Павлович не удовлетворился и потребовал, чтобы военный генерал-губернатор гр. Пав. Вас. Голенищев-Кутузов, снова призвав Пушкина, спросил у него, „от кого получил он в 15-м или 16-м году, как то объявил, находясь в Лицее, упомянутую поэму, изыяснив, что открытие автора уничтожит всякое сомнение по поводу обращающихся экземпляров сего сочинения под именем Пушкина“. Во исполнение этого повеления Пушкин вторично был вызван к гр. Голенищеву-Кутузову и 19 августа дал такое объяснение: „Рукопись ходила между офицерами Гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой же список сжег я, вероятно, в 20-м году. Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее

мне произведение жалкое и постыдное“. Но Николаю I и этого было недостаточно. Прочитав показание Пушкина, он написал: „Гр. Толстому [Петр. Алдр., главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте] призвать Пушкин, к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем“. Гр. П. А. Толстой, исполняя это повеление, „требовал от Пушкина, чтобы он, видя такое к себе благоснисхождение е. в., не отговаривался от объявления истины, и что Пушкин, по довольном молчании и размышлении, спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо к государю императору и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к е. в. письмо и, запечатав оное, вручил гр. Толстому“. Это было 2 окт., а 7-го окт. „собственная е. и. в. комиссия“ „положила, не раскрывая письма сего, представить оное е. в., донося о том, что гр. Толстым сообщено“ (Н. О. Лернер („Книга и революция“ 1921, № 8—9, стр. 118) и Б. В. Томашевский („Гавриилиада“, Пет. 1922, стр. 50) ошибаются, утверждая, что дело о „Гавриилиаде“ было поручено „специально учрежденной“ для этого комиссии. При отъезде Николая I на театр военных действий с Турцией на время отсутствия государя из Петербурга была учреждена „собственная е. и. в. комиссия“ в составе председ. госуд. сов. В. П. Кочубея, главноком. в Петербурге и Кронштадте гр. П. А. Толстого и чл. госуд. совета кн. А. Н. Голицына см. Подиевктов „Николай I“, 1918, стр. 106). Письмо это неизвестно, но известно, что Пушкин в нем признался в сочинении поэмы. Дело по отношению к Пушкину по высочайшему повелению было прекращено, и поэта больше не беспокоили. Литература о „Гавриилиаде“ указана Томашевским в кн. „А. С. Пушкин — „Гавриилиада“, 1922, стр. 106—109.

Рассказ Нащокина, как видим, в общем, верно передает ход дела. Ник. Алексеев. Муханов (1802—1871), со слов которого рассказывал Баргтеневу Нащокин, — знакомый Пушкина, состоявший с 1823 по 1830 г. адъютантом при петербург. ген-губ. гр. П. В. Голенищеве-Кутузове.

62. Слова Нащокина о чувстве, которое питал Пушкин к государыне Александре Федоровне, находят подтверждение в дневнике поэта, где (под 8 апр. 1834 г.) после рассказа о представлении государыне записано: „Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36“. М. Л. Гофман („Пушкин. Первая глава науки о Пушкине“, Пгр., 1922, стр. 89—92) и Б. Л. Модзалевский („Дневник Пушкина“, Пгр. 1923, стр. 135) считают возможным отнести к Александре Федоровне стихотв. Пушкина „Красавица“ („Все в ней гармония, все диво“), несмотря на указание Жуковского, что стихотворение написано в альбом „графини“. См. прим. к стр. 44—48 тетради.

Загряжская, Екатерина Ивановна (1779—1842), единокровная сестра тещи Пушкина, фрейлина. „Она была моральным авторитетом для племянницы, ее руководительницей и советчицей в свете и, наконец, материальной опорой. Гордясь своей племянницей, она облегчала тяжелое бремя Пушкина, оплачивая туалеты племянницы и помогая ей материально“ (Щеголов „Дуэль и смерть Пушкина“, изд. 2-е, Пгр. 1917, стр. 36). О Загряжской см. „Дневник Пушкина“ под ред. Модзалевского, стр. 141—143 и „Дневник Пушкина“, М., прим. В. Ф. Саводника, стр. 378—9.

Нат. Ник. Пушкина обратила на себя внимание государыни еще легком

1831 г., когда Пушкины жили в Царском Селе. 15 авг. сестра поэта писала своему мужу: „Моя невестка прелестна; она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе“ („Пушк. и его совр.“, в. XV, стр. 84), а 4 сент. она же извещает, что Нат. Ник. была представлена императрице, которая от нее в восхищении (*ibid.*, стр. 89).

Кн. Пав. Петр. Вяземский так характеризует жену министра иностранных дел, статс-даму гр. Мар. Дмитр. Нессельроде, рожд. Гурьеву (1786—1849): „Женщина, одаренная характером независимым, непреклонная в своих убеждениях, верный и горячий друг своих друзей, руководимая личными убеждениями и порывами сердца, самовластно председательствовала в высшем слое петербургского общества и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместьи Парижа, в салоне кн. Меттерних в Вене и в салоне гр. Нессельроде в доме Министерства Иностранных Дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, гр. Гурьева, бывшего министра финансов в царствование императора Александра I“ („Пушкин“, изд. Бартенева, в. II, М. 1885, стр. 72). Вяземский, очевидно, имеет в виду эпиграмму „Встарь Голицын мудрость весил, Гурьев грабил весь народ...“, принадлежность которой Пушкину не доказана. Об отношениях гр. Нессельроде к Пушкину см. „Дневник Пушкина“ под ред. Модзалевского, стр. 75 и „Дневник Пушкина“, М., прим., стр. 230—231.

На балы в Аничковском дворце приглашались лишь избранные лица, особенно близкие к царской семье. См. „Из записок бар. М. А. Корфа — „Русск. Стар.“, 1899, VII, стр. 8—9.

63. Пожалование Пушкина в камер-юнкеры, состоявшееся 31 декабря 1833 г., по словам другого приятеля поэта Н. М. Смирнова, „взбесило“ поэта, „ибо сие звание, точно, было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтоб иметь повод приглашать ко двору его жену („Русск. Арх.“, 1882, II, стр. 239). Об этом поводе говорили не только „иные“, но и сам Пушкин, так записавший об этой „милости“ царя в своем дневнике: „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове“. По свидетельству того же Смирнова, огорченный и взбешенный поэт на первых порах решился не воспользоваться своим мундиром, чтобы ездить ко двору, не шить даже мундира. Но об этом позаботился Смирнов, так рассказывающий в своих „памятных заметках“ историю мундира: „Узнав от портного о продаже нового мундира кн. Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет в пору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что предоставляется его воле взять его или ввергнуть меня в убыток, оставив его на моих руках. Пушкин взял мундир и поехал ко двору“ (*ibid.*). Смирнову и его жене удалось, вообще, „полу-убедить“ Пушкина не огорчаться камер-юнкерством, и в начале марта 1834 г. он писал Нащокину: „... я камер-юнкер с января месяца; Мед-

ный всадник не пропущен. Убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть“.

О том, что Бенкендорф будто бы предлагал Пушкину камергерство, в литературе о Пушкине нет никаких сведений.

О придворном мундире Вольтера Пушкин говорит в своей статье 1836 г. „Вольтер“: „К чести Фредерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление“.

Утверждение Нащокина, что Пушкину „позволялось являться на балы в простом фраке“, не соответствует действительности: известно письмо Бенкендорфа (от 28 янв. 1830 г.) с выговором от имени государя как раз за то, что поэт был на балу у французского посла во фраке.

64. В члены Российской Академии, учрежденной по мысли президента Академии Наук кн. Е. Р. Дашковой в 1783 г. и в 1841 г. вошедшей в состав Имп. Академии Наук в виде ее „Второго Отделения“ Пушкин был избран 3 декабря 1832 г.

В 1833 году Пушкин был в Академии шесть раз, в 1834 году — один раз и в 1836 году — тоже один раз. См. Сухомятинов „История Российской Академии“, вып. VII, Спб. 1885, стр. 77—84.

О том, что Пушкин добивался быть членом Академии Наук, ничего неизвестно, и можно сильно сомневаться, было ли это в действительности. Нащокин, зная о вражде между гр. С. С. Уваровым, президентом Академии Наук, и Пушкиным, — неверно объяснял ее происхождение. Об отношениях Пушкина к гр. Уварову см. в кн. „Дневник Пушкина“, под ред. Модзалевского, стр. 245, и в московск. изд. „Дневника“, примеч. М. Н. Сперанского, стр. 358—362.

Имея в виду свою запись 1851 года, Бартнев в 1909 г. („Русск. Арх.“, № 8, стр. 565) писал: „Известно, что Гёте послал Пушкину перо: П. В. Нащокин видел на рабочем столе Пушкина в Петербурге этот высокомерный знак приветия“. Через два года („Русск. Арх.“, 1911, № 7, стр. 449—450) Бартнев повторяет несколько пространнее: „О Пушкине Гёте мог слышаться от герцогини Веймарской Марии Павловны, которая любила русский язык и русскую поэзию и воспитала своего сына так, что про него мне писали из Веймара: не знаю, где в нем кончается немец и где начинается русский. Вероятно, по ее внушению Гёте оказал Пушкину знак внимания: он послал ему в подарок перо свое (Нащокин мне сказывал, что видел у Пушкина на его рабочем столе это перо в особом футляре (где это перо теперь?) (см. еще „Русск. Арх.“ 1902, № 3, стр. 575).

Об этом же подарке Гёте писал Анненков в „Материалах для биографии А. С. Пушкина“ (Спб., 1855, стр. 185): „Рассказывают, что он [Гёте] послал Пушкину поклон чрез одного русского путешественника и препроводил с ним, в подарок, собственное свое перо, которое, как мы слышали, многие видели в кабинете Пушкина, в богатом футляре, имевшем надпись „подарок Гёте“.

У нас нет оснований сомневаться в правдивости сообщения Нащокина.

Бартеңеву, а также, вероятно, и Анненкову, которому об этом же рассказывал и еще кто-то. Несомненно, Гёте прислал в подарок Пушкину гусиное перо, и то обстоятельство, что его не видал у Пушкина Соболевский (отсутствовавший из России с первых чисел ноября 1828 г. по июль 1833 г.), не может служить опровержением рассказа Нащокина и других, нам неизвестных, лиц, как, с другой стороны, не может подтверждать это сообщение упоминание в „Записках“ Смирновой о том, что поэт показывал ей перо Гёте: „редактору“ „Записок“ О. Н. Смирновой ничего не стоило это написать, „по Анненкову“.

Другой вопрос, Пушкину ли адресовано стихотворение Гёте „Goethes Feder an ****“ (датируется 1826 г.), как думают некоторые. Соображения Горнфельда, высказанные им против этого отнесения, кажутся нам весьма вескими.

Кто был тот „русский путешественник“, через которого Гёте послал перо Пушкину, сказать трудно: у Гёте бывало не мало русских. См. „Записки“ Смирновой, ч. I, стр. 56; В. А. Розов „Пушкин и Гёте“, Киев, 1908, стр. 27, 38, 119—120; А. Г. Горнфельд „Сцена из Фауста“ — Собр. соч. Пушкина, изд. Бр.-Еф., т. II, стр. 410—411; „Истор. Вестник“, 1891, № 7, стр. 217—218.

Упоминания имени знаменитого петербургского трагика Вас. Андр. Каратыгина (1802—1853) в письмах (от 4/XII 1825 г. к Катенину и от 3/VIII 1834 г. к Н. Н. Пушкиной) Пушкина ничего не дают для характеристики отношений поэта к этому артисту. Поэт был с В. А. Каратыгиным знаком и читал у него „Бориса Годунова“. По свидетельству жены Каратыгина (рожд. Колосовой), Пушкин желал, чтобы она с мужем прочитали в театре сцену у фонтана, и подарил Каратыгину для его бенефиса „Скупого рыцаря“.

Имя знаменитого московского трагика П. С. Мочалова (1800—1848) ни разу не упоминается у Пушкина.

Ив. Ив. Сосницкий (1794—1871) — известный драматический артист петербургских театров, ученик кн. А. А. Шаховского, в доме которого познакомился с Н. И. Хмельницким, Грибоедовым и Крыловым. Сосницкий был близко знаком с кн. П. А. Вяземским и Пушкиным.

65. О том, что поэт был щедр на деньги и бедному не давал менее 25 р. Бартеңев дважды печатал: в сб. „Деятнадуатый век“, кн. I, стр. 386 и в „Русск. Арх.“, 1900, № 9, стр. 144. В сборнике же (стр. 386) Бартеңев напечатал о фраке Нащокина, взятом у него Пушкиным. Об этом рассказывала и В. А. Нащокина в 1898 г. По ее словам, „собираясь ехать к Гончаровым делать предложение, Пушкин, не имея собственного фрака, надел нащокинский. Сватовство на этот раз было принято, что поэт в значительной мере приписывал „счастливному“ фраку. Нащокин подарил этот фрак другу, и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал счастливый „нащокинский“ фрак (Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1898, № 8115, стр. 6).

Что у Пушкина к концу жизни волосы переставали виться, видно по портретам работы Линева и Мазера. Первый находится в Пушкинском Доме Российской Академии Наук (раньше хранился в Пушкинском Музее имп. Александровского Лицея) и воспроизведен в кн. Аснаш и Яхонтов „Описание Пушкинск. Муз. имп. Александр. Лицея“ и в собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефрон, т. IV, стр. 456. Второй воспроизведен там же т. V, стр. 257.

Кроме „Бориса Годунова“, Пушкин читал Нащокину „Пиковую Даму“, о чем см. стр. 78—79 тетради Бартенева, и во время своего последнего пребывания в Москве 3—19 мая 1836 г. — „Русалку“, о чем говорит в своих воспоминаниях В. А. Нащокина (Иллюстр. прил. к „Новому Времени“, 1898, № 8115, стр. 6).

66. О Сцене у фонтана, сочиненной во время поездки верхом и тогда же незаписанной, говорят Анненков (в „Материалах для биогр. Пушкина“ изд. 1855 г., стр. 118) и Погодин, ошибочно указывающий, что Пушкин во время прогулки сочинил сцену Марины Мнишек и Самозванца не для „Бориса Годунова“, а для задуманной трагедии „Дмитрий Самозванец“. См. „Русск. Арх.“, 1865, стр. 99.

„И тайные стихи обдумывать люблю“ — стих из стихотворения „Близ мест, где царствует Венеция златая“.

Намерение Пушкина написать стихотворение или поэму, где выразить желание человека, когда он стоит на высоте, броситься вниз, приводит на память стихи из „Пира во время чумы“: „Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю“.

В прижизненных и посмертных изданиях VIII главы „Евгения Онегина“ первые строки XXVI строфы читаются:

„Тут был ^{***}, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший
St.-P ^{**}, твои карандаши“.

Впервые фамилия карикатуриста St.-Priest полностью названа в собр. соч. Пушкина, изд. 1880 г., под ред. Ефремова, т. III, стр. 164.

— Этого же Сен-При Пушкин упоминает в стихотворении „Счастливы ты в прелестных дурах“. Гр. Эммануил Карлов. Сен-При — старший сын французского эмигранта, гр. Карла Францевича, бывшего херсонским, потом подольским губернатором. Гр. Эмм. Карл. служил в лейб-гусарах и, по словам кн. П. А. Вяземского, „добыл себе место в нашей общественной летописи по своим остроумным карикатурам“. Тот же Вяземский рассказывает: „В одном из городов Италии, ради какого-то ночного беспорядка сделано было полицию распоряжение, чтобы позднее известного часа никто не выходил на улицу иначе, как с зажженным фонарем. Находящийся тогда в том городе наш молодой Сен-При, отличный карикатурист, которого карандаш воспет Пушкиным в „Онегине“, расписал свой фонарь забавными, но схожими изображениями городских властей. Само-собою разумеется, что он с фонарем своим прогуливался по всем улицам наиболее людным. Этот молодой человек, веселый и затейливый проказник, вскоре затем в той же Италии застрелил себя неизвестно по какой причине и, помнится, ночью на Светлое Воскресенье. Утром нашли труп его на полу, плавающий в крови. Верная собака его облизнула рану его“ (Полное собр. соч. Вяземского, т. VIII, стр. 314—315). О причине самоубийства К. Я. Бугаков писал брату 31 мая 1828 г.: „Вчера мне рассказывали о смерти молодого гр. Сен-При... Во Флоренции он сватался за дочь гр. Бутурлина, но, получив отказ, поехал в Рим, пришел в церковь св. Петра в самую обедню и там застрелился“ („Русск. Арх.“, 1903, № 9, стр. 123—124).

По свидетельству П. И. Бартенева, несколько карикатурных рисунков находятся в альбоме гр. Алексея Алексеевича Бобринского (1800—1868), известного сахарозаводчика (*ibidem*). О гр. Э. К. Сен-При см. примеч. Лернера в собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. V, стр. XXX—XXXI.

67. Денис Вас. Давыдов (1789—1839) — известный поэт и военный писатель. Начало знакомства его с Пушкиным относится, вероятно, к 1817—1820 гг., а в 1830-х годах их связывала тесная дружба. Пушкин 27 сент. 1832 г. писал жене из Москвы: „Я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник“. Сообщение Нащокина находится в полном соответствии с тем, что нам известно об отношениях, существовавших между Пушкиным и Д. Давыдовым в последние годы жизни поэта. См. Б. А. Садовской „Д. В. Давыдов“ — „Русская Камена“, М. 1910; примечание Б. Л. Модзалевского в кн. „Дневник Пушкина“, Пгр. 1923, стр. 230—231 и примеч. М. Н. Сперанского в московском издании 1923 г. дневника Пушкина, стр. 518—520.

69. Характеристика отношений Пушкина к Гоголю, сделанная Нащокиным, блестяще подтверждается новейшими изучениями истории знакомства двух писателей, и можно пожалеть, что Бартенев не опубликовал в свое время этой записи.

Начало разрушению легенды о тесной дружбе, якобы существовавшей между Пушкиным и Гоголем, положено речью В. Я. Брюсова 1909 г. о Гоголе „Испепеленный“ (первоначально напечатана в „Весах“, 1909, № 4; затем в сборнике „Гоголевские дни в „Москве“ М. 1910 г. и два отдельных издания „Скорпиона“ 1909 и 1910 гг.). Затем последовали работы: Шмидта „Гоголь“ — „Русская Мысль“, 1913, № 11 (о Пушкине и Гоголе стр. 53—60); Б. Е. Лукьяновского „Пушкин и Гоголь в их личных отношениях (Вопрос о дружбе)“ — „Беседы. Сборник Общества Истории Литературы в Москве“. I. М. 1915, стр. 32—49; А. С. Долинина (Исков) — „Пушкин и Гоголь. К вопросу о их личных отношениях“ — „Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова“, Пгр., 1923, стр. 181—197 и М. Н. Сперанского примечание в московском издании 1923 г. „Дневник Пушкина“, стр. 169—180. Вот выводы, к которым приходит последний исследователь в результате своего анализа взаимных отношений Пушкина и Гоголя: „В итоге, личные отношения поэтов можно бы формулировать приблизительно так: ни из чего не видно, чтобы Пушкин, добродушно и ласково относясь к Гоголю, но сам не входя в его интимную жизнь, чувствовал побуждение и потребность перед ним раскрывать интимные стороны своей жизни, иначе в откровенной беседе с другом это сказалось бы и в его письмах, сказало бы и у Гоголя, так высоко ценившего Пушкина, и так естественно долженствовавшего дорожить желанием ближе узнать Пушкина-человека, не только Пушкина-поэта; у Гоголя этого стремления мы не видим: он поневоле сдержан и введен в эти границы поведением по отношению к нему самого Пушкина“ (указ. соч. стр. 173).

Весьма интересны сообщаемые Нащокиным отдельные эпизоды из истории знакомства Пушкина с Гоголем. В чем выражались хлопоты Пушкина в деле постановки „Ревизора“ на петербургской сцене, неизвестно, потому что то, что об этом рассказывает Смирнова в „Записках“ своей матери, не заслуживает никакого доверия.

О постановке же „Ревизора“ в Москве Пушкин писал жене 5 мая 1836 г. из Москвы (в квартире Нащокина): „Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щелкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и грязна (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны, я тоже ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в Петербурге“.

Нащокин опровергал известное место в третьем письме „Четырех писем к разным лицам по поводу „Мертвых Душ“ в „Выбранных местах из переписки с друзьями“: „Довольно сказать тебе только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из „Мертвых Душ“ в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а, наконец, сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия“ („Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя“. Спб. 1847, стр. 144 — 145).

Первое упоминание о „Мертвых Душах“ находим в письме Гоголя к Пушкину из Петербурга в Михайловское от 7 октября 1835 г.: „Начал писать „Мертвых Душ“. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтись. Мне хочется в этом романе показать хотя бы с одного боку всю Русь“. Из этих слов ясно, что до этого письма Гоголь не мог ничего читать Пушкину из „Мертвых Душ“, и чтение это состоялось, вероятно, вскоре по приезде Пушкина в Петербург 23 октября 1835 г. Что представляли собою в этой первоначальной редакции первые главы „Мертвых Душ“, мы не знаем, так как эта редакция не сохранилась, но можно думать, что она сильно отличалась от общеизвестной: в ноябре 1836 г. Гоголь писал Жуковскому: „... я принял за „Мертвые Души“, которых было начал в Петербурге. Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план, и теперь веду его спокойно, как летопись“ (Письма Гоголя, ред. Шенрока, т. I, стр. 414).

Таким образом, нельзя согласиться с Нащокиным, утверждавшим, что Гоголь не читал „Мертвых Душ“ Пушкину, основываясь лишь на том, что последний ничего ему не говорил об этом. Утверждение Нащокина говорит только о том, что чтение это не оставило у Пушкина сильного впечатления.

В пресловутых „Записках“ А. О. Смирновой имеется обстоятельнейший рассказ о том, как Гоголь у нее читал „Мертвые Души“ в присутствии Плетнева и Жуковского (см. „Записки“ Смирновой, Спб. 1895, ч. I, стр. 313). Весь этот рассказ, с первого слова до последнего — беззастенчивая выдумка дочери Смирновой: как выше сказано, чтение это не могло быть раньше 23 октября 1835 г., а А. О. Смирнова уже в июне этого года была за границей, откуда возвратилась после смерти Пушкина (см. „Остафьевский Архив“, т. III, по указателю). В. Ф. Саводник („Дневник Пушкина“, М. 1923, стр. 291) говорит, что „Записками“ Смирновой можно пользоваться лишь с величайшей осторожностью и при условии постоянной проверки ее данных при помощи других источников“. Это сказано слишком мягко — „Записками“ Смирновой совершенно нельзя пользоваться.

70. Любопытнейший рассказ Нащокина о „Тарасе Бульбе“ подтвердил С. А. Соболевский, искавший фамилию знакомого Пушкина, описавшего степи. Это не Стражинский, как написал Соболевский и в чем правильно усумнился Бартенева, поставивший после фамилии знак вопроса, а Семен Данил Шаржинский, о котором Гоголь 18 июля 1834 г. писал М. А. Максимовичу: „... к вам или к нам, в Киев, хочет ехать один преинтереснейший и прелюбезнейший человек, который тебе понравится до-нельзя, — настоящий земляк и человек, с которым никогда не будет скучно, никогда; сохранивший все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет. Он хочет занять место директора гимназии, если нельзя в Киеве, то в какой-нибудь другой киевского же округа. В начале он служил по ученой части, потом был за границей, потом в таможах, изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма и, наконец, служит здесь в почтовом департаменте“ (Письма Гоголя, т. I, стр. 313).

К словам письма: „охотник страшный до степей“ П. Кулиш, опубликовавший это письмо, сделал примечание: „Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для своего „Тараса Бульбы“, например, степные пожары и лебеди, летящие в заре по темному ночному небу, как красные платки“.

В следующем письме (от 14 августа 1834 г.) к Максимовичу Гоголь сообщает дополнительные сведения о Шаржинском: „воспитывался он в здешнем педагогическом институте, где, окончив курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места южной России,—в какие не помню, а спросить позабыл,—потом служил в таможах, наконец, находится у Булгакова в почтовом департаменте“.

„Тараса Бульбу“ Гоголь писал в 1833 — 1834 годах. Знакомство его с Шаржинским состоялось, вероятно, летом 1834 г., когда в Петербурге жил и С. А. Соболевский.

Позднее, в 1840-х годах, С. Д. Шаржинский жил в Житомире. Свою статью в „Современнике“ 1842 г. (т. XXVII) о I томе „Мертвых Душ“ Плетнев подпisał его инициалами: „С. Ш. 19 июня 1842. Житомир“. Приписка Бартенева о том, что портрет Шаржинского в кабинете у Плетнева, сделана, конечно, не ранее 1852 г., когда Бартенева познакомился с Плетневым.

70—71. Под тремя звездочками нужно, конечно, разуместь Николая I, имя которого Бартенева не решился написать. Самой записи он, понятно, не опубликовывал.

До сих пор отношения Николая Павловича к жене Пушкина не были предметом специального рассмотрения. П. Е. Щеголев в своем исследовании „Дуэль и смерть Пушкина“ оставил этот вопрос в стороне, и только А. С. Поляков коснулся его в книге „О смерти Пушкина“ (Петр., 1922, стр. 64—65).

О том, что Николай I отличался большим женолюбием, что, кроме продолжительной связи с Варв. Аркад. Нелидовой, он устаивал своим благосклонным вниманием не только придворных дам и девиц, но и представительниц средних кругов петербургского общества, обо всем этом мы располагаем теперь достаточным количеством свидетельств. В опубликованной нами статье „Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев“ Н. А. Добролюбова последний пишет: „Можно сказать, что нет и не было при дворе ни одной фрейлины, которая была бы взята ко двору без покушений на ее любовь со стороны

или самого государя или кого-нибудь из его августейшего семейства. Едва ли осталась хоть одна из них, которая бы сохранила свою чистоту до замужества. Обыкновенно порядок был такой: брали девушку знатной фамилии во фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего, самодержавнейшего государя нашего, и затем императрица Александра начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов“ („Голос Мин.“ 1922, № 1, стр. 65). Отсюда понятно, почему Пушкин, узнав о желании Нат. Ник. определить своих сестер ко двору, писал ей (11/VI/1834 г.): „Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно, откажут, а, во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди: овдовеешь, постареешь, — тогда, пожалуй, будь салонницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам — быть подале от двора: в нем толку мало. Вы же не богаты“. Как увидим, Нат. Ник. имела на этот счет свое мнение.

Впервые Николай Павлович увидел Наталью Николаевну еще девушкой в Москве, в марте 1830 г. Красота ее обратила на себя внимание государя. Когда через месяц после этого Пушкин в письме к Бенкендорфу просил у Николая I разрешения на женитьбу, шеф жандармов в ответ писал, что государь надеется, что Пушкин „нашел в себе необходимые качества сердца и характера для составления счастья женщины и в особенности такой милой и интересной, как мадмуазель Гончарова“. Говорил комплименты на счет Гончаровой государь и Наталье Кирилловне Загряжской, о чем писал поэт невесте в июле 1830 г.

Появление Натальи Николаевны через год в Царском Селе, где проживало в это время царское семейство, произвело сильное впечатление в придворном кругу. „Моя невестка — прелесть, пишет О. С. Павлищева мужу (серед. авг. 1831 г.), она является предметом удивления в Царском; императрица желает, чтобы она была при дворе, а она жалеет об этом, так как она не глупа; нет, это не то, что я хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, но она еще немного застенчива, но это пройдет, и она, красивая, молодая и любезная женщина, поладит и со двором, и с императрицей“ („Пушк. и его совр.“, в. XV, стр. 84).

Так, оно, конечно, и случилось: Наталья Николаевна скоро вошла в свою роль одной из красивейших женщин петербургского высшего света и „поладила“ со двором. 4 сентября этого же года Ольга Сергеевна сообщает, что Нат. Ник. была представлена императрице, которая от нее в восхищении. Представление это произошло, конечно, согласно желанию государя, который не мог не обратить внимания на исключительную красоту Пушкиной, и 8 янв. 1832 г. поэт пишет Нащокину, что жена его пляшет на балах и с государем любезничает. Об этом же пишет Пушкин и Наталье Николаевне 21-го августа 1833 г.: „Не кокетничай 26-го. Да, бишь: не с кем. Однако, все-таки не кокетничай“. 26-е августа — день Бородинской битвы; в этот день бывал при дворе бал. Что в словах „да, бишь, не с кем“ заключается намек на государя, ясно из того обстоятельства, что 18 августа Николай I выехал из Петербурга за границу. Но 16 сентября он вернулся в столицу, и в письме Пушкина от 11 октября снова напоминание: „не кокетничай с царем“. Наконец, 5 мая 1836 г. из Москвы Пушкин пишет жене: „И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих; однакож видно, что ты кого-то довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных

воспитанниц. Нехорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола“. Этот „кто-то“, заведший себе гарем из театральных воспитанниц, конечно, все тот же Николай I, слабость которого к жрицам и Мельпомены и Терпсихоры достаточно известна.

Теперь, когда мы узнаём, что говорил Пушкин Нащокину, ясно, что у поэта были основания предупреждать жену быть осторожней в своих отношениях к государю.

Замечательно, что мы располагаем показанием самого Николая Павловича по интересующему нас вопросу. Вот что рассказывал он в апреле 1848 г. бар. М. А. Корфу: „Под конец его [Пушкина] жизни, встречаясь очень часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень хорошую и добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе, я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою репутацию, сколько для себя самой, столько и для счастья мужа, при известной его ревливости. Она, верно, рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? — спросил я его. — Не только мог, государь, но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. . . Три дня спустя был его последний дуэль“. („Русск. Стар.“ 1899, № 8, стр. 310—311; в несколько иной редакции этот же рассказ записан Корфом в другом месте (см. „Русск. Стар.“ 1900, № 3, стр. 574).

Характеристике отношений своих к Пушкиной, которую здесь дает Николай I, мы вправе не поверить. Эти яко бы „отеческие“ отношения — одна видимость, прикрывавшая нечто совсем иное. В камер-юнкеры государь жалует Пушкина для того, чтобы Нат. Ник. могла бывать на интимных балах в Аничковском дворце. Об этом так и записывает в своем дневнике Пушкин: „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Нат. Ник. танцевала в Аничкове“. Из приведенного выше письма (от 11/VI/1834 г.) мы знаем, что Нат. Ник. летом 1834 г. хотела, чтобы ее сестры были при дворе, и в декабре этого года ее желание исполняется — старшая сестра Екатерина Николаевна делается фрейлиной, а через два года, по случаю свадьбы ее с Дантесом, Николай I посылает Наталье Николаевне деньги на свадебный подарок сестре. В сопроводительном собственноручном письме А. Х. Бенкендорф пишет: „Его Величество, желая сделать что-нибудь приятное Вашему мужу и Вам, поручил мне передать Вам, в собственные руки, сумму, при сем прилагаемую, по случаю брака Вашей сестры, будучи уверен, что Вам доставит удовольствие сделать ей свадебный подарок“.

Нечего и говорить, что Пушкина Бенкендорф здесь приплел только для придания более приличного вида этому подарку. Шеф жандармов, зная, какие отношения существовали в это время между поэтом и Дантесом, прекрасно понимал, что Пушкину никакого удовольствия не доставит этот царский подарок, делаемый чрез Наталью Николаевну жене его смертельного врага.

Наконец, и „милости“, оказанные Пушкиной и ее детям после смерти поэта, были продиктованы, конечно, не чувством уважения и признания заслуг поэта перед русской литературой — все это было чуждо Николаю Павловичу, — а желанием облагодетельствовать его вдову.

Насколько далеко ушел в своих ухаживаниях за Пушкиной Николай I при жизни поэта, мы не знаем; вероятно, дело ограничивалось пока лишь одним

флиртом. Но и этого было достаточно, чтобы в свете говорили о связи Пушкиной с государем. Гр. В. А. Сологуб рассказывал (23 февр. 1846 г.) о дуэльной истории Пушкина Никитенке в присутствии Н. И. Иваницкого, записавшего в своем дневнике следующее: „Жена Пушкина была в форме красавица, и поклонников у ней были целые легионы. Немудрено стало быть, что и Дантес поклонялся ей, как красавице, но связей между ними никаких не было. Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной [sic!] при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятию будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти“ („Пушкинский сборник, в. VIII, стр. 328, перепечатано в „Пушкин и его совр.“, в. XIII, стр. 36—37. Интересно отметить, что Бартенев, перепечатывая в „Русском Архиве“, 1909, № 10, стр. 169 дневник Иваницкого, приведенных строк со слов: „Подозревают другую. . .“ не напечатал).

Этот рассказ, надо думать, не соответствует действительности: более чем благосклонное отношение Николая I ко вдове поэта давало повод утверждать, что еще при жизни Пушкина Наталья Николаевна была интимно близка к государю.

Об отношении Николая I к Нат. Ник. Пушкиной, вдове, а затем супруге П. П. Ланского, см. в воспоминаниях А. П. Араповой (Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, №№ 11432, 11435, 11442 и 11446 (подпись на стр. 33 под портретом); в „Сборнике биографий кавалергардов“ Панчулидзева, 1908, ч. II, стр. 334; в записках бар. М. А. Корфа („Русск. Стар.“, 1899, № 7, стр. 8—9); в воспоминаниях гр. Н. А. Меренберг (в кн. „Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина“, Пгр. 1924, стр. 130). См. еще „Русск. Арх.“, 1904, № 4, задн. обл.

О „романах“ Николая I, кроме указанной статьи Н. А. Добролюбова, см. П. Е. Щеголев „Любовь в равелине“ — „Былое“, 1920, № 15; А. И. Соколова „Император Николай Первый и васильковые дурачества“ — „Истор. Вестн.“, 1910, № 1; заметки, вызванные этой статьей — „Истор. Вестн.“, 1910, № 6, стр. 1124—1125 и 1912, № 1, стр. 431—432; в „Записках“ Р. М. Зотова — „Истор. Вестн.“, 1896, № 8, стр. 318—319; в „Записках“ В. А. Инсарского, ч. II, 1898, стр. 397; в дневнике А. О. Смирновой за 1845 г. в кн. „Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де-Кюстина“. С прилож. дневника А. О. Смирновой 1845 г., изд. „Образование“, М., 1910, стр. 141; в письме гр. М. Д. Нессельроде к сыну — „Русск. Арх.“, 1910, № 5, стр. 131—133; Я. И. Костенецкий „Рассказы об императоре Николае I“ — „Истор. Вестн.“ 1883, № 6, стр. 632—635; М. И. Венюков „Из воспоминаний“, кн. I. Амстердам, 1895, стр. 136. Любовными историями Николая I интересовался Л. Толстой во время работ своих над „Хаджи-Муратом“. Об этом см. в сборн. „Толстой. Памятники творчества и жизни“, I, 1917, стр. 13—25 и „Хаджи-Мурат“ (гл. XV) и „Отец Сергей“. См. еще Н. О. Лернер „Запретные страницы“ (Из „Хаджи-Мурата“ Толстого) — „Журнал Журналов“, 1917, № 13, стр. 8—10.

72. Выписанные здесь отрывки из письма Нащокина к Пушкину от 9 июня 1831 г. Бартенев напечатал в сборн. „Девятнадцатый век“, кн. I, М. 1872, стр. 402. Полностью письмо впервые напечатано в „Русск. Арх.“, 1904, № 11, стр. 434—5. По акад. изд. переписки Пушкина это — № 546.

75. На вырванной 74-й странице, очевидно, находился текст черновика письма Пушкина к Бенкендорфу, датированного в акад. изд. переписки Пушкина концом февраля 1834 г. (№ 775, т. III, стр. 77). Черновик этот кончается словами: „je confie ma très humble requête“. Просьба состояла в выдаче правительством ссуды на печатание „Истории Пугачевского Бунта“. Так как оригинал рассматриваемого черновика находится в одной из рукописных тетрадей Пушкина (№ 2382 — б. Румянц. Музея. См. „Русск. Стар.“, 1884, № 11, стр. 370), которую едва ли видел в 1851 г. Бартенева, то, вероятно, он списал другой черновой набросок этого же письма, впервые напечатанный в акад. изд. переп. Пушкина (см. т. III, стр. 78) и тоже оканчивающийся словом „requête“. Где находится оригинал последнего наброска, нам неизвестно.

76. Рассказываемый случай произошел, вероятно, летом 1835 г., когда Пушкин жил на Черной речке: 19 мая этого года старшей дочери Пушкина Марье исполнилось три года. На Черной речке Пушкин жил летом и 1833 г. О каком Оболенском, „дальнем родственнике“ поэта идет речь, определенно сказать трудно. Это мог быть или кн. Алексей Ник. Оболенский (1787—1852) или его брат кн. Николай Ник. (1792—1857?), троюродные братья отца поэта. См. „Пушкин и его совр.“, в. XI, стр. 120; Г. А. Власьев „Потомство Рюрика“, Спб. 1906, т. I, ч. 2, стр. 295; в к. Николай Михайлович „Московский Некрополь“, Спб., 1908, т. II, стр. 355 и „Петербургский Некрополь“, Спб., 1912, т. III, стр. 285.

77. Об этом же так рассказывала через 47 лет В. А. Нащокина: „К нам часто заходил некто Э., из бедных дворян. Жалкий был человек, и нужда сделала из него шута. Пушкин любил его кривлянья и песни. Время было такое. Особенно много поэт смеялся, когда тот пел:

„Двое саней с подрезами
Третьи писанныя,
Подъезжали ко цареву кабаку“ и т. д.

„Как это выразительно! замечал Пушкин. Я так себе и представляю картину, как эти сани в морозный вечер, скрипя подрезами по крепкому снегу, подъезжают „ко цареву кабаку“ (Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1898, № 8122, стр. 7). Полный текст песни нам неизвестен.

78. Когда была написана „Пиковая Дама“, в точности неизвестно. Вышла в свет эта повесть 1 марта 1834 г. Нащокину Пушкин читал „Пиковую Даму“, конечно, в рукописи, и было это или в августе 1833 г., когда поэт оставался в Москве, проездом из Петербурга в Оренбургскую губернию, или в ноябре этого года, на возвратном пути в Петербург. Последнее вероятнее, так как естественно предположить, что повесть писалась во время пребывания поэта в Болдине (с 1 октября до середины ноября).

На то, что в лице старой графини Пушкин изобразил кн. Нат. Петр. Голицыну, намекает сам поэт в своем дневнике, где под 7 апреля 1834 г. записано: „Моя Пиковая Дама в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. П. и, кажется, не сердятся“.

Кн. Наталья Петровна Голицына, рожд. гр. Чернышева (1741—1837), по прозванию „La Princesse Moustache“, одна из самых ярких представительниц XVIII века, жила в Париже в молодости, где отец ее в 1760—1762 гг. был русским посланником при дворе Людовика XV. В 1766 г. графиня вышла замуж за кн. В. Б. Голицына и в конце 1770-х годов поселяется с детьми в Париже, где и прожила до 1787 г. С знаменитым алхимиком и авантюристом Сен-Жерменом (род. в конце XVII в. ум. в 1795 г.) княгиня едва ли могла встречаться в Париже, откуда он уехал в 1760 году; это могло быть в России, где жил в 1760 годах Сен-Жермен. О кн. Н. П. Голицыной см. прим. Б. Л. Модзалевского в петерб. изд. 1923 г. „Дневника Пушкина“, стр. 132—133, ст. А. Трубникова „Княгиня Голицына в Марьине и Городне“ — „Старые Годы“, 1910, июль — сентябрь и Н. О. Лернера „Оригинал Пиковой Дамы“ — „Столица и усадьба“, 1916, № 52.

Кому из внуков княгиня открыла три карты, сказать трудно. Вероятнее всего это был известный меломан, автор эпиграмм, остроумный рассказчик и картежник кн. Сергей Григорьевич Голицын, по прозванию „Фирс“ (1803—1868). О нем см. прим. Н. О. Лернера в собр. соч. Пушкина, изд. Брокг.-Ефр., т. VI, стр. 438—439.

81. В конце 1851 г. или в январе 1852 г. П. И. Бартенеv уехал из Москвы в Петербург, получив место преподавателя двух сыновей Лидии Дмитр. Шевич, дочери гр. Д. Н. Блудова.

82. Указание Нащокина, что Пушкин сначала хотел перевести трагедию Шекспира „Мера за меру“, подтверждается бумагами П. В. Анненкова, среди которых находится копия с утраченной Пушкинской рукописи перевода начала трагедии.

„Анджело“ Пушкина, впервые напечатанный в сборн. „Новоселье“, ч. II, 1835 (вышла в свет в апреле 1834 г.), у критиков не имел успеха. Один из них, подписавшийся „Жителем Сивцева Вражка“, в „Молве“ (№ 24 за 1834 г.) писал: „По моему искреннему убеждению, „Анджело“ есть самое плохое произведение Пушкина“ (см. собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрон, т. III, стр. 433).

Этого рассказа Нащокина об „Анджело“ Бартенеv не опубликовывал.

83. В „Северных Цветах на 1830 г.“ впервые было напечатано стихотворение Пушкина „26 Мая 1828 г.“ („Дар напрасный, дар случайный“). Приятельница московского митрополита Филарета Елиз. Мих. Хитрово хвалила ему это стихотворение, и в ответ на эти похвалы митрополит сочинил пародию на стихи Пушкина, текст которой Бартенеv списал (из журнала „Звездочка“ 1848 г.) на стр. 85-й. Стихи Филарета дошли до поэта, вероятно, через посредство той же Хитрово. Пушкин, в свою очередь ответил Филарету стихотворением „Стансы“ („В часы забав иль праздной скуки“). Кроме Шевырева, об этом впоследствии спрашивали Филарета Н. В. Сушков и сам Бартенеv. См. Сушков „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского“, М. 1868, стр. 125—127 и „Русский Архив“, 1889, № 7, стр. 464. См. еще „Остафьевский архив“, т. III, стр. 192. О сношениях Пушкина с обер-священником Ив. Сем. Державиным (ок. 1756—1826) ничего неизвестно.

Передавая отзыв Пушкина о Державине, Нащокин, очевидно, имеет в виду то, что рассказывает Пушкин в VIII главе, части I „Истории Пугачевского бунта“ о поведении Державина в Саратове, когда он, сначала настаивавший перед комендантом Бошняком на обороне Саратова, потом, преследуемый Пугачевым, уехал из города, „оставя защиту его на попечение осмеянного им Бошняка“. Последний, с шестьюдесятью человек офицеров и солдат „выступил из крепости, и целые шесть часов сряду шел, пробиваясь сквозь бесчисленные толпы разбойников“ и благополучно прибыл в Царицын. Поведение Бошняка при взятии Пугачевым Саратова, действительно, напоминает поведение Миронова при взятии Белогорской крепости. Относительно „Вельможи“ Державина память изменила Нащокину: как раз эту оду Пушкин ценил низко (см. письмо его к Бестужеву от конца мая — начала июня 1825 г., № 168 акад. изд. пер.). Вероятно, Пушкин говорил о „Водопаде“, „лучшем произведении“ Державина, по определению поэта (см. заметку „О вдохновении и восторге“). О „нравственных достоинствах“ Крылова см. письма 1825 г. кн. П. А. Вяземского и Пушкина (см. акад. изд. пер. Пушкина №№ 214 и 217. Из содержания писем ясно, что № 214 является ответом на письмо № 217, а потому и должно быть помещено после № 217).

§4. У В. П. Горчакова в „Выдержках из дневника. Об А. С. Пушкине“, напечатанных в „Москвитянине“, 1850, № 2, янв., кн. 2, отд. I, стр. 159—172, весьма пространно рассказывается, как в Кишиневе какая-то девида (она вымышленно названа Горчаковым Аделаидой Александровной) просила Пушкина написать ей стихи в альбом. Пушкин будто бы написал восхваляющие ее прекрасные стихи (самых стихов Горчаков не приводит), под которыми поставил: „1-е апреля“, намекая этим, что все сказанное в стихах — ложь. Рассказ Горчакова производит впечатление неудачной выдумки.

§5. См. примечание к стр. 83 тетради.

§7. В последний раз Пушкин приехал в Москву не из Михайловского, как говорили Нащокины, а из Петербурга. Ошибка Нащокиных вполне понятна: поэт, выехав 8 апреля 1836 г. из Петербурга в Михайловское хоронить мать, возвратился в Петербург числа 24-го апреля, а в ночь на 3-е мая был уже в Москве у Нащокиных. Воспоминания о рассказе поэта, как он хоронил мать, и заставили Нащокиных утверждать, что Пушкин приехал к ним прямо из Михайловского.

Приехавшего ночью Пушкина встретила В. А. Нащокина, конечно, потому, что Нащокин был в английском клубе.

В 1898 году В. А. Нащокина говорила: „Помню также, как часто между моим мужем и Пушкиным совершенно серьезно происходил разговор о том, чтобы по смерти их похоронили рядом на одном кладбище, и один раз поэт, приехав из своего любимого имения Михайловского, с восторгом говорил Павлу Воиновичу: „Знаешь, брат, ты вот все болеешь, может, скоро умрешь, так я подыскал тебе в Михайловском могилку сухую, песчаную, чтобы тебе было не сыро лежать, чтобы тебе и мертвому было хорошо, а когда умру я, меня положат рядом с тобою“ (Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1898, № 8115, стр. 6).

П. В. Нащокин собирался к Пушкину в Михайловское осенью 1835 г. См. Письмо Пушкина от октября 1835 г. (акад. изд. переп., т. III, стр. 243).

89. Гр. А. Х. Бенкендорф — шеф жандармов, попечению которого был поручен Николаем I Пушкин.

90. 27 сентября 1832 года Пушкин писал из Москвы жене: „Сегодня еду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора... Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие“. Через несколько дней ей же: „На-днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на Вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления“. Об этом посещении Пушкиным лекции проф. И. И. Давыдова и рассказывал Бартеневу О. М. Бодянский (известный славист, профессор московского университета), ошибочно отнесший эпизод к 1833 г.

Пушкин очень интересовался „Словом о полку Игореве“ и начал писать (вероятно, в 1834 г.) статью о нем. В бумагах поэта была найдена записка о „Слове“ А. Х. Востокова, где среди неизвестных слов названы как раз те самые „харалуг“ и „стрикус“, о которых спрашивал Пушкин Бодянского (см. собр. соч. Пушкина, изд. „Просвещение“, т. VI, стр. 639).

О посещении Пушкиным лекции Давыдова есть в „Воспоминаниях“ И. А. Гончарова („Вестник Европы“, 1887, № 4; в изд. „Нива“ собр. соч. Гончарова, т. XII, стр. 22—24. См. еще собр. соч. Пушкина, изд. Суворина, 1903, т. VII, стр. 475—476).

95. В XI томе посмертного издания собрания сочинений Пушкина была напечатана (не полностью) III глава „Ломоносов“ из статьи Пушкина о Радищеве, называемой „Мысли на дороге“ (в рукописи Пушкина статья не имеет заглавия).

97. Впервые стихотворение А. М. Пушкина „На смерть Кутузова“ признал за пушкинское Белинский в статье четвертой о сочинениях Пушкина (Отеч. Зап., 1843, т. XXXI, отд. V, стр. 30). „Впервые, сколько помним мы, писал критик, появилось стихотворение Пушкина в „Вестнике Европы“ 1813 г. Он написал его (когда ему не было и *четырнадуцати* лет от роду) при получении известия о смерти Кутузова. Стихотворение это не попало в собрание сочинений Пушкина, а потому для редкости мы и выписываем его здесь“. Напечатан текст стихотворения. На основании, надо думать, этого указания опекуны над детьми Пушкина, задумав в 1850 г. новое собрание его сочинений, просили у Николая I разрешения поместить это стихотворение в собрание, на что и получили согласие (см. „Дела III Отделения об А. С. П.“. Спб. 1906, стр. 217).

В 1853 г. В. П. Гаевский в „Отеч. Зап.“, июнь, отд. VII, стр. 148 в статье „Библиографические заметки о сочинениях Пушкина и Дельвига“ писал: „В „Вестнике Европы“ 1813 г. (ч. LXIX, № 9 и 10, май, стр. 188) явилось стихотворение „На смерть кн. М. А. Голенищева-Кутузова-Смоленского“ с подписью А. Пушкин, вводившею многих в сомнение. Автор этой эпитафии — Андрей Пушкин, и, кажется, даже не родственник знаменитому поэту“. В следующей книжке „Отеч. Зап.“ Гаевский в статье по поводу воспоминаний С. Л. Пушкина о поэте между прочим писал: „Многие несправедливо считают первым

стихотворением Пушкина эпитафию на смерть кн. М. А. Голенщикова-Кутузова, напечатанную в „Вест. Евр.“ 1813 г. с подписью А. Пушкин. Подпись эта ввела в ошибку и А. Д. Галахова, который говорит об этой эпитафии как о первом напечатанном стихотворении Пушкина („Полная русская хрестоматия, изд. 5, ч. III, прим. стр. 122). В прошлом месяце в „Отеч. Зап.“ доказано уже, что это стихотворение принадлежит однофамильцу и даже не родственнику знаменитого поэта. Прибавим к сказанному, что автор этой эпитафии не Андрей, как мы полагали, а Алексей Михайлович Пушкин. Указанием этим мы обязаны известному библиографу С. Д. Полторацкому“ („Отеч. Зап.“, 1853, июль, отд. V, стр. 71). См. еще заметку кн. П. А. Вяземского в „Русск. Арх.“, 1866, стб. 862—863 и 885.

Таким образом, как видим, указание Бартенева, что он встретил стихотворение „На смерть Кутузову“ в „Трудах об-ва любит. Росс. Слов.“ ошибочно.

В работе своей „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 1-я. „Детство“ („Моск. Вед.“ лит. отд. 1854 г., № 71) Бартевев указал, что „почтенный библиограф наш С. Д. Полторацкий насчитывает до восьми Пушкиных — писателей“. Об А. М. Пушкине см. ст. Н. Гайворонской в „Русск. биограф. словаре“, т. „Притвиц-Рейс“.

99—100. Статью Вяземского о сонетах Мицкевича см. полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского, т. I. Спб. 1878, стр. 329.

101. Эта цитата также из статьи кн. П. А. Вяземского „Об альманахах 1827 г.“. См. полн. собр. соч., т. II, стр. 23.

103. Во время своего пребывания в Петербурге, в январе — марте 1840 г. Е. А. Боратынский часто бывал у Жуковского, в то время занятого приготовлением к печати IX, X и XI томов посмертного издания собр. соч. Пушкина. В разборе бумаг принимал участие и Боратынский, о чем читаем в его письме к жене: „... был у Жуковского. Провел у него часа три, разбирая не напечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом, и формою. Все последние пьесы его отличаются — чем бы ты думала? — силою и глубиною! Он только что созревал“. (Полн. собр. соч. Е. А. Боратынского, изд. И. А. Н., Спб., 1914, т. I, стр. LXXXII, или „Пушк. и его совр.“, в. XVI, стр. 152. См. еще „Русск. Арх.“, 1899, № 6, стр. 352, где ошибка в годе).

Записанное Бартевевым подтверждается письмом Т. Н. Грановского к Станкевичу из Москвы от 20 февраля 1840 г., где находим такое место: „Вчера же получена новость из Петербурга: скоро выйдут три тома неизданных сочинений Пушкина, в том числе роман, недавно найденный и написанный карандашом [это — „Дубровский“. М. Ц.]. Забавен следующий случай. Боратынский приезжает к Жуковскому и застаёт его поправляющим стихи Пушкина. Говорит, что в конце нет смысла. Боратынский прочел, и что же — это пьеса сумасшедшего, и бессмыслица окончания была в плане поэта“ („Грановский и его переписка“. М. 1897, стр. 384). О переписанном Пушкиным набело тексте стихотворения „Не дай мне бог сойти с ума“ (в тетр. б. Рум. Муз., № 2377) М. Л. Гофман пишет: „...знак строфы и внешний вид рукописи говорит определенно и категорически (и таким образом подтверждает косвенные свидетельства о бреде безумца — продолжении пьесы) о том, что поэт только начал, но“

не окончил переписку законченного стихотворения, первоначальная редакция которого остается нам неизвестной“ (М. А. Гофман. „Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836 гг.“ — „Пушкин и его совр.“, в. XXXIII — XXXV, стр. 360—361).

С Е. А. Боратынским (сконч. 29 июня 1845 г.) Бартепов не был знаком, и запись сделана со слов Ник. Алексеев. Елагина (1822 — 1876), второго сына Авдот. Петровны Киреевской-Елагиной.

В записи Бартепова о Жуковском в дате дня — 26-е — ошибка: Жуковский в Белеве (Тульской губ.) был с 13-го по 22 июля 1837 г. Из Белева Жуковский 17-го июля ездил в имение Елагиных Петрищево, где виделся с Иваном Вас. Киреевским, Авдот. Петр. и Алексеем Андр. Елагиными. С И. В. Киреевским Жуковский виделся и в Белеве („Дневники Жуковского“ — приложение к „Русск. Стар.“ 1902, июнь, стр. 341—343).

Указание на то, что Жуковский будто бы говорил, что из бумаг Пушкина все относящиеся до Петра государь приказал доставить в свой кабинет, — вероятно, ошибочно. На описи бумаг Пушкина, представленной Николаю I, последний 27 февраля 1837 г. против списка бумаг о Петре собственноручно карандашом пометил: „Г. Жуковскому“. Конечно, государь мог потом потребовать эти бумаги к себе („Дела III Отделения с. е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине“, изд. Балашова, Спб., 1906, стр. 196).

105. Иван Филиппович Мойер (Johann-Christian Moier) (1796—1858) — муж (с 14 янв. 1817 г.) любимой племянницы Жуковского Марьи Андреевны Протасовой (1793—1823). Получив богословское образование в Дерптском университете (1803—1805), а медицинское — в Геттингене, в Павии, у знаменитого хирурга Антония Скарпы, в Милане и в Вене у Руста, Мойер с 1814 г. состоял ординарным профессором хирургии (а не анатомии, как записал Бартепов) в Дерптском университете, а в 1834—1836 гг., кроме того, был ректором этого университета. Выйдя в отставку в 1836 г., Мойер переехал на житье в купленное им имение Бунино, Орловской губ., где и прожил до своей смерти, занимаясь сельским хозяйством.

Ливен, упоминаемый в рассказе — кн. Карл Андр. Ливен (1767 — 1844), бывший в 1817—1828 гг. пофечителем Дерптского учебного округа.

Рассказ И. Ф. Мойер в общем согласен с тем, что мы знаем теперь об этой истории по письмам Пушкина и к нему, и по воспоминаниям А. Н. Вульф. У поэта был план, получив разрешение лечиться в Дерпте, уехать оттуда за границу. Письмо к Александру I было написано начерно Пушкиным, но не было подано государю и было заменено письмом матери поэта. Ответом было разрешение лечиться в Пскове. Письмо от 29 июля 1825 г. Пушкина к Мойеру нашлось в бумагах Жуковского и было напечатано Бартеповым в „Русском Архиве“ 1870, № 6, стб. 1172. Письмо это не на французском, а на русском языке. См. нашу статью „Тоска по чужбине у Пушкина“ — „Голос Минувшего“, 1916, № 1, стр. 40—48.

О рассказе И. Ф. Мойера упоминает Бартепов в „Русск. Арх.“, 1877, стб. 123.

III и III. Записи на этих страницах представляют собою две редакции одного и того же рассказа П. В. Киреевского о Пушкине. Во второй, более странной, записи время пребывания Киреевского в Петербурге в 1835 г. по-

казано неверно: Петр Васильевич был в Петербурге, перед своей второй поездкой за границу, с 11-го мая по 12 июня (См. В. Лясковский „Братья Киреевские“, СПб. 1899, стр. 52). Пушкин жил в это время на даче на Черной речке, где у него и был Киреевский с Жуковским. Указание на то, что П. В. Киреевский в то время познакомился с Пушкиным — неверно: Петр Васильевич познакомился с поэтом, конечно, раньше. Пушкин читал Жуковскому, конечно, свое письмо к Бенкендорфу от 1-го июня 1835 г. (акад. изд. пер., № 909, т. III, стр. 203—204), в котором писал: „Я вижу себя в необходимости положить конец издержкам, приводящим меня лишь к долгам и готовящим будущее, полное забот и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года уединения в деревне поставят меня опять в возможность вернуться в Петербург и возобновить занятия, которыми я обязан опять-таки милостям его величества“.

Соболевский с Пушкиным задумали еще в 1828 г. (во всяком случае не позднее этого года) издать собрание русских песен, в которое должны были войти как напечатанные уже, так и вновь записанные песни. Об этом писал Соболевский С. П. Шевыреву 15 декабря 1831 г. из Турина: „Я, сидя здесь, собрал из своих и Воронцовых книг до 700 русских песен; у Рожалина в Мюнхене их должно быть до 150, написанных на память Киреевского Санхопансою Родивоном [Родион — камердинер П. В. Киреевского, ездивший с ним за границу. М. Ц.], которые большею частью неизвестны. Я же и до отъезда [из Петербурга за границу в первых числах ноября 1828 г. М. Ц.] задумал издать с Пушкиным „Собрание Русских песен“. И так пришли мне те, кои ты в Саратове заgrabил, чем крайне меня одолжишь. Переписывай их понемножку, а я тебе дам знать, куда их выслать“ („Русск. Арх.“, 1909, № 7, стр. 502—503). В это же время (16 декабря 1831 г.) Н. М. Языков пишет из Москвы брату: „Пушкин говорит, что он сличил все донные напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку; но он кажется хвастает“ („Истор. Вест.“, 1883, № 12, 533 — 534). Что Пушкин не „хвастал“, доказывает письмо П. В. Киреевского к тому же Н. М. Языкову от 12 октября 1832 г.: „Пушкин был недели две в Москве, пишет Киреевский, и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова и намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много“. „Киреевский думает даже, прибавляет Садовников, опубликовавший приведенную выдержку из письма, послать Пушкину копию с своего собрания“ (Ibid., стр. 535—536).

Тот же Д. Н. Садовников, на основании бывших у него писем Языковых и Киреевских, говорит: „отвлеченный другими работами, Пушкин, как видно, раздумал издавать сборник народных песен, и все материалы из разных рук стали понемногу стекаться в Москву к П. В. Киреевскому. Признавая громадное значение русской народной поэзии, Пушкин ограничился теперь обещанием написать к сборнику свое предисловие“ (Ibid., стр. 538).

Это было, вероятно, в 1833 г.: 25—29 августа Пушкин был в Москве, причем 26-го был у Киреевских с Соболевским, который 2-го октября этого же года писал Пушкину из Петербурга: „Я здесь с пятого числа едва прошлого месяца... стряпаю песенник“ (акад. изд. пер. Пушкина, т. III, стр. 48). Песенника этого Соболевский не издал, а тетрадь песенных записей Пушкина передал П. В. Киреевскому, который в тетради со свадебными песнями, пригото-

вленными им к изданию в 1838 г., при одной песне сделал такую приписку: „Покойный А. С. Пушкин доставил мне 50 №№ песен, которые он с большой точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил точно, где именно. Вероятно, он записал их у себя в деревне в Псковской губернии“ („Песни, собранные П. В. Киреевским“. Новая серия, вып. I, М. 1911, стр. XLVI). В другом месте П. В. Киреевский об этом выразился так: „Пушкин еще в самом почти начале предприятия доставил замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии“ („Чтения Об-ва истории и древностей российских“, 1848, № 9, стр. V). Тетрадь эта до сих пор не отыскана; очень может быть, что ее уже и не существует. По Бартеневу выходит, что тетрадь с записями песен Пушкин передал Киреевскому через Соболевского, при чем слова (в конце стр. 113 — начале 114-й): „Обещая Киреевскому...“ нужно понимать, очевидно, так: говоря о своей тетради, находившейся у Соболевского, и прося последнего передать ее Киреевскому, Пушкин и сказал: „там есть одна моя, угадайте!“ Это, повторяем, могло быть сказано 26-го августа 1833 г. Что Киреевский получил тетрадь не от самого Пушкина, как будто бы говорят и приведенные выше свидетельства самого Киреевского, дважды писавшего, что „Пушкин доставил“ ему тетрадь. Поэтому нужно признать неточной передачу слов Киреевского в „Моих воспоминаниях“ Ф. И. Буслаева. По словам последнего, Киреевский ему будто бы в 1840-х годах сказал так: „Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: „когда-нибудь от нечего делать разберитесь-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — продолжал Киреевский, — никак не мог сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные“ („Мои воспоминания“. Академика Ф. И. Буслаева. М. 1897, стр. 293). Нам кажется, записи Бартенева нужно отдать предпочтение перед Буслаевым, писавшим свои воспоминания в 1889—1892 гг.

Евгений (Андрей Евфимиевич Казанцев) (1778—1871) был назначен псковским архиепископом 27 февраля 1822 г., а 30 сентября 1825 г. был переведен в Tobольск. Встреча его с Пушкиным в Святогорском монастыре (в 5-и верстах от Михайловского) произошла 29 мая 1825 г., так как в этот день в этом году была в монастыре ярмарка, ежегодно устраиваемая в „девятник“, т.-е. в девятую пятницу по Пасхе.

На ярмарке в этот день видел Пушкина опочеккий торговец И. И. Лапин, сделавший в своем дневнике такую запись: „1825 годъ . . . 29 Маія въ Св. Горахъ былъ о девятой пятницы. издѣсь имѣлъ щастіе видѣть Александру Сергѣевича Г-на Пушкина, который некоторымъ образомъ удивилъ странною своею одеждою, а на прим. У него была надѣта на головѣ соломенная шляпа— въ ситцевой красной рубашкѣ, опоясовши голубою ленточкою съ железною въ рукѣ трестію съ прдлинными чор. бакинбардами, которые болѣе походятъ на бороду такъ же съ предлинными ногтями съ которыми онъ очищаль шкорлупу въ апельсинахъ и ель ихъ съ большимъ апегитомъ я думаю около 1/2 дюж.“ (см. Л. И. Софійский. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414—1914 гг.). Псков. 1912, стр. 203).

Эта замечательная запись блестящим образом удостоверяет, насколько точна запись Бартенева.

В последних числах сентября этого же года Пушкин, будучи в Пскове, посетил епископа, о чем писал Вяземскому: „Я из Пскова написал тебе было

уморительное письмо — да жег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения“ (акад. изд. переп. Пушкина, т. I, стр. 301).

Указание Бартенева, что Евгений — „теперь Ярославский епископ“, говорит о том, что запись сделана Бартевым в 1853 году, так как до этого года (с 9 мая 1837 г.) Евгений был Ярославским епископом. О Евгении Казанцеве см. Геннади „Справочный словарь о русских писателях и ученых“, т. I, Берлин, 1876, стр. 333.

123. Екатерина Афанасьевна Протасова, рожд. Бунина (1771—1848) — единокровная сестра В. А. Жуковского, мать Марьи Андреевны Мойер (1793—1823) и Александры Андреевны Воейковой (1795—1829). Н. А. Елагин — Николай Алексеевич Елагин (1822—1876), второй сын Авдотьи Петровны Киреевской-Елагиной, рожд. Юшковой и Алексея Андреевича Елагина (ум. в 1846 г.). Об этом эпизоде П. И. Бартев писал дважды: в 1897 г. („Рус. Арх.“, № 7, стр. 493): „Покойный гр. Д. Н. Блудов передавал нам, что Карамзин показывал ему место в своем кабинете, облитое слезами Пушкина. Голово-мойка Карамзина могла быть вызвана и случайностью: предание уверяет, что по ошибке разносчика любовная записочка Пупкина к одной даме с назначением свидания попала к Екатерине Андреевне Карамзиной (в то время еще красавице)“. В 1907 г. („Русск. Арх.“, № 1, перед. обл.): „По достоверному преданию, супруга Карамзина получила от Пушкина любовную записочку, а той женщине, которой Пушкин назначал свидание, принесено было его же письмо к Карамзиной. Покойный гр. Блудов любил вспоминать, что Карамзин показывал ему в Царскосельском Китайском доме место, облитое слезами Пушкина.“ Вероятно, редакция публикуемой записи вернее этих старческих воспоминаний. А. П. Керн в своих воспоминаниях говорит, что Е. А. Карамзина была первой любовью Пушкина (См. „Русск. Стар“, 1870, т. I, стр. 235, трет. изд.). Об этом же писала гр. Р. С. Эдлинг В. Г. Теплякову (см. там же, 1896, № 8, стр. 417). Об отношениях Пушкина к Е. А. Карамзиной (1780—1851) см. в прим. Б. Л. Модзалевского в кн. „Дневник Пушкина“, Пгр. 1923, стр. 31—35.

127. Существует другая запись о мальчишнике у Пушкина, сделанная Бартевым на внутренней стороне задней крышки переплета тетради с копиями стихотворений Пушкина, снятыми Н. С. Тихонравовым (тетрадь эта хранится в б. Румянцевском Музее, в собрании рукописей Тихонравова. См. Отчет Румянцевского Музея за 1912 г., описание рукописей Тихонравова, составленное Г. П. Георгиевским, № 318). Эта запись опубликована нами в „Русском Библиофиле“, 1916, № 8, стр. 72. Текст ее такой: „Накануне свадьбы был очень грустен, и говорил стихи прощаясь с молодостью (был Варламов), непечатанное. Мальчишник. А закуска [?] из свежей [?] семьи [?]. Обедало у него человек 12, Нащокин, Вяземский, Баратынский, В. [Варламов?], Языков. <Пу б о> [т.-е. Пушкин был очень] И вот Пушкин уехал к невесте; кажется, Елагин [А. А.] На другой день он был [2 слова неразобрано] с отк. рук. он был очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями; брат [?] шу[?тил?]“ (опубликовывая в 1916 г. эту запись, я не знал почерка П. И. Бартенева, и потому не мог назвать ее автора. Теперь мне удалось прочесть в записи несколько слов, в 1916 году не поддававшихся чтению). Наконец, в „Русском Архиве“, 1904, № 1 (обложка), Бартев, вспоминая эти записи, пи-

сал: „Необходимо разыскать стихи... Прощание с молодостью и покаяние в грехах ее, которое Пушкин читал накануне своей свадьбы, на так называемом мальчишнике, и про которые живо вспоминал один из слушателей, И. В. Киреевский“.

Об этом обеде на квартире Пушкина (на Арбате, в доме Хитровой) есть запись в дневнике М. П. Погодина под 17 февраля 1831 г.: „У Пушкина, верно, нынче холостой [*не разбр.*] обед, а он не позвал меня. Досадно. Заезжал и пожелал добра. Там Боратынский и Вяземский толкуют о нравственной пользе“. Об этом же Н. В. Языков писал братьям: „у Пушкина был девишник, так сказать, или лучше сказать, пьянство прощальное с холостой жизнью“ („Истор. Вестник“, 1883, № 12, стр. 531). Спустя два года после этого Д. В. Давыдов в письме к Н. М. Языкову вспоминал, как он, пьяный, говорил Языкову о стихах последнего, „но вы были так пьяны, что вряд ли это помните“, пишет Давыдов („Русская Старина“, 1884, № 7, стр. 134).

„Собралось обедать человек 10“, значит, в записи (в другой записи стоит „12“) и дальше перечисляется шесть человек — П. В. Нащокин, Н. М. Языков, Е. А. Боратынский, Варламов, А. А. Елагин и И. В. Киреевский. На основании записи в дневнике Погодина, в этот перечень нужно включить кн. П. А. Вяземского, а на основании переписки Языкова с Д. В. Давыдовым, и последнего. Кроме этих восьми человек, конечно, был и брат поэта Лев Серг. Пушкин. Таким образом, почти все участники этого обеда теперь известны. Так как не имеется никаких указаний на то, что Пушкин был знаком с композитором Александром Егоров. Варламовым (1801 — 1848), то возможно предположить, не смещал ли Киреевский (или Бартенев) его с композитором Алексеем Николаев. Верстовским (1799 — 1862), с 1825 г. бывшим инспектором репертуара и трупп московского театра. С А. Н. Верстовским Пушкин был на ты. См. письмо поэта к Верстовскому от ноября 1830 г. (№ 491 акад. изд. переписки Пушкина).

По свидетельству И. В. Киреевского „Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям даже было неловко“. Да, решаясь на этот важный, этот роковой, скажем мы теперь, шаг в жизни — женитьбу, великий поэт точно предчувствовал, что идет на смерть. Серьезной думой и грустью проникнут прозаический набросок „Участь моя решена, я женюсь...“, написанный спустя несколько дней после помолвки с Натальей Николаевной в мае 1830 г., а осенью этого же года в Болдине, отрезанный от всех холерными карантинами, в строгом одиночестве, снова отдаваясь мучительному самоанализу и размышляя о своем решении „удвоить жизнь и думать“, Пушкин пишет:

„Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море“.

И такие мысли не были мимолетны, не приходили „так, между прочим“. За неделю до свадьбы поэт пишет Н. И. Кривцову: „Бог ведает, когда и где судьба сведет нас опять. Мы не так-то легки на подъем. Ты без ноги, а я — женат. — Женат — или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. „Il n'est de bonheur que dans les voies communes“.

Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю, как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей . . . Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчёты. — Всякая радость будет мне неожиданностью“.

Как бы желая смягчить безотрадность этих строк, Пушкин добавляет: „У меня сегодня срлееп — прерываю письмо, чтобы тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно . . .“ Но тоска не покидала поэта, и тот же П. И. Бартенева, печатая это письмо Кривцову, в примечании говорит, что он читал замечательное письмо Пушкина, почти накануне свадьбы написанное, в котором Пушкин пишет, что погибнет на поединке . . .

Итак, вот почему „Пушкин был необыкновенно грустен“.

Какие стихи читал на обеде Пушкин, остается неизвестным. Публикуя запись Бартенева в тетради Тихонравова, мы высказали предположение, что это были терцины „В начале жизни школу помню я“, написанные в 1830 г. и полностью до сих пор неопубликованные.

129. П. И. Бартенева был знаком с автором известных „Записок“ Филиппом Филипповичем Вигелем (р. в 1786 г., ум. 20 марта 1856 г.), который по выходе в отставку в 1840 г. поселился в Москве. „Записки“ свои Вигель начал писать, вероятно, во второй половине 1840-х годов: отрывок из них он читал в 1847 г. Погодину (см. Барсуков „Жизнь и труды Погодина“, кн. IX, стр. 170). В 1853 г. Вигель разрешил Бартенева „сделать отметки из его записок и выписать места, в которых говорится о Пушкине“ (см. „Русск. Арх.“, 1866, стб. 1188). В начале своей записки рассказа А. П. Елагиной, на этой (129-й) странице, Бартенева и имеет в виду одну из этих выписок.

Вызванный в сентябре 1826 г. государем из Михайловского в Москву, Пушкин прожил здесь до 1-го ноября, когда уехал опять в Михайловское, откуда вернулся 19 декабря снова в Москву, где и прожил до своего отъезда в Петербург 20 мая 1827 г. Вигель приехал из Петербурга в Москву 5 февраля 1827 г. и пробыл здесь до 19 февраля. О своей встрече с Пушкиным, с которым Филипп Филиппович познакомился еще в 1817—1818 годах, а потом встречался в Одессе и Кишиневе в 1823—1824 гг., Вигель так рассказывает в своих „Записках“: „Несколько лет уже тогда завелась в Москве Итальянская труппа; она играла в небольшом театре в доме Ст. Ст. Апраксина, у Арбатских ворот. Но в эту зиму он умер; вместе с его жизнью должно было прекратиться и её существование; последние представления её были на масленице. Истинных любителей музыки, как и всегда, у нас было весьма немного; подражание несколькими знатным домам, мода — поддерживали сие частное заведение, которое, впрочем, обходилось довольно дешево. Но и тут говорили, будто тот самый Геденнов, который после управлял императорскими театрами, а тогда заведывал кассой этой труппы, не всегда держал её в исправности и часто черпал из неё.

Мне хотелось испытать, выдержат ли мои нервы громкие звуки оперы, и я поехал слушать Ворону-Воровку Россини; к большому удовольствию, которое я ощутил, примешалось еще нечто похожее на боль. Примадонна, мадам Анти имела неприятный голос; тенора звали, кажется, Перуцци, а у Този был славный бас. Все вместе было прекрасно, все было гораздо выше Одесской

посредственности, хотя далеко от совершенства, которым гораздо позже восхищались мы в Петербурге. Там было ужасно дорого и превосходно, а тут дешево и мило; последнее, мне кажется, лучше, ибо большому числу людей доставляет средства часто наслаждаться.

Тут в креслах встретил я двух Одесских знакомых, Пушкина и Завалиевского. Увидя первого, я чуть не вскрикнул от радости; при виде второго едва не зевнул. После сымаки в Псковской деревне, Москва должна была раем показаться Пушкину, который с малолетства в ней не бывал и на неопределенное время в ней остался. Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать. Это было почти накануне моего отъезда, и оттого не более двух раз я мог видеть его; сомневаюсь, однако, если бы и продлилось мое пребывание, захотел ли бы я видеть его иначе, как у себя. Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский...“ (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М. 1893, стр. 133—134).

Описанная встреча в театре произошла действительно на масленице, в понедельник, 7 февраля: в этот день в театре Апраксина давали „Сороку-воровку“ Россини (см. объявление к 11-му № „Москов. Ведом.“ за 1827 г.). Дом известного московского богача, хлебосола и оригинала Степ. Степ. Апраксина (р. в 1757 г., ум. 8 февраля 1827 г.) на Знаменке в 1832 г. был продан Московскому Воспитательному Дому, и здесь устроен Александринский Сиротский Институт для воспитания детей, оставшихся после родителей, умерших от холеры. Затем Институт переименован в Александринский Кадетский Корпус, а впоследствии в Александровское Военное Училище, которое в этом доме и помещалось до октябрьской революции 1917 г. С переездом советского правительства в Москву в 1918 г. здесь поместился Революционный Военный Совет Республики (см. „Русск. Арх.“, 1879, № 6, стр. 221).

Пушкин жил в квартире С. А. Соболевского, в доме Ренкевичевой, на Собачьей площадке, с 19 декабря 1826 г. по 20 мая 1827 г.

Амедей Декамп (Amedée Decampe) до приезда своего в Россию в 1822 г. был директором школы св. Карла Великого в Тулузе. По смерти И. А. Пельта, в 1829 году был избран на должность первого лектора французской словесности в Московском университете. В 1837 г. слабое здоровье заставило его возвратиться в отечество, и спустя некоторое время он отправился в Италию, но умер на дороге близ Альпийских гор. См. „Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета“, ч. I. М. 1855, стр. 294. Об А. Декампе есть в „Воспоминании студентства 1832—1835 гг.“ К. Аксакова. Изд. „Огни“. Спб. 1911, стр. 22, 31—32.

О лекциях Декампа у Сонцова рассказывает Вигель: „У Кристина часто бывал один прескучный, по-моему, даже нелепый француз Декамп, который приехал с тем, чтобы на публичных лекциях преподавать новейшую французскую литературу, и Кристин помогал ему набирать подписчиков и слушателей. Он с глубоким презрением говорил о Расине, о Буало и даже о поэтическом таланте Вольтера и все называл новейших писателей -- Виктора Гюго и других, которых гениальные мысли, не стесненные узами правил Аристота, возьмут высокий полет и должны удивить мир своею смелостию. „Да ведь совершенное безначалие в словесности рано или поздно должно повлечь за собою

ниспровержение законных властей и постановлений“, говорил я ултралегитимисту Крестину, и никак не мог того растолковать ему. Француз, как бы умен ни был, если нет основательности в рассудке, всегда будет прельщаться всякой новизной“ (Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VII, М. 1893, стр. 133).

Матвей Михайлович (а не „М. П.“, как записано Бартечевым) Сонцов (1779 — 1847), в доме которого читал лекции Декамп — супруг тетки Пушкина по отцу Елизаветы Львовны Пушкиной (1776 — 1848). Начав службу в л.-гв. Конном полку, скоро вышел в отставку и поступил в гражданскую службу; занимал должности переводчика в Коллегии иностранных дел, непременно члена Мастерской Оружейной Палаты и чиновника для особых поручений при министре юстиции. О М. М. Сонцове см. Ост. Арх., т. III, стр. 472-3. Огромного телосложения, напыщенный и чванный, Сонцов не пользовался у Пушкина любовью — поэт, судя по его письмам, относился к дядюшке насмешливо. Это ироническое отношение к хозяину дома и было, вероятно, одной из причин такого же отношения и к лектору французскому. Вообще же то, что мы знаем из суждений Пушкина о французских романтиках, не позволяет нам сомневаться в правдивости рассказанного А. П. Елагинной. См. П. Н. Сакулин „Взгляд Пушкина на современную ему французскую литературу“ Собрание соч. Пушкина изд. Брокг.-Ефр., т. V, стр. 374-383.

131—132. Выписки из статьи „Биографическое известие об А. С. Пушкине до 26 года, написанное братом его Львом Сергеевичем Пушкиным“, напечатанной в „Москвитяине“ 1853 г., № 10 (май), кн. 2-я, стр. 50 — 58.

Заметка на внутренней стороне задней крышки переплета находит себе объяснение в словах С. А. Соболевского, сказанных Я. Ф. Березину-Ширяеву: „В знак особого ко мне расположения Пушкин напечатал один экземпляр поэмы „Цыганы“ на пергаменте и преподнес его мне; впоследствии я отдал этот экземпляр кн. Николаю Ивановичу Трубецкому („Русский Архив“, 1878, кн. III, стр. 381).

II.

2. Неподдающаяся чтению запись говорит об Алексее Павловиче Полторацком (1802 — 1863), с которым был дружен Пушкин в Кишиневе, где Алексей Павлович жил в качестве офицера генерального штаба, командированного на съемку. См. Бартечев „Пушкин в Южной России“ — „Русский Архив“, 1866, стб. 1126. В письмах Пушкина его имя упоминается дважды (письмо к кн. П. А. Вяземскому от 6 февр. 1823 г., № 48 акад. изд. переп. и к Ф. Ф. Вигелю от ноября 1823 г., № 56).

4. Поливанов, о котором говорится в раннем примечании, написанном (чернилами) в 1851 г., — Александр Юрьевич Поливанов (1795 — 18...), сын сослуживца Суворова, ген.-майора Юрия Игнатьевича и Анастасии Михайловны Свечиной. В 1814 г. Александр Юрьевич поступил в Кавалергардский полк, где и прослужил до 1820 г., когда перевелся в Московский драгунский полк; в 1823 г. уволен от службы, за болезнью, подполковником (см. „Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826“ под ред. С. Панчулидзева. Спб. 1906,

стр. 285 и А. В. Селиванов „Род дворян Поливановых“. Владимир, 1902, стр. 36, где о брате Александра Юрьевича Михаиле, о котором пишет Бартенев.

В сватовстве А. Ю. Поливанова в 1831 г. за Александру Николаевну Гончарову принимали участие Нащокин и Пушкин, писавший об этом дедушке Афанасию Николаевичу, выразившему свое согласие на этот брак. Но против этого почему-то была Наталья Ивановна, с которой по этому поводу у поэта были резкие столкновения. См. акад. изд. переписки Пушкина, т. II. №№ 533, 537, 541, 546, 552, 553, 556 и 607.

О том, что Пушкин был неравнодушен к старшей сестре своей жены Александре Николаевне Гончаровой (р. 27 июня 1811 г. на мызе кн. Барятинского по Петергофской дороге, ум. в конце 1870-х годов), писала из Петербурга приятельница Пушкина Анна Николаевна Вульф своей матери 12 февраля 1836: „Ольга [сестра поэта] утверждает, что он [т.-е. Пушкин] очень ухаживает за своей свояченицей Александриней“ (*Olga prétend qu'il fait très fort la cour à sa belle-soeur Alex.*). („Пушкин и его совр.“, в. XXI — XXII, стр. 331). Аркадий Осипович Россет рассказывал Бартеневу: „Тогда уже, летом 1836 г. шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса“ („Русс. Арх.“, 1882, № 2, стр. 246). Товарищ Дантеса по полку, кн. А. В. Трубедкой, стариком (в 1887 г.) рассказывал В. А. Бильбасову: „Дело в том, что Гончаровых было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантес, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего beau-frère и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошелся с Alexandrine и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Alexandrine сознавалась в этом г-же Полетике“ (см. Щеголев „Дуэль и смерть Пушкина“, изд. 2-е, стр. 404).

В 1888 г. Бартенев опубликовал свои записки рассказов о Пушкине кн. П. А. и В. Ф. Вяземских В этих записях есть такое место: „Наряды и выезды поглощали все время [Нат. Ник.]. Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна, после Фризенгоф. Пушкин подружился с нею...“ („Русский Архив“, 1888, № 7, стр. 309. О том, что Пушкин Александру Николаевну „удостоивал своею отменною дружбою“, Бартенев писал еще в 1879 г. — „Русский Архив“, № 6, стр. 255). Точки в этой записи заинтересовали П. Е. Щеголева, который обратился за разъяснениями к П. И. Бартеневу, в ответ написавшему (2 апреля 1911 г.): „Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умирающим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и попросил передать ее от него Александре Николаевне. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение“. В другом своем письме (от 14 октября 1911 г.) П. И. Бартенев сообщил П. Е. Щеголеву категорически „что Пушкин был в связи с Александрой Николаевной, об этом положительно говорила мне княгиня Вера Федоровна“ (Щеголев „Дуэль и смерть Пушкина“, 2-е изд., стр. 410).

На интимную близость, существовавшую между Пушкиным и свояченицей указывает, может быть, одна записка Жуковского, опубликованная Щеголевым (указ. соч., стр. 115), об этом же, наконец, говорит, основываясь на рассказе

няньки детей Пушкина, А. П. Арапова (см. Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1907, № 11413 соответствующее место из статьи Араповой перепечатано в указ. книге Щеголева, стр. 410—413).

Теперь к этим свидетельствам мы можем прибавить запись Бартенева, вероятно, относящуюся к 1859 г. и сделанную со слов кн. Е. А. Долгоруковой, о том, что „кажется, что в последние годы Пушкин влюбился в Александру Николаевну“.

После смерти Пушкина Ал. Ник. Гончарова жила вместе с Нат. Ник., занимаясь воспитанием ее детей. Выход Натальи Николаевны замуж (18 июля 1844 г.) за П. П. Ланского (1799 — 1877) не разлучил сестер — Александра Николаевна осталась жить у Ланских, хотя Ланского терпеть не могла. В 1852 г. она вышла замуж за барона Фогель фон-Фризенгоф. Венгерский помещик и чиновник австрийского посольства Фризенгоф первым браком был женат на Наталье Ивановне Соколовой, незаконной дочери Ив. Алдр. Загряжского, отца тещи Пушкина, от какой-то простолюдинки. Таким образом, первая жена Фризенгофа приходилась Александре Николаевне теткой; это объясняет слова записи Бартенева: „Была дружна с его первой женой“ (см. Русский Архив, 1908, № 10, стр. 296).

Слова записи: „...процесс, который был у него с...“ говорят, вероятно, о процессе гр. Строгановых с Гончаровыми из-за наследства гр. Софьи Ивановны де-Местр, сестры Нат. Ив. Гончаровой. Об этом процессе говорится в указ. соч. Араповой (см. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“, 1908, № 11435).

6—7. Запись, начинающаяся словами: „Нас. Ник. Хвост.“ говорит, очевидно, об Анастасии Николаевне Хвостовой, дочери Николая Никифоровича Хвостова и жены его Анны Никитичны, рожд. Кожиной, но о чем говорит эта запись и какое отношение к Пушкину имела эта Хвостова, нам неизвестно.

„Дед, бывший в ссоре с Нат. Иван. и мало дававший ей денег“, это, конечно, Афанасий Николаевич Гончаров, о котором см. прим. к стр. 18 отдельных листов. Сумасшедший отец — Николай Афан. Гончаров, о котором см. прим. к стр. 18 отд. лист.

У Натальи Ивановны было три сына: старший — Дмитрий (а не Иван, как записано у Бартенева) (р. в Москве 1 мая 1808, ум. в 1850-х годах), женившийся на кн. Елизавете Егоровне Назаровой; средний — Иван (р. 22 мая 1810, ум. 19 окт. 1881), женившийся в первый раз на кн. Мар. Иван. Мещерской (ум. 31 июля 1859), во второй раз (в 1861 г.) на Екат. Ник. Васильчиковой (1828—1880) и младший — Сергей (р. в Москве 11 февр. 1815, ум. 28 ноября 1865), женившийся в первый раз на бар. Александре Ивановне фон-Шенк (ум. 26 июля 1848 г.), во второй раз (19 сент. 1848 г.) на Анне Алексеевне Смирновой (р. в 1826 г.) (сообщено мне Гончаровыми и Н. П. Чулковым. См. также „Родословная книга дворянства Московской губернии“ под ред. А. М. Савелова, стр. 384).

10. Записи на этой странице, а следовательно, и на других, написанные карандашом, судя по их содержанию, сделаны со слов кн. Е. А. Долгоруковой, рожд. Малиновской. Павел Федорович Малиновский (р. в 1766 г., ум. 9 сент. 1832 г.) брат первого директора Царскосельского Лицея. В молодости находился на службе при фельдмаршале Салтыкове и участвовал при взятии Очакова. Имея с небольшим тридцать лет от роду, Малиновский в чине

действ. статск. сов. был назначен директором Государственного ассигнационного банка; в 1809 г. вышел в отставку и сделался воспитателем малолетнего гр. Дмитрия Николаевича Шереметева, отец которого гр. Николай Петрович очень благоволил к П. Ф. Малиновскому. По достижении совершеннолетия своего питомца в 1824 г. Павел Федорович переехал жить в собственный дом свой на Шестилавочной на зиму, а на лето переезжал на красивую свою дачу в Белозерке, между Царским Селом и Павловском (см. Н. Гастфрейд „Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею“, т. III, стр. 308).

27 января 1828 г. сестра Пушкина, Ольга Сергеевна, тайно от родителей обвенчалась с Ник. Иван. Павлищевым. Об этой свадьбе так писал В. А. Жуковский своей племяннице А. А. Воейковой (4 февраля 1828 г.): „Вот еще другая свадьба: Пушкина Ольга Сергеевна одним утром приходит к брату Александру и говорит ему: Милый брат, поди скажи нашим общим родителям, что я вчера вышла замуж за . . . (не помню кого). Брат удивился, немного рассердился, но, как умный человек, тотчас увидел, что худой мир лучше доброй ссоры и понес известие к родителям. Сергею Львовичу сделалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкин замечает, что отец его в беспамяත්стве горя поднял спор с цырюльником и начал учить его как пускать кровь, но тем и кончил, а теперь все помирились“ (Соловьев Н. В. „История одной жизни“. А. А. Воейкова—„Светлана“. Бумаги А. А. Воейковой. II. Пгр. 1916, стр. 65-66). Можно думать, Жуковский всю эту историю или слышал не от Пушкина, или нарочно описал не совсем так, как было. Судя по рассказу А. П. Керн, она с Пушкиным встречала новобрачных в квартире Дельвига. См. Майков „Пушкин“, стр. 262—263.

Кого „хотел выгнать из Лицейского пансиона“ Вас. Фед. Малиновский, директор Лицея (о нем см. прим. к стр. 18), сказать трудно; вероятно, брата поэта Льва Серг. Пушкина, учившегося в пансионе, но курса в нем не кончившего.

13. Запись „Плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых“ относится к словам Пушкина в письме к П. В. Нащокину (от 2 декабря 1832 г.): „К лету будут у меня хлопоты. Нат. Ник. брюхата опять и носит довольно тяжело. Не приедешь ли крестить Гаврила Александровича?“ Первый ребенок у Пушкина, дочь Мария, родилась в Петербурге 19 мая 1832 г. (скончалась в Москве 22 фев. с. с. 1919 г.). Исполняя просьбу друга, П. В. Нащокин приехал 29 июня 1833 г. в Петербург к родам Натальи Николаевны и крестил сына поэта Александра, родившегося 6 июля (скончался 19 июля 1914 г.).

17. Кн. Екатерина Алексеевна Долгорукова (1811—1872) — дочь известного директора Московского Архива Министерства Иностранных Дел Алекс. Фед. Малиновского, вышедшая замуж (18 янв. 1833 г.) за кн. Ростислава Алексеевича Долгорукова (1805—1849), бывшего (с 6 дек. 1834 г. по 6 дек. 1839 г.) офицером лейб-гусарского полка. О ней в 1912 г. П. И. Бартевев писал: „Кн. Е. А. Долгорукова — единственная дочь А. Ф. Малиновского. Мать ее, родственница и воспитанница кн. Дашковой, была родом Исленьева, а дед по отцу протоиерей и катихизатор Московского университета Федор Авксентьевич. Княгиня походила на него не только умом, но и наружностью, крайне невзрачною (как видно по гравированному портрету его). Княгиня получила отличное книжное образование и еще в 1818 г. отец напечатал и

издал в Москве переведенную ею на немецкий язык статью свою о памятнике Минину и Пожарскому. Впоследствии она подружилась с Лермонтовым, товарищем ее мужа кн. Ростислава Алексеевича по службе их в царскосельском лейб-гусарском полку, и с Пушкиным, супруга которого была московскою подругою ее молодости. Лермонтов раскрывал перед нею тайны души своей, а от умиравшего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слышала его последние заветы жене и друзьям. Понятно, как дорого мне было знакомство ее, обратившееся в дружбу. Под очарованием ее беседы пропадало впечатление внешней невзрачности, и с нею можно было проводить целый ряд часов достопамятных. Живучи в Швейцарии, она перевела по-французски повесть Коханской „Кирилл Петров и Настасья Дмитрова“ и напечатала в каком-то журнале („Русск. Арх.“, 1912, № 9, стр. 86—87, примечание к письму кн. Е. А. Долгоруковой к П. И. Бартеневу. См. еще о ней у умирающего Пушкина в статье Бартенева в „Русск. Арх.“, 1908, № 10, стр. 295).

С Малиновскими были знакомы родители Пушкина, и Анна Петровна (мать кн. Е. А. Долгоруковой) принимала участие в сватовстве поэта за Гончарову и была на свадьбе посаженной матерью у невесты (см. „Русск. Арх.“, 1881, кн. II, стр. 497—8 и 1902, № 1, стр. 53). В письмах Пушкина упоминается кн. Е. А. Долгорукова (см. письмо к жене от 3 июня 1834 г.) и Малиновские (письма к жене от 20 июля 1830 г. и 25 сент. 1832 г.).

Отец тещи Пушкина, генерал-лейтенант Иван Александрович Загряжский (ум. 19 дек. 1807 г.), был женат, по указанию Бартенева, на Александре Степановне Алексеевой (см. „Русск. Арх.“, 1908, № 10, стр. 296). Дочь Нат. Ник. Пушкиной от второго брака А. П. Ланская, по мужу Арапова, говорит, что жена И. А. Загряжского была бар. Строганова. (см. Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1907, № 11406, стр. 686). У них было две дочери — Софья Ивановна, вышедшая замуж за писателя Ксавье-де-Мэстра, и Екатерина Ивановна, фрейлина (1779—1842).

По словам А. П. Араповой (*ibid.*, стр. 686—687), И. А. Загряжский при живой жене женился в Лифляндии на бар. Липгардт, которую и привез в имение Ярополец (Волоколамского у., Московской губ.), где жила его семья. Здесь будто бы и родилась Наталья Ивановна (р. в 178?, ум. в 1848 г.). О том, что теща Пушкина была дочерью француженки и родилась во Франции, писал Бартенев в „Девятнадцатом Веке“, I, 1872, стр. 387. Об Екатерине Ивановне Загряжской см. примеч. к стр. 62. О Наталье Кирилл. Загряжской см. прим. к стр. 52.

Роман императрицы Елизаветы Алексеевны (1779—1826) с офицером кавалергардского полка Алексеем Яковлевичем Охотниковым (р. в 1780), продолжавшийся два года, кончился трагически. Охотников при выходе из театра, вероятно, в ночь с 4 на 5 октября 1806 г. был смертельно ранен кинжалом клеветы в. к. Константина Павловича и умер 20 января 1807 г. От А. Я. Охотникова у Елизаветы Алексеевны была дочь Елизавета (р. в Петербурге 3 ноября 1806 г., ум. там же 30 апреля 1808 г.). См. „Сборник биографий кавалергардов 1801—1826 под ред. С. Панчулидзева, Спб. 1906, стр. 19—22; перепечатано в „Голосе Минувшего“, 1916, № 1, стр. 197—201; в беллетристической форме этот роман изображен Е. С. Шумигорским в повести „Роман принцессы Иеверской“ („Истор. Вестник“, 1915, №№ 1, 2) и в романе Мережковского „Александр I“.

О романе супруги Александра I с кн. Адамом Чарторыйским так рассказывает в своих воспоминаниях историк барон Барант, бывший в 1835—1841 гг. французским послом в Петербурге: „Император Александр после своего брака и в бытность еще вел. князем тяготился своей женой, очень красивой; но не считая справедливым обречь её на верность, которой он не хотел соблюдать, он предложил ей возвратить друг другу свободу. Они подписали соглашение относительно этого освобождения. Вел. княгиня вскоре им воспользовалась и выбрала кн. Чарторыйского. Вел. князь, казалось, был доволен этим выбором и покровительствовал изо всех сил этой связи. Вел. княгиня забеременела и родила. Когда графиня Ливен, ее стает-дама, принесла ребенка имп. Павлу, тот обратил внимание на черные глаза и черные ресницы новорожденного. „Сударыня, — сказал он г-же Ливен, — полагаете ли вы, что у блондина мужа и блондинки жены может быть ребенок брюнет?“ Статс-дама не нашлась ответить ничего лучшего, как только: „Государь, бог всемогущ“. Этот ребенок — это была девочка — не выжил“. [Дочь имп. Елизаветы Алексеевны в. к. Марья Александровна род. в Павловске 1 мая 1799 г., ум. в Царском Селе 27 июля 1800 г. М. Ц.] См. Шимон Аскенази „Имп. Елизавета Алексеевна и кн. Адам Чарторыйский“ — „Голос Минувшего“, 1916, № 11, стр. 214.

Мария Антоновна Нарышкина, рожд. кн. Четвертинская (1779—1854) была в связи с Александром I с. 1804 по 1818 г., когда, увлекшись флигель-адъютантом Пав. Ив. Брозиним, уехала с ним за границу. От Александра I у Нарышкиной была дочь Софья (1808—1824). О М. А. Нарышкиной см. „Русский Биографический Словарь“, „Русские портреты XVIII и XIX ст.“ изд. в. к. Николая Михайловича, т. III, № 105, его же „Император Александр I“ (см. по указателю) и „Голос Минувшего“, 1916, № 1, стр. 191.

18. Отец тестя Пушкина, Николай Афанасьевич Гончарова, Афанасий Николаевич (ум. 8 сент. 1832 г.), внук нажившего от парусинных и полотняных фабрик огромное состояние сына калужского посадского человека Афанасия Абрамовича, был женат на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной (1765—1835) и имел от нее двух сыновей Дмитрия и Николая (1787—1861). О первом мы ничего не знаем, Николай же получил дома прекрасное образование. По зимам до 1804 г. Гончаровы жили в Москве, а лето проводили в своих калужских имениях, главным образом, в Полотняном заводе (Калужской губ., Медынского уезда). В 1804 г. Николай Афанасьевич был зачислен в Коллегию иностранных дел, и Гончаровы переехали в Петербург. Здесь молодой Гончаров познакомился с красавицей Н. И. Загряжской (см. портрет ее в „Старых Годах“, 1910, июль-сентябрь, стр. 88/89) и 27 января 1807 г. обвенчался с ней в церкви Зимнего дворца. В 1808 г. Николай Афанасьевич перевелся на службу в Москву, а Афанасий Николаевич, разойдясь с женой, которая сошла с ума через два года, уехал за границу. К этому времени состояние Гончаровых сильно пошатнулось, и Николай Афанасьевич энергично принялся за его восстановление, что и удалось ему скоро сделать, пока отец жуировал за границей. В 1812 г. последний возвращается в Россию, поселяется уже безвыездно в Полотняном заводе и отстраняет от дел сына, с 1815 года живущего с семьей в Москве в своем доме на углу Скарятинского пер. и Б. Никитской.

Снова предавшись широкой, разгульной жизни, стоявшей больших денег, Афанасий Николаевич мало уделял средств сыну, принужденному еле-еле сво-

дять койцы с концами. Наделенный тяжелой наследственностью, Николай Афанасьевич в 1823 г. сходит с ума. К этому времени у него было три сына — Дмитрий, Иван и Сергей — и три дочери — Екатерина, Александра и Наталья (четвертая дочь Софья умерла вскоре после рождения). О Гончаровых см. статью А. Средина „Полотняный завод“ в „Старых Годах“, 1910, июль-сентябрь и Араповой „Наталья Николаевна Пушкина-Ланская“ — Иллюстр. прилож. к „Новому Времени“, 1907, №№ 11406 и 11409.

Петру Дорофеев. Дорошенке, бывшему в 1666—1676 гг. гетманом Малороссии, в 1684 г. было пожаловано поместье в 1000 дворов село Ярополец с приделками и деревнями. Затем Яропольцем владел старший сын гетмана Александр, после смерти которого имение перешло к единственной дочери Александра Петровича, Екатерине, вышедшей замуж за Александра Артемьевича Загряжского. Из пятерых сыновей их Ярополец достался пятому — Ивану Александровичу, отдавшему это село с 1743 душами в приданое своей дочери от какой-то француженки Наталье Ивановне Загряжской.

Бытовые подробности жизни Гончаровых в Москве в изложении Е. А. Долгоруковой в печати не появлялись.

Брат Натальи Николаевны Пушкиной Сергей Николаевич Гончаров 17 ноября 1864 г. рассказывал Бартеневу, что „с Натальей Ивановной у Пушкина бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловне, а у Натальи Ивановны была особая молеельня со множеством образов, и про покойного Государя она выражалась не иначе, как с благоговением“ (см. „Русск. Арх.“, 1881, II, стр. 497—498).

19. На предложение Пушкина, сделанное через гр. Ф. И. Толстого в конце апреля 1829 г., со стороны Натальи Ивановны последовал полуотказ. 6 апреля 1830 г. поэт снова делает предложение, которое на этот раз принято. 6 мая состоялось помолвка. 3 мая Пушкин писал родителям: „Очень хотел бы, чтобы свадьба была до поста“, т.-е. до Петрова поста, начинавшегося в том году 1 июня. 23 июля Н. М. Языков пишет родным, что свадьба будет в сентябре, но и в сентябре она не состоялась: в конце августа между Пушкиным и Натальей Ивановной произошла крупная размолвка, и поэт писал невесте, что она „совершенно свободна“. 31 августа Пушкин уехал в имение Болдино, часть земли которого (200 душ) дал ему отец. По возвращении в Москву (5 декабря 1830 г.) Пушкин заложил эти души за 38 тысяч рублей, из которых 11 тысяч дал теще на приданое жены. См. письмо его к Плетневу в акад. изд., т. II, № 523.

Венчание происходило 18 февраля 1831 г. в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот.

Вмешательство Натальи Ивановны в жизнь молодых Пушкиных и было главной причиной того, что поэт, бросив только-что отделанную квартиру в доме Хитровой, в середине мая 1831 г. уехал с женой в Петербург, о чем еще 26 марта писал Плетневу: „В Москве остаться я никак не намерен; причины тому тебе известны, и каждый день новые прибывают“.

По приезде в Царское Село Пушкин писал теще (26 июня 1831 г.): „Я вынужден оставить Москву во избежание разных дряг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали

моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознаться, что это значит проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж — презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет.

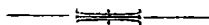
Я представил доказательства терпения и деликатности; но, повидимому, я голько напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствие и сумею его обеспечить“.

Пушкин, узнав о намерении Натальи Николаевны привезти в Петербург жестер, писал (14 июля 1834 г.) ей: „Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей...“

В „Русском Архиве“ (1908, № 7, стр. 428) Бартнев разговор Пушкина с Соболевским о Наталье Ивановне и ее старших дочерях передает несколько иначе: „Соболевский уговаривал Пушкина не приглашать их; но в Яропольце оставаться им было невозможно с матерью, которую окружали богомолки и над которою властвовал ее кучер“.

В первый раз увидеть Наталью Николаевну Гончарову Пушкин мог не „около 1826 г.“, а не раньше сентября этого года.

20. Танцмейстер Йогель, на балу у которого впервые Пушкин увидел Нат. Ник. Гончарову, в течение чуть ли не полувека был, можно сказать, одной из достопримечательностей первопрестольной. Он переучил танцам четыре поколения москвичей, продолжая заниматься этим будучи 80 лет. О его балах В. И. Сафонович пишет в своих воспоминаниях: „Этот Йогель был человек преловкий; его знала вся Москва. Он затеял давать публичные балы по 5 рублей ассигнациями за вход. Балы эти принялись отлично; вся лучшая публика туда ездила, и было очень весело...; на балах Йогеля все было чинно и благопристойно, да никто и не решился бы на грязный поступок, чтоб не оскорбить хозяина и все общество и не потерять доброго мнения“ („Русск. Арх.“ 1903, № 2, стр. 153). См. еще И. Селиванов „Виденное, слышанное, передуманное...“ М. 1882, стр. 211—212. О балах Йогеля упоминается в „Войне и Мире“ Толстого.

Издательство М. и С. Сабашниковых

Существует с 1890 г.

Естествознание, агрономия, медицина.

Алехин В. На весенней экскурсии в Кунцево под Москвой. Пособие для любителей, преподавателей и краеведов.	— 70 к.
Алехин В. Что такое растительное сообщество.	— 60 к.
Алехин В. Основные черты в распределении растительности Европейской России.	— 20 к.
Алехин В. Наши поемные луга. Что надо знать о природе наших лугов перед приступом к их амелиорации и хозяйственному использованию.	
Александров Л. и Некрасова В. Нескучный сад и его растительность. Пособие к ботаническим экскурсиям с определителем растений, содержащим биологические о них данные и сведения о пользе и вреде их для человека.	1 р. 20 к.
Бауэр А. Как улучшить крестьянское хозяйство и завести правильный севооборот.	
Баур Эдв. Научные основы селекции. Руководство для сельских хозяев, садоводов и лесоводов. Перевод под ред. проф. С. Жегалова.	1 р. —
Борисяк А. Геологический очерк Сибири, с картами и разрезами.	1 р. 50 к.
Бузников В. Лесотехнические продукты.	— 20 к.
Вагнер М. Сто физиологических опытов над жизнью фасоли. Руководство к практическому изучению важнейших жизненных процессов в растительном организме.	— 70 к.
Воронов С. Пересадка семенных желез. Омоложение человека.	— 45 к.
Ганнушкин П. проф. Психиатрия, ее задачи и объем преподавания.	— 45 к.
Грегори Р. Открытия. Цели и значение науки. Перев. под ред. проф. Н. Вавилова.	1 р. —
Дояренко А. Крестьянские беседы. Практическое полеводство на опытном поле.	— 55 к.
Кимминс К. Химия жизни и здоровья. Научно-популярный очерк.	— 80 к.
Любименко В. Индивидуум и общество в растительном мире. Общедоступный очерк.	— 30 к.
Любименко В. Табак.	— 30 к.
Маевский П. Весенняя флора. Иллюстрированный краткий определитель растений.	— 70 к.

Мензбир М. Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии	4 р. —
Мензбир М. Тайна Великого океана. Общедоступный очерк	— 50 к.
Мензбир М. Великое оледенение Европы. Век мамонта и пещерного человека	— 30 к.
Мензбир М. Птицы России. Вып. 1	2 р. 80 к.
Минчин Э. Эволюция клетки. Гипотеза о происхождении и первичном строении клетки. Пер. под ред. акад. А. Северцова	— 75 к.
Миз Г. Жизнь и ее проявления. Пер. с изменениями и дополнениями проф. С. Нагибина и Л. Кречетовича	2 р. 60 к.
Михалков В. Почему в Америке куры хорошо несутся. Для практических хозяев	— 45 к.
Москвитин И. Белый уголь в России, с чертежами и картами	— 45 к.
Павлов А. Реки и люди. Эпизоды из жизни и геологической истории рек	— 40 к.
Павлов А. Представление о времени в истории, археологии и геологии	— 15 к.
Полак И. Строение звездного мира	— 45 к.
Северцов А. академик. Эволюция и психика	— 25 к.
Сперанский Т. Уход за ребенком раннего возраста	1 р. —
Страсбургер Э. Учебник ботаники для высших учебных заведений. Перевод проф. М. Голенкина. Часть I. Морфология	3 р. 50 к.
Страсбургер Э. Учебник ботаники для высших учебных заведений. Перев. проф. М. Голенкина, В. Дейнеги Л. Курсанова. Часть II. Систематика	3 р. 50 к.
Сушкин П. и Белинг Д. Определитель рыб Европейской России	1 р. 50 к.
Ткаченко М. Леса России	— 30 к.
Филипченко Ю. Эволюционная идея в биологии	2 р. —
Юдин Т. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека	2 р. 60 к.

История литературы и искусства.

Александров Л. Прошлое Нескучного сада. Историческая справка	— 45 к.
Аристофан. Лисистрата. Комедия. Перевод со статьей и примечаниями А. Пиотровского	1 р. —
Аристофан. Всадники. Комедия. Перевод со статьей и примечаниями А. Пиотровского	1 р. 35 к.
Бальмонт К. Солнечная пряжа. Избранные стихотворения за 1890—1918 гг. с портретом	— 50 к.

Вебер М. Аграрная история древнего мира. Перевод проф. Д. Петрушевского	2 р. 25 к.
Голубкина А. Несколько слов о ремесле скульптора. Дармстедер. Происхождение персидской поэзии. . .	— 60 к.
Долгорукий И. Изборник стихов 1750—1825 гг. Еврипид. Драмы. Ефигения Авлицкая, Ефигения Таврическая, Ион, Киклоп. Переезд Иннокентия Анненского с комментариями Ф. Зелинского . .	1 р. —
Захаров А. Эгейский мир в свете новейших исследований с иллюстрациями	8 р. —
Зелинский Ф. Античный мир. Элада, три выпуска по	1 р. 50 к.
Корнилов А. Курс истории России XIX века. Три части по	— 30 к.
Кроче Б. Эстетика как наука о выражении. Теория. Леонов Л. Деревянная королева. Рассказы с гравюрами А. Кравченко	1 р. 50 к.
Леонов Л. Петушихинский пролом. Рассказ.	1 р. 25 к.
Леонов Л. Туатамур. Рассказ	— 80 к.
Леонов Л. Конец мелкого человека. Рассказ. . .	1 р. —
Лонгфелло. Песня о Гайявате	1 р. 20 к.
Любавский М. История западных славян	1 р. 80 к.
Любавский М. Древне-русская история.	1 р. 80 к.
Модзалевский Б. Анна Петровна Керн.	1 р. —
Некрасов По неизд. материал. Пушкинского Дома . Низамий Абумохамед. Семь красавиц. Рассказ индийской царевны. С персидского.	1 р. —
Остроумов Л. День жатвы. Роман	— 25 к.
Перцов П. Третьяковская галерея.	1 р. —
Перцов П. Щукинское собрание французской живописи в Москве	— 60 к.
Поленова Н. Абрамцево. Воспоминания, с многочисленными рисунками.	— 75 к.
Пушкин А. Граф Нулин. Снимок с издания 1827 г. Редактированный самим А. С. Пушкиным . . .	4 р. —
Первов П. Как в первый раз измерили метр. Общедоступный очерк	— 25 к.
Романов П. Русь. Роман, Книга 1.	— 70 к.
Романов П. Русь. Роман, Книга 2.	2 р. —
Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. VI „А. С. Пушкин“. Лицейская тетрадь, А. Н. Скрябин. Записи . .	1 р. 60 к.
Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1880 г. с статьей академ. В. Сперанского.	3 р. 50 к.
Сперанский М. Н. История древне русской литературы. Киевский период	— 50 к.
Сперанский М. Н. История древне-русской литературы. Московский период	2 р. —
	2 р. —

Тагор Р. Садовник. Гитанджали. Полн. пер. в стихах	1 р. 50 к.
Толстой Н. Охота на Кавказе. Рассказ	— 40 к.
Ферреро Г. Величие и падение Рима. Перевод А. Захарова, т. IV. Республика Августа.	1 р. 50 к.
Джелал Эссад. Константинополь. От Византии до Стамбула. Историко-археологический очерк.	1 р. 20 к.
Тураев Б. академик. Египетская литература. Исто- рический очерк древне-египетской литературы.	2 р. —
Чаянова О. Торжество муз. Памятка исторических воспоминаний к 100-летию юбилею Москов- ского Большого Театра 1825—1925 гг. с вос- произведением редких гравюр и чертежей	1 р. —

Современная физика.

Под общей редакцией Российской ассоциации физиков.

Научные обзоры достижений современной физики, произведшей, как известно, в последние годы радикальный переворот в основных положениях естественно-научного миропонимания.

А. Иоффе. Лекции по молекулярной физике. Второе совершенно переработанное издание	3 р. —
П. Лукирский. Основы электронной теории.	1 р. 50 к.
О. Хвольсон. Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание Издание 3-е	1 р. 50 к.
Я. Френкель. Электрическая теория твердых тел.	3 р. 30 к.

Итоги работ русских опытных учреждений.

Под общей редакцией проф. А. Г. Дояренко.

Русская опытная агрономия за 50 лет своего существования накопила громадный материал по результатам экспериментальной техники полевой культуры, рациональное и широкое использование которого может поднять производительность нашего полеводства на весьма высокую степень. Руководящим фактором организованной агрономической помощи и самостоятельности в области поднятия полеводства должна быть систематическая сводка работ опытных учреждений, дающая готовые результаты их деятельности по отдельным вопросам. Наше издание ставит себе эту задачу. Оно рассчитано на серию выпусков, обнимающих главные результаты деятельности опытных учреждений.

№ 1. В. В. Квасников. Обработка пара. Нечернозем- ная полоса Европейской России (распродано)	
№ 2. Н. В. Лобанов. Засуха и меры борьбы с ней. Обработка пара и снегонакопление	1 р. 40 к.
№ 3. Д. А. Конев. Обработка почвы под яровые. Не- черноземная полоса Европейской России	1 р. —
№ 4. П. Некрасов. Водный режим почвы.	5 р. —

СКЛАД У ИЗДАТЕЛЕЙ:

Москва, Никитский бульвар 8, кв. 7. Телеф. 3-34-40.